

А. Залостьянов

ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ



Арсений
Залостьянов



ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ





ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
80

Арсений Залостьянов

ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ



МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2015

УДК 94(47)(092)“17”
ББК 63.3(2)512
3-26



знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03774-8

© Замостьянов А. А., 2015
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2015

СПОР В ВЕЧНОСТИ

*О вечность! прекрати твоих шум вечных споров
Кто превосходней всех героев в свете был.*

Г. Р. Державин

Место старинных полковых знамён — в музеях. А может быть, они и сегодня поднимают нас в бой?

Дородный барин не без самодовольства выглядывает с портрета. Художник, верно, считал, что льстит Румянцеву, но характер у полководца был не величественно парадный! Уж если он шутил, то шутил, если воевал — то воевал. Бывал и общительным, и замкнутым. Классический русский характер: «Колли пир — так пир горой», а если уединение — то долгое и нерушимое.

Русский XVIII век дорог тем, для кого нет большей ценности, чем победа, чем продвижение вперёд. Звучное понятие — Российская империя — превращалось в континентальную реальность не за здорово живёшь. Каждый шаг — на пределе сил. Каждая пушка — на чьём-то горбу. В воздухе XVIII века перемешаны страсть к изысканности и простодушие. Этим румянцевская эпоха напоминает античный Золотой век — каким он остался в «Илиаде», в мифах о Троянской войне. Свою Трои герои российские взяли доблестным штурмом. Даже вельможное

лицемерие, даже воровство той исполинской эпохи хранят обаяние простодушия.

Для тех, кто изысканное прозябание ставит выше поступка, XVIII век — пора диковатая, варварская. Кровь и пот под припудренным париком, крепостнические забавы, артиллерийский гром забивает уши... Но армия в те годы была — не поверите — средоточием просвещения. И светского, и церковного. Потому и побеждали русские, что под ружьём не чувствовали себя угнетёнными, напротив, познавали вкус победы, наматывали на ус науку. Если войны не отвечают потребностям народа (подчас неосознанным) — поражение неминуемо. Но если появляется плеяда выдающихся военных мыслителей, полководцев и солдат — значит, вершится миссия народа, миссия государства. И, несмотря на червоточины и шероховатости, будем изучать это время как историю успеха.

Как ни странно, эта книга — одна из первых попыток научно-популярной биографии Петра Александровича Румянцева — величайшего полководца и политика, одного из столпов славного Екатерининского века. Хотя исследований о Румянцеве написано немало, да и в исторической романистике он не на последних ролях. Но, увы, и не на первых.

Сегодня мало кто помнит фельдмаршала Румянцева в лицо. С портрета на нас смотрит сановитый чиновник давних времён — и школьники вряд ли безошибочно узнают в этом увальне с горящими глазами кагульского героя. Да и Кагул нынче не на слуху, хотя из школьных учебников эту блистательную победу не вычеркнешь. Забылись и Ларга, и Рябая Могила, и вклад Румянцева в преобразование Малороссии. Нечасто мы вспоминаем о Семилетней войне, в которой именно Румянецв был главным ге-

роем самых славных сражений: Гросс-Егерсдорфа, Кунерсдорфа, Кольбергской операции.

Именем Румянцева не называют города. Трудно поверить, но до сих пор не вышло ни одной почтовой марки или памятной монеты с изображением великого полководца! Правда, есть конверты — но это, по сравнению с маркой, всё-таки «второй сорт» посмертной славы. Ни разу граф Задунайский не был героем кинофильма или телесериала — и в этом он уступил в веках своим соратникам, Суворову, Потёмкину, Кутузову. Неужели потомки недооценивают Румянцева? Разумеется, Румянцева не забыли в армии. Румянцевские традиции не стёрлись: русские и сегодня умеют драться бесстрашно и стойко. Но многие начинания и даже афоризмы Румянцева мы приписываем его великому ученику — Александру Васильевичу Суворову. При жизни баловнем судьбы считался Румянцев: чины и титулы пришли к нему в молодые годы, а Суворов своей очереди дождался мучительно долго. Но в контексте истории граф Рымникский оказался удачливее графа Задунайского. Уж его-то, слава богу, мы ещё узнаём в лицо!

Нечасто услышишь фамилию Румянцева и в «рейтингах» выдающихся русских политиков и полководцев. В недавнем конкурсе «Имя Победы» кагульский победитель не попал даже в двадцатку лидеров. У нас почему-то в моде «серебряный век» русского капитала, который оказался агонией империи. А времена успешной экспансии, вековую эпоху побед мы подзабыли. Есть что-то болезненное в постоянном выпячивании таких полководцев, как Деникин или Фрунзе, таких управленцев, как Витте или Столыпин. Споры нет, яркие личности. Но что мы получим, заикливаясь на катастрофических временах? У побед и у поражений — особая энер-

гетика, с чем поведёшься — тому и уподобишься. Это не суеверие, тут формальная логика работает: изучая судьбы победителей, мы учимся у них, а побеждали-то они не случайно, они формировали систему служения, которая даёт минимум сбоев.

Нет, Румянцева не отрицали, не вычёркивали из пантеона героев. Разве что в начале 1920-х годов, когда торжествовал «левый уклон», беспощадный к «царям и их слугам». Но уже в конце 1920-х красные командиры почтительно изучали наследие Румянцева, а после 1937-го Румянцева включили в десятку русских полководцев, имена которых зазвучали повсюду. Лучшее свидетельство того уважительного интереса к его фигуре — уникальное трёхтомное издание «П. А. Румянцев. Документы», вышедшее в свет в Воениздате в 1953—1959 годах (а подготовленное ещё раньше) под общей редакцией генерал-майора В. Д. Стырова и гвардии генерал-лейтенанта А. В. Сухомлина — в уникальной серии «Русские полководцы». Тогда же вышло и более доступное однотомное издание документов Румянцева. Реляции и письма екатерининского фельдмаршала внимательно читали самые въедливые советские офицеры — участники Великой Отечественной и строители послевоенной сверхдержавы. Сильная сторона советских исследований, посвящённых Румянцеву, — внимание к экономическим реалиям, которые влияли на армейскую действительность, на историю войн.

Жаль только, что нового памятника Румянцев в те годы не удостоился — в отличие от Суворова или Ушакова.

Автора Румянцев восхищает: исполин! Но в литературе аналог парадного портрета — юбилейная статья на две-три страницы. Пишем подробнее,

укрупняем каждый кадр, читаем письма и документы — значит, видим сор и суету эпохи. Самые яркие краски при близком рассмотрении — из грязи. Современники жалуются, интригуют, предают друг дружку, изредка проявляют силу духа — и уверены, что на их долю выпал тяжкий железный век. А потом оказывается, что то была великая эпоха, сопоставимая лишь с несколькими десятилетиями разных веков русской истории. Так случилось с елизаветинским и екатерининским временем. Великое проступает сквозь суету и мусор — надеемся, что это есть в нашем повествовании. Нет в истории прямоезжих дорог, петляем по хлябям — так и должно.

Румянцев действовал в не самое «промемуаренное» время, но кое-какие литературные воспоминания о нём остались. Интереснее других записки А. Ф. Ланжерона. «Фельдмаршал граф Пётр Румянцев, без всякого сомнения, самый блестящий из всех русских генералов; это человек, одарённый большими достоинствами. Он обладает очень серьёзным и весьма обширным образованием, высоким умом, удивительною памятью, здравым суждением, большою твёрдостью и искусством внушать к себе уважение. Этим последним преимуществом он обязан столько же своей обдуманной и вежливой твёрдости, сколько своей открытой и величественной наружности и своим изысканным манерам. Я не знаю человека, беседа с которым была бы более интересна и привлекательна. Мне случалось проводить с ним одним целые дни, и я ни разу не испытал ни одной минуты утомления или скуки». Румянцев умел быть обаятельным, но не любил и редко примерял маску светского собеседника — в особенности в свои генеральские годы. Так что Ланжерону повезло.

В зрелые годы для современников он был примером благочестия и государственной мудрости. Такую репутацию заслужить ох как непросто. Недругов хватало, иные радовались неудачам фельдмаршала, но никто не смел отрицать его достижений. Скорее — современники даже преувеличивали значение полководца, приписывали ему идеальные черты:

Румянцов! Я тебя хвалити хоть стремлюся,
Однако не хвалю, да только лишь дивлюся.
Ты знаешь, не скажу я лести ни о ком,
От самой юности я был тебе знаком,

Но ты отечество толико прославляешь,
Что мя в безмолвии, восхитив, оставляешь.
Не я — Европа вся хвалу тебе плетет.
Молчу, но не молчит Европа и весь свет, —

писал Петру Александровичу Сумароков, первый драматург и замечательный просветитель того времени. Их объединял не только Кадетский корпус, но и преданность империи. В те годы никто не мог потягаться с Румянцевым славой: это он приучил армию к победам, создал вокруг русского воинства ореол непобедимости. До Румянцева всякое случалось... Фельдмаршал сам подготовит себе соперников: его ученики укрепят русскую военную школу.

Немало нового внёс русский фельдмаршал в военную науку. Он явился прямым предшественником Суворова и французских революционных полководцев. Из реформ Румянцева для начала выделим две. Во-первых, он отказался от сплошного, огромного каре. Расторопный граф разбил войска на несколько подвижных небольших каре, командиры которых, зная общий план битвы, действова-

ли самостоятельно — под руководством главнокомандующего, державшего, по возможности, связь со всеми. Во-вторых, он стремился использовать сильные качества каждого «отдельно взятого» солдата. Невиданное дело по тем временам: из каждого полка выбирали самых сильных, умных, толковых солдат, их зачисляли в гренадеры, а лучшие из лучших, наиболее терпеливые и смыслённые, становились егерями, которые должны были поступать в зависимости от ситуации. Их учили ползать, маскироваться, прикидываться убитыми.

Реформы Румянцева (разумеется, он действовал не в одиночку) превратили русскую армию в непобедимую, сильнейшую в мире. Только французская, получив революционный импульс, смогла к началу XIX века конкурировать с русским воинством.

Пётр Александрович был опытным и талантливым дипломатом и царедворцем. Да, всю жизнь он провёл вдали от столиц — главным образом в Малороссии. Но его выдвиженцы проявляли себя в Петербурге — и нередко действовали в интересах патрона.

Румянцев был истинным учеником Петра Великого. А любители великосветских сплетен добавляли: «Не учеником, а сыном!» И создавались версии — на беглый взгляд, вполне достоверные. Но это — эпизод из «потаённой» истории. И цветистые пересуды тоже свидетельствуют о необыкновенной популярности Румянцева. Кого попало в бастарды императора не записывают! Ломоносова да Румянцева — титанов под стать Петру.

«Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния, например, великого Суворова и Потёмкина, но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцева. В этом смысле он единственный

наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равного и до позднейшего времени», — писал Д. Ф. Масловский, внимательный исследователь русского военного искусства.

Он пережил матушку императрицу всего лишь на месяц, успел её оплакать. И ушёл в вечность, найдя упокоение в древнейшем русском монастыре — Киево-Печерской лавре.

Румянцев «был мудрый полководец, знал своих неприятелей и систему войны образовал по их свойству; мало верил слепому случаю и подчинял его вероятностям рассудка; казался отважным, но был только проникателен; соединял решительность с тихим и ясным действием ума; не знал ни страха, ни запальчивости; берёг себя в сражениях единственно для победы; обожал славу, но мог бы снести и поражение, чтобы в самом несчастье доказать своё искусство и величие; обязанный гением натуры, прибавил к её дарам и силу науки; чувствовал свою цену, но хвалил только других; отдавал справедливость подчинённым, но огорчился бы во глубине сердца, если бы кто-нибудь из них мог сравняться с ним талантами: судьба избавила его от сего неудовольствия», — писал Карамзин, коротко знавший современников, товарищей фельдмаршала.

Молодому Румянцеву удалось сломать репутацию вертопраха, которую он по юности заработал вполне заслуженно. Он прорывался навстречу гибели сквозь чащобу Гросс-Егерсдорфа, у берегов Кагула его окружали османы. Не считался с шаблонами. Шум сражений десятилетиями стоял в ушах, когда захворавший фельдмаршал превратился в отшельника, облюбовав малороссийские имения.

С общими представлениями о приличиях он никогда не считался, жил наособицу. Ну какой ещё фельдмаршал по собственной воле годами не появлялся в столице? Он даже Польскую кампанию 1794 года вёл, как сейчас говорят, дистанционно — и не ошибся, избрав Суворова для быстрого удара по войскам Костюшко и Вавржецкого. Третий раздел Польши — последний акт военно-политической эпопеи Румянцева. За годы его службы империя стала могущественнее — и умирал Румянец с осознанием правоты слов Петра Великого, которые император произнёс после Гангутской победы: «Россия соперниц не имеет». В истории России немного найдётся столь счастливых поколений: они видели результаты своих трудов, они уходили победителями.

Славу Румянцева приумножили сыновья, с которыми ему — человеку не семейному — редко удавалось поладить. Знаменательно, что жизнеописание канцлера Румянцева — Николая Петровича — вышло в серии «ЖЗЛ» раньше, чем книга о его великом отце.

О критических оценках личности полководца мы тоже вспомним. Его ведь и демонизировали, и ненавидели — только что не презирали. Случались в полководческой биографии Румянцева и не самые удачные кампании, хотя крупных поражений не было. И по характеру Пётр Румянец — не мальчик из церковного хора. Не следует превращать его в святого великомученика: он земной, со всеми хитростями и играми честолюбия.

Редко встретишь столь прочное переплетение полководческих и политических талантов в одном человеке. При этом Румянцеву хватало мудрости подчас держаться в тени, он умел побеждать соб-

ственное тщеславие, никогда не ввергал Отечество в смуту, не участвовал в заговорах — хотя политическая реальность далеко не всегда устраивала полководца.

Следовать за таким человеком — великое счастье и приключение. Какой крепкий и противоречивый характер — загляденье. И перелистывая биографии других, не менее прославленных наших полководцев, убеждаемся: Румянцева никто не повторил и не заменил.

Так приглядимся к мушкетёрскому роману жизни Петра Александровича Румянцева, фельдмаршала, всех российских орденов кавалера.

Глава первая

ШАЛОПАЙ

*Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!*

Г. Р. Державин

Недоросль и офицер

Гордиться аристократическим происхождением может только не в меру наивный или не в меру честолюбивый человек. Чем — по большому счёту — дворянские предки отличались от крестьянских? Одни сеяли хлеб, другие отнимали у хлебопашцев мзду. В результате за столетия сформировалась прослойка воинов и политиков, вокруг которых образовывались культура и государственные основы. Чем действительно стоит гордиться — так это победами народа, к которым причастны ваши предки. Истории дворянских семей изучены лучше, чем крестьянских — хотя и тут правда переплетается с невероятными легендами. Предки Румянцева веками служили Отечеству и своим феодалам.

По справке Разрядного приказа, родоначальником фамилии Румянцевых является некий Василий Румянец — муж весьма расторопный и предприимчивый. Он известен как пособник великого князя Московского Василия Дмитриевича, сына Дмит-

рия Донского, при завоевании им Нижнего Новгорода в 1391 году.

Князь Московский в Орде испросил ярлык на нижегородское княжение. Василий Румянец был нижегородским боярином и находился на службе у нижегородского князя Бориса Константиновича. Когда завизжали боевые кони и следовало делать выбор — Василий Румянец вовремя передал и своего князя, и его удел в руки великого князя Василия. Заканчивалась эпоха раздробленности, эпоха вольницы мелких княжеств.

Неблагородно? Нам почему-то хочется верить в сказки о дворянской чести — недостижимой для нас нынешних. Но разве можно закрыть глаза на традиции вероломства и воровства, присущие всем аристократическим родам во всех странах Запада и Востока? Почти все они были нацелены на политическую карьеру, а политик есть политик, царедворец есть царедворец — во все времена. За внешней утончённостью — корыстные и честолюбивые планы. Но именно такие характеры необходимы истории, а значит, и государству, и народу. Как бы ни фантазировали анархисты, нет системы, в большей степени отвечающей интересам большинства, чем государство. И не беда, что система слеплена из лжи и шантажа, из подлогов и двурушничества — там и героизму место нашлось, и высоким устремлениям.

Во времена, когда мужал Александр Иванович Румянцев, отец нашего героя, царь Пётр Алексеевич пытался превратить русскую аристократию в воинскую касту, главные ценности которой — вера в государство и верность государю. После петровских преобразований в нашей армии крайне редким явлением стало предательство. Юношей Александр Румянцев поступил в потешные войска, затем слу-

жил в Преображенском полку, ставшем гвардейским. Участвовал во многих сражениях Северной войны — назовём прежде всего победные битвы при Лесной и Полтаве. Царь долго к нему приглядывался. А однажды поговорил по душам и проэкзаменовал заковыристыми вопросами. Румянцев показал себя с лучшей стороны, и Пётр приблизил его. С 1712-го Александр Иванович стал адъютантом (денщиком) государя. То есть помощником на все случаи жизни. Приметив оборотистость и хитрый ум денщика, Пётр поручал ему самые деликатные миссии — главным образом внешнеполитические и карательные. Он возглавляет слежку за мятежным сыном царя и возвращает его в Россию из Неаполя. Скажете — грязная работа? Да, но при этом вполне рыцарская и мушкетёрская — за такие предприятия Натан Эйдельман назвал Александра Румянцева русским д'Артаньяном. Русский гвардеец в ловкости и отваге не уступал никакому гасконцу. В те дни у сторонников царевича Алексея отнимали имения — и Румянцев получил в награду за чистую работу не только майорский чин, но и деревни, конфискованные у политических противников.

В 1720 году Пётр заставил своего любимца оставить избранную невесту и ввёл его в дом боярина Артамона Матвеева, к тому времени давно покойного.

Матвеевы — не чета Румянцевым, избранные из избранных. Артамон Матвеев — знаменитый сподвижник царя Алексея Михайловича, один из первых русских западников, талантливый дипломат. Политик тонкий и расчётливый; правда, погиб во время одного из стрельецких бунтов... Его сын вырос в не менее видного дипломата, ярко проявился в Петровскую эпоху. В окружении Петра Великого он был заметной личностью. В 1720 году в доме Матвеевых

всё крутилось вокруг девятнадцатилетней красавицы-внучки боярина. И тут начинается история таинственная... У многих на памяти живучая легенда: Пётр Румянцев был сыном другого Петра — императора. Как и Ломоносов. Обратите внимание: все трое — крупные, вспыльчивые, властные, свободолюбивые и — гениальные. Таким пересудам нет конца.

Мария Андреевна Матвеева с юных лет несла за собой шлейф роковой красавицы, она вскружила голову многим — и в том числе самому императору, для которого стала не просто очередным увлечением. «Она занимала первое место среди любовниц великого императора, он любил Марию Андреевну до конца жизни и даже ревновал её, что случалось с ним нечасто. Желая, чтобы кто-нибудь держал юную графиню “в ежовых рукавицах”, государь выдал 19-летнюю Матвееву за своего любимого денщика Александра Ивановича Румянцева», — утверждает великий князь Николай Михайлович, историк, проливавший свет на фамильные тайны Романовых. Он опровергает логику и без того маловероятного исторического анекдота: «Сказывают, что молодая графиня Румянцева не уступила домогательствам самого царя. И он, якобы собственноручно выпорол её, в наказание выдал гордячку за хундордного Александра Румянцева». Выходит, что всё-таки уступила.

Андрей Артамонович Матвеев не желал отдавать дочь за Румянцева — не было у царского денщика состояния. А то, что ходил в царских любимцах, — так их немало было, немало и кануло. Но Пётр — уж если взял на себя роль с дальним прицелом — уступать не собирался. Достаточно было одного гневливого взгляда — и сорокалетнего Румянцева Матвеевы приняли как будущего зятя. Злые языки не сомневались: Пётр так торопился, потому что знал,

что Мария на сносях, и хотел покрыть грех законом. Впрочем, в первый год после замужества Мария Андреевна не рожала. На свадьбе присутствовал Пётр, рядом с ним — императрица. Чуть позже Пётр ещё не раз удостоит молодых высочайшими посещениями, не раз разделит с ними трапезу. Румянцев к тому времени уже бригадир, и деревнями его император одаривал щедро. Поселились Румянцевы в доме на Красном канале, что у Марсова поля. Первая дочь, Екатерина, родилась у Румянцевых в ноябре 1721-го, вторая, Дарья, — ещё через два года. А в 1724—1725 годах Александр Иванович служил империи то в Константинополе, то на персидской границе. Получил чин генерал-майора. Жена с ним не путешествовала, жила по преимуществу в Петербурге да в Москве, где бывал и император. Правда, в апреле 1724-го и Александр Румянцев навещался в Москву, к жене. А 5 января 1725 года у Марии Румянцевой родился сын Пётр. Если император доверил Александру Румянцеву поимку одного сына, отчего не доверить ему судьбу второго? Крёстным отцом младенца стал сам царь, крёстной матерью — царица. Будущий фельдмаршал стал последним из крестников императора, жить которому оставалось всего-навсего три недели.

Александр Иванович Румянцев проявил себя на тех направлениях российской внутренней и внешней политики, на которых прославится его сын: в Малороссии и Турции.

Вот таких кровей был будущий фельдмаршал: по материнской линии — несколько поколений царедворцев и дипломатов высшей марки, изысканный ближний круг царей московских. По отцовской — воины, дворяне, политики масштабом помельче. Если не сам государь.

Так что же — нашего фельдмаршала следует считать бастардом императора? Оставим эту версию на примете, но, не имея точных доказательств, станем относиться к Петру Александровичу как к сыну Александра Ивановича, а к Марии Андреевне — как к фаворитке Петра и жене генерала Румянцева. Все эти факты вполне совместимы. А что до подозрений в незаконном рождении — так иногда это почётно. Например, если предположительным отцом называют Петра Великого.

Детство прошло в столицах и в имениях — в том числе малороссийских. Первыми основами воспитания он обязан матери, которая не только в совершенстве знала французский, но и считать умела, и на разные темы поговорить могла бойко и заинтересованно. Отца он не видал подолгу — по семейной легенде, впервые увидел его будучи пятилетним. В это трудно поверить, учитывая, что за это время родилась младшая (и любимая на всю жизнь) сестра Петра Румянцева Прасковья, бывшая моложе брата на четыре года.

В шестилетнем возрасте Петра записали в Преображенский полк — родной для его отца. Пётр рано начал проявлять своенравие, чувствуя себя эдаким главой семьи в женском окружении. Годам к двенадцати выглядел юношей: рослый, плечистый. Интересы и амбиции соответствовали внушительной наружности.

Старший Румянцев боролся с самостийностью, а заодно вращался в украинский быт. Факт, говорящий о многом: неугомонный Пётр Румянцев с детства знал украинский и польский языки. Был у него любимый учитель — бывавший в «европах» полиглот Тимофей Сенютович, выпускник Черниговского коллегиума (того самого, которое основал архи-

епископ Иоанн Максимович). У Румянцевых и до возвышения Петра Александровича были имения в Малороссии.

Александр Румянцев видел сына дипломатом, блистательным сановником — и для начала устроил ему учебную службишку в Пруссии. Старшему Румянцеву не всегда удавалось услужить императрице Анне. Его то ввергали в опалу, то возвращали. И всё-таки он нашёл к ней подход.

Летом 1739 года русский посланник в Берлине барон Бракель получил указ императрицы Анны Иоанновны: «...снисходя к просьбе генерала Румянцева, сын его отправляется дворянином посольства к вам, дабы вы его при себе содержали и как в своей канцелярии для письма употребляли, так и в прочем ему случаи показывали, что бы он в языках и других потребных науках от добрых мастеров поставлен был и искусства достигнуть мог, дабы впредь в нашу службу с пользою употреблен был».

Пётр не хотел бросать родные осины — и решил вести себя в Берлине так, чтобы его вскорости выдворили на родину. И всё же он, совсем как взрослый, оформил документы в Коллегии иностранных дел и удостоился жалованья в 400 рублей годовых — совсем не пустяшного. Очень скоро Бракель проклянёт тот день, когда ему навязали такого сотрудника, а Румянцев обнаружит, что 400 рублей можно промотать за считанные дни. Вести о разнузданных забавах сына Александр Румянцев получал без промедлений. Бракель просто воем выл от проделок недоросля. Однажды молодой Румянцев пропал. Искали его по всему Берлину. Оказалось, со скуки и с перепоею он записался волонтёром в один из прусских полков. Вызволяли его оттуда всем ди-

пломатическим миром. Бракель готов был из личных средств оплатить долги Петра Александровича, только бы избавиться от шалуна. Румянцева решили пугануть специальным указом, который подписали кабинет-министры: «...накрепко о том напоминаем, чтоб ты во всем так поступать тщание имел». Бракель утверждал, что после указа юноша поутих. Но вскоре заболел — и его отправили в Петербург. В столице Пётр быстро выздоровел и, видимо, успел наговорить отцу дерзостей.

Генералу Румянцеву оставалось только просить императрицу принять беспутного сына в Сухопутный шляхетский (кадетский) корпус — в надежде, что там из него выбьют (разумеется, в переносном смысле) дурь. Не в последний раз самой монархине приходилось вмешиваться в воспитание Румянцева. Летом 1740-го это была стареющая Анна Иоанновна.

5 августа 1740 года корпусной майор Фридрих фон Раден получил высочайший указ:

«...Генерала Румянцова сына Петра Румянцова определить в Кадетский корпус и на оного и на поступки его иметь особенное, крепкое смотрение, того ради, ваше высокоблагородие, изволите оного Румянцова в кадеты в комплект определить и положенным по штату довольствоваться с прочими и за ним и на поступки его приказать иметь особенное, крепкое смотрение». С такой аттестацией от самой императрицы ещё никого не определяли в корпус. Петру Румянцеву шёл шестнадцатый год...

Считается, что на воспитании Петра Румянцева прискорбно сказались частые и долгие отлучки отца. Мария Андреевна не справлялась со своенравным отпрыском, а глава семьи ревностно служил Отечеству и годами не видел сына. Отец понимал,

что сына следует вырвать из дома, где он подмял под себя женское царство. Но помог ли Кадетский корпус перевоспитать неугомонного сына?

Строгий режим корпуса Петру Александровичу не пришёлся по душе. Нелегко было привыкнуть к дисциплине после хмельной берлинской вольницы. Кадетов будили в 4 часа 45 минут утра барабанной дробью. К 5 часам 30 минутам они успевали умыться и привести себя в порядок. Причесавшись и надев предписанную корпусным уставом военную форму, кадеты после утренней молитвы шли строем на завтрак. Потом — утомительные занятия в классах. И — военные упражнения на плацу или в манеже до изнеможения. А после обеда — снова два часа занятий науками и два часа экзерциции... И — ни единой возможности увильнуть, ускользнуть от этой рутины. Вообразите: за самовольный выход из класса во время занятий, за неповиновение дежурному кадету, за смех и разговоры на уроке провинившегося ставили «под фузей», то есть заставляли стоять неподвижно один или два часа с тяжёлым ружьём — фузеей на плече. За умышленный пропуск занятия или опоздание — суточный арест. Конечно, при родовитых кадетах проживали их слуги — крепостные. Но правила строго регламентировали и их деятельность.

Ни в одном монастыре столь строгого устава не было. Румянцев быстро проникся ненавистью к корпусу и принялся искать возможности покинуть его стены.

Полноправным хозяином в корпусе был Бурхард Христофор Миних — крупнейший русский военачальник того времени и один из инициаторов создания кадетских корпусов. Его ещё Пётр Великий хвалил за расторопность, а уж при Анне Иоан-

новне он сделался фигурой самой влиятельной. Командовал артиллерией, затем стал президентом Государственной военной коллегии. Получил высшую награду Российской империи — орден Святого Андрея Первозванного и чин генерал-фельдмаршала. Перед Минихом в корпусе все трепетали, а он делал ставку на строгую дисциплину. Удивляла работоспособность этого немца: несмотря на бесчисленные заботы в Военной коллегии, он вникал во все проблемы корпуса. Едва ли не каждого кадета знал по имени, имел представление об их успеваемости и нраве. Этот урок Румянцев усвоит навсегда: нужно присматриваться к подчинённым, всё примечать и запоминать. Хлебнуть вольной жизни кадеты могли только по воскресеньям, и то далеко не каждую неделю. Самых прилежных отпускали в город. А одного — наиболее усердного — направляли по воскресеньям к Миниху в ординарцы. Это считалось высшей честью, хотя и обременительной.

Кадетский корпус считался кузницей не только военных кадров. Это было лучшее в России элитарное учебное заведение, выпускники которого должны были блистать и на статской службе. Потому программа обучения отличалась основательностью. Родной язык, французский, латынь, география, история, математика (весьма насыщенная по тем временам программа включала начала арифметики, алгебры, геометрии, тригонометрии и механики), физика. Изучались военные науки (артиллерия, фортификация) и основы архитектуры. Тут же — и чистописание, рисование, фехтование, танцы, искусство верховой езды...

Кадет Румянцев — рослый, физически сильный, неутомимый — сразу проявил лидерские качества.

Он быстро сходилась с людьми, был заводилой шуток и развлечений, щеголял берлинским разгульным опытом. Любил фехтование и верховую езду. Руководство корпуса мечтало избавиться от такого кадета. Всего лишь несколько месяцев он провёл в стенах сего воинского монастыря — и, стараниями отца, получил офицерское звание.

Приказ от 24 декабря 1740 года подписан Минихом: «Кадет Петр Румянцев октября 27 дня пожалован в армейские полки в подпоручики, о чем изволите быть известны и приказать его из Кадетского корпуса выключить».

Получив назначение в полк, Румянцев, по обычаям того времени, сразу оказался в длительном отпуску и поселился в родительском доме. После корпусных мытарств ему требовалась передышка...

Баловень судьбы куражился вволю. «Он удалством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и был любим женщинами, не знал препятствий и часто, окруженный солдатами, в виду их, торжествовал над непреклонными». Красиво сказано! А что скрывается за высоким штилем, свойственным Бантыш-Каменскому? «Обучал батальон, в костюме нашего прародителя, перед домом одного ревнивого мужа: заплатил другому двойной штраф за причиненное оскорбление и в тот же день воспользовался правом своим, сказав, что он не может жаловаться, ибо получил уже вперед удовлетворение!»

О пьяных проказах юного, а потом уже не юного, а молодого Румянцева до сих пор ходит немало баек. Жалобы на забияку дошли, как говорится, до высочайших ушей — императрицы Елизаветы, которая в душе, может быть, и одобрила молодецкое быство, но была обязана принять строгие меры.

Гнутя шведы

Молодая империя непрестанно воевала с четырьмя соседними державами: Крымским ханством, Османской империей, Польшей и Швецией. Все эти противники во второй половине XVIII века находились не на пике военного могущества, хотя у каждого имелись свои веские козыри, вполне (до поры до времени!) сопоставимые с российскими. Россия набирала силу постепенно, и те же шведы подчас поглядывали на русскую армию свысока. Мешали русским длительное отсутствие деятельного монарха, постоянные интриги вокруг трона. И всё-таки империя укреплялась, теснила соседей.

Чем больше времени проходило со дня смерти Петра Великого — тем больше сомнений вызывал у шведов Ништадтский мир, добытый оружием первого русского императора. Войну с Россией шведы считали неизбежностью — и заранее готовили прискорбные для России условия будущего мирного договора, вплоть до перехода Санкт-Петербурга под власть шведской короны. Шведы знали, что Балтийский флот, представлявший грозную силу в петровские времена, потерял боеспособность. Много лет в Петербурге не было хозяина, не было крепкой руки: сплошное женское царство да коронованные недоросли, которые вели политику расточительную и не сориентированную на государственный интерес. В Европе многие считали, что на таком политическом фоне российская армия значительно ослабла. К тому же шведский посланник в Петербурге Эрик Нолькен докладывал в Стокгольм о значительных потерях, которые русские понесли в войне с турками.

Они недооценивали силу русского оружия: даже дворцовые перевороты и придворное воровство не помеха для армии, которой Пётр Великий дал толчок к развитию.

Между тем как раз шведская армия после Карла XII потеряла стержень. К войне они готовились долго — но в большей степени на словах. Оперативно двинуться в поход не удавалось: столкнувшись с подобной медлительностью, великий Карл, несомненно, впал бы в ярость. Впрочем, шведская казна была истощена как раз войнами блистательного короля-воина — и теперь рассчитывать приходилось только на французские субсидии. Париж, не заинтересованный во вмешательстве России в войны за австрийское наследство, стремился разжечь пламя вражды между Стокгольмом и Петербургом.

В июле 1741-го Швеция объявила России войну, выставив странную причину: убийство дипкурьера Малькольма Синклера, который вёз документы о шведско-турецком союзном и военно-наступательном договоре. Несчастный Синклер погиб в Силезии, и его гибель не без оснований приписали русским шпионам, действовавшим по приказу Миниха. К середине лета пятитысячный корпус генерал-лейтенанта Будденброка сосредоточился у Фридрихсгама, трёхтысячный генерал-майора Врангеля — у Вильманстранда. До Петербурга — рукой подать. В Стокгольме запальчиво считали, что шведский солдат стоит десяти русских — и с десяти тысячной армией думали взбаламутить Российскую империю. К тому же среди воинов Будденброка насчитывалось немало финнов, которые не оправдают надежд шведской короны. Когда дело дойдёт до серьёзных сражений, шведы перебросят на спорную территорию ещё не более десяти ты-

сяч солдат. Но даже в смутные времена дворцовых переворотов и недолгих царствований Россия без напряжения могла мобилизовать на борьбу со шведами семидесятитысячную армию, разделённую на четыре соединения, прикрывавшие разные направления: Петербург, Выборг, Кронштадт, Прибалтику. Наиболее мощной была выборгская группировка. С ней и начал наступление на шведские позиции фельдмаршал Ласси.

Войска подошли к окрестностям крепости Вильманstrand. В наше время там располагается город Лаппеэнранта — один из крупнейших в Финляндии, с населением более семидесяти тысяч человек. В те времена вокруг крепости крупных населённых пунктов не было. Городок к тому времени уже лет сто был камнем преткновения в военных спорах двух держав.

Там состоялось боевое крещение Румянцева, там артиллерия заглушила его юношеский пыл. Он и после сражения остался баловником и балагуром, но ощутил себя человеком военным — и стал отдаваться службе всей душой.

Ласси предложил Врангелю сдаться, но разъярённые шведы застрелили русского парламентёра-барабанщика. Ласси оставалось только начать артобстрел Вильманstrand — и он решился на это. После канонады — яростный штурм, длившийся ровно час. Русские овладели крепостью — и дрались в тот день ожесточённо. Шведы потеряли убитыми, ранеными и пленными более четырёх тысяч человек — две трети корпуса. В плен попал и раненый Врангель со всем своим штабом.

Ломоносов откликнется на первую победу в новой войне звучными стихами:

Российских войск хвала растет,
Сердца продерсски страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает;
Преж нежел ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на Финских раз полях.
Свой яд премерску зависть травит,
В неволю тая храбрость славит,
В Российских зрила что полках.

В кампании 1742 года фельдмаршал Ласси проявил решительность, доходившую до самоуправства, — и наверняка Румянцев запомнил этот дерзкий полководческий успех. Петербург настоятельно рекомендовал фельдмаршалу остановить наступление на берегах реки Кюммене, чтобы выстроить там укрепления. Но Ласси был убеждён, что нельзя терять возможность поставить в кампании эффектный восклицательный знак, проучив шведов агрессивным наступлением с моря и с суши.

Шведы окончательно отдали инициативу: сил на сопротивление не хватало. Русские части с боем заняли крепость Нейшлот и без боя — Тавастгус.

Армия Ласси неожиданно быстро обошла Гельсингфорс (Хельсинки). Для корпуса генерала Бускета, который располагался в Гельсингфорсе, пути к отступлению были перекрыты. В то же время эскадра под командованием вице-адмирала Захара Даниловича Мишукова блокировала город с моря. Генерала Левенгаупта столь смелые действия русских просто ошарашили. Погибать он не собирался. Шведы недолго терпели блокаду: 24 августа капитулировали без боя. При этом финнам было предложено разоружиться и разъехаться по домам, присягнув на верность русской императрице. Боль-

шинство финнов согласились на такие условия. Вместе с ранеными и больными сдались 18 тысяч человек. Стокгольм увидел в действиях генерала предательство, заговорили о подкупе, а также о ненадёжности финнов.

После Гельсингфорсской операции семнадцатилетний Пётр Румянцев получает чин капитана: завидно быстрым производством он был обязан не только собственной храбрости и расторопности, но и отцу. Ведь именно генерал-аншеф Александр Румянцев взял на себя руководство завоёванной Финляндией, расположившись в гельсингфорсской резиденции. Правда, вскоре была учреждена должность генерал-губернатора, которую занял генерал фон Кампенгаузен.

Капитан Пётр Румянцев наводил ужас на старших офицеров ухарскими выходками. А вот солдаты любили его за храбрость и умение хорошо снабжать вверенную ему роту. Солдатам Румянцева всегда хватало хлеба и мяса. В то время его положение главным образом поддерживал авторитет отца.

На переговорах Пётр Румянцев присутствовал в качестве флигель-адъютанта отца. Старый дипломат ждал выгодного стечения обстоятельств, чтобы выдвинуть сына — и такая минута пришла. 7 августа стороны подписали договор — и молодой Румянцев помчался в Петербург с радостной вестью. Он оказался спорым курьером: без промедлений добрался до столицы. И вскоре был «всемилюстивейше пожалован» в полковники — сразу из капитанов. Перепрыгнул разом три чина: секунд-майора, премьер-майора и подполковника. Как тут не вспомнить песенку гораздо более позднего времени, из репертуара Леонида Утёсова: «И славно учат

правнуки истории урок, и юные полковники берут под козырёк!» Вроде бы юных полковников не бывает и быть не может, но Румянцев, вопреки логике, получил это высокое звание в 18 лет. Вскоре он примет под командование Воронежский пехотный полк — и это назначение станет серьёзным испытанием.

«Мир постановлен был в Або́ве уполномоченными от России генералами графом Александром Ивановичем Румянцевым и бароном фон Люберасом, а от Швеции сенатором бароном Цедеррейцом и государственным секретарем бароном Нолкеном. Сим миром Россия приобрела крепость Нейшлот и Кименсгердскую область», — будет вспоминать о тех событиях Пётр Панин.

Елизавета Петровна не поскупилась на награды для Румянцевых. Дипломатические старания старшего вскоре увенчались графским титулом. Потомственным — то есть сиятельным графом Российской империи стал и его сын. Девиз избрали на редкость подходящий: «Не только оружием». Ведь Румянцевы в этой войне участвовали и в сражениях, и в переговорах. Або́ский мир перевернул судьбу Петра Румянцева: он одновременно стал полковником и графом. Но и после этого ухарь не прекратил забавляться. Проказы юности продолжались.

Родителям доносили о каждой проделке холостого гуляки: кляузников и шептунов хватало. Жалобы в очередной раз дошли до самой императрицы. Наказывать повесу она не стала, но указала Александру Ивановичу на проделки сына. После краткого мужского разговора с сыном отец велел принести розги. Пётр Александрович возмутился: «Я полковник!» Старик ответил: «Знаю и уважаю твой мундир,

но ему ничего не сделается: я буду наказывать не полковника, а сына». Впрочем, в жизни, наверное, всё происходило банальнее, чем в отшлифованных исторических анекдотах.

Императрица между тем наметила для молодого Румянцеву невесту — Марию Артемьевну Волинскую. Её отца, кабинет-министра Волинского, казнили при Анне Иоанновне, а Елизавета осыпала их семью милостями. Александр Иванович писал сыну в воодушевлении: «Такой богатой и доброй девки едва найти будет можно... Ея богаче сыскать трудно. За ней более двух тысяч душ, и не знаю, не будет ли трех! Двор Московский... каменный великий дом в Петербурге... Конский завод и всякий домовый скarb». Сын остался глух к увещаниям и сорвал сватовство.

Они надеялись, что женитьба его образумит — но Пётр уклонялся от свадьбы. «Не умори нас безвременно. А ежели наш совет послушал, то всё лучше было; для того вам и хочется одною головою жить, чтоб свободнее одному шалить и пустодомом жить», — зывала к нему мать.

«С сею почтою получил я из Выборга письмо цольфервальтера (сборщик пошлин. — А. З.) тамошней почтовой таможни Людвиха, приносит на вас жалобу; первое, как вы едущую на дороге жену его обидели, и потом, после пробития зори, с солдатами, вломясь в дом, непотребные поступки делали... Рассуди, пристойно ли человеку, имеющему знатный чин, такие шалости делать, не храня как родительскую, так и свою честь!.. Знай же, я уже в ваши дела вступаться не буду: живи как хочешь, и хотя до каторги себя доведи, слово никому не вымолвлю, понеже довольно стыда от вас натерпел-

ся... Мне пришло до того: или уши свои зашить и худых дел ваших не слышать, или отречься от вас... » Это сказано весной 1747-го. Петра несколько напугала перспектива отцовского проклятия, но за ум он не взялся.

Через год Пётр Румянцев согласится на свадьбу: Екатерина, дочь генерал-фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына ему приглянулась. По-видимому, то была любовь пылкая, хотя, как покажет будущее, кратковременная. И свободного образа жизни полковник Румянцев не переменял. Старший Румянцев не раз сталкивался с представителями многочисленной династии Голицыных и породниться с ними считал за честь. Александр Иванович скончался почти умиротворённым, вскоре после долгожданной свадьбы сына.

По легенде Румянцев переменялся после того самого ритуального телесного наказания. Но мы знаем, что после наказания он не утихомирился, и потому рассмотрим и другую версию. 4 марта 1749 года умирает Александр Иванович. Было ему под семьдесят, но из политики он не уходил до последних дней. Его даже считали противовесом Бестужеву, который тоже был немолод, и прочили в канцлеры. Вот тут-то, после смерти отца, и почувствовал младший Румянцев всю тяжесть ответственности — не столько за семью, сколько за собственную судьбу. Хотя в одночасье такие перемены не происходят. Так и умер отец, не успев насладиться славой сына, не дожив до Семилетней войны. Так и отошёл в мир иной в уверенности, что воспитал вертопраха, лишь по отцовской протекции достигшего высоких чинов.

Ещё при жизни отца Румянцев принял участие в походе на Рейн. Россия вступила в Войну за ав-

стрийское наследство, помогая Священной Римской империи отстаивать её интересы в борьбе с Францией. Но до боевых действий не дошло: Франция и Австрия подписали мир.

В полковниках Румянцев ходил больше десятилетия: вероятно, если бы не смерть отца, в генералы его произвели бы раньше. В 1755-м, в возрасте тридцати лет, Румянцев получает чин генерал-майора. К этому времени он с головой ушёл в службу: более сосредоточенного и работоспособного генерала Россия ещё не знала. История спешила испытать его в невиданной по масштабу войне.

Глава вторая
СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

*Иль мало смертны мы родились
И должны удвоять свой тлен?
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плачь осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих...*

М. В. Ломоносов

Заваривалась одна из странных войн в истории России. Безусловно, не оборонительная. Но и не ради имперской экспансии. После мирных десятилетий императрица Елизавета решила продолжить политику отца — в меру собственного понимания. Это означало активное участие в дипломатической борьбе, которая развернулась в Европе. А дипломатическая борьба порождает непреодолимые противоречия, из которых выход один — война.

Предвоенный пасьянс

Принято считать Фридриха Прусского инициатором всеевропейского острого противостояния армий и дипломатий. Это ему стало тесным родное королевство, это он ощущал в себе силу духа и полководческой сноровки, это он недооценивал противников, фанатически верил в свою звезду. Это ему нечего было терять, а перспектива приобрести пол-Европы не давала крепко спать.

В Англии на Фридриха надеялись: видели в нём гаранта прав Ганновера — британского поместья на континенте, в германском окружении. Как-никак, мать прусского короля была дочерью английского короля Георга I. Близкое родство — и великий пруссак о нём никогда не забывал. В случае любого нападения на Ганновер он обязывался защищать его (а значит, и британские интересы) всеми средствами. Этими обязательствами взаимоотношения Берлина и Лондона не ограничивались: англичане оказывали королю дипломатическую и финансовую поддержку, без которой ему не удалось бы содержать столь многочисленную, вымуштрованную и, в большинстве своём, наёмническую армию. И во Франции у Фридриха издавна хватало поклонников, в том числе и среди влиятельных персон, властителей дум. Ведь прусский король — классический просвещённый монарх, воплощённый идеал Монтескьё. По крайней мере, он сумел себя таковым представить, а идеологи ухватились за яркий пример. Расина и Корнеля он знал не хуже, чем парижские литераторы. Заявлял о веротерпимости: даже о мусульманах отзывался благожелательно. Фридриху удалось стать другом Вольтера — они сошлись в том числе как два поклонника Петра Великого. Именно на суд Вольтеру послал Фридрих своё сочинение — «Антимакиавелли». Вольтер помог издать книгу, создал ей репутацию, по читающей Франции пошёл шумок: «Автор этой книги — наследник прусского престола!» Во Фридрихе видели надежду просвещённой Европы. Вряд ли они догадывались, что будущий король воевать любит не меньше, чем читать, а по уважению к «праву сильного» даст фору и самому Макиавелли. «Если вам нравится чужая провинция и вы собрали достаточно сил, занимайте её немед-

ленно. Как только вы это сделаете, вы всегда найдёте юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию» — разве это мысль антимакиавеллиевская?

Когда автор «Брута» решил стать историком Петра, он обратился к Фридриху за консультациями — и сразу послал ему несколько вопросов: «1. В начале правления Петра I были ли московиты так грубы, как об этом говорят? 2. Какие важные и полезные перемены царь произвёл в религии? 3. В управлении государством? 4. В военном искусстве? 5. В коммерции? 6. Какие общественные работы начаты, какие закончены, какие проектировались, как то: морские коммуникации, каналы, суда, здания, города и т. д.? 7. Какие проекты в науках, какие учреждения? Какие результаты получены? 8. Какие колонии вышли из России? И с каким успехом? 9. Как изменились одежда, нравы, обычаи? 10. Московия теперь более населена, чем прежде? 11. Каково примерно население и сколько священников? 12. Сколько денег?» Фридрих, конечно, не мог просветить Вольтера по этой части, но и обманывать отписками не стал. Он обратился к пруссакам, жившим в России, — и в результате получил любопытный документ — сочинение Иоганна Фоккеродта, бывшего секретаря прусского посольства в России. Господин Фоккеродт сочинил обстоятельную записку о реформах Петра, но, увы, дал волю русофобии или просто прямолинейному европоцентризму. А Вольтер стремился к объективности, и многое из «страшилок» Фоккеродта не вызвало доверия у французского скептика. Вольтер отверг прусский взгляд на Россию и на Петра — быть может, потому, что верил в военно-политический союз Парижа и Петербурга. И всё-таки Фридрих помог ему в работе над петровской темой,

а дружеская (хотя зачастую и настороженная) переписка двух столпов Просвещения продолжалась почти пять десятилетий, несмотря на волны взаимного раздражения и прямые конфликты. Накануне Семилетней войны они стали политическими противниками, оказались в противоположных лагерях. Франция и Пруссия готовы были броситься в истребительную схватку, и Вольтер, к разочарованию Фридриха, написал разоблачительные стихи о дружге-короле, презрев просвещённый космополитизм. По крайней мере, это послание приписывали именно Вольтеру.

Начиналось оно вполне дипломатично:

Монарх и философ, полночный Соломон,
Весь свет твою имел премудрость пред очами;
Разумных множество теснясь под твой закон,
Познали Грецию над шпрейскими струями.
Вселенная чудясь молчала пред тобой;
Берлин на голос твой главу свою воздвигнул,
С Парижем в равенстве до звезд хвалой достигнул.

На русский язык эти стихи переложил Ломоносов — его переводом мы и наслаждаемся, понимая, что наш просветитель привнёс в Вольтеров стих и свою политическую правду.

Десницей Марсову ты лютость укротил,
Заперши дверь войны, предел распространил.
Число друзей твоих умножил ты Бурбоном;
Но с Англией сдружась, изверившись ему,
Какого ждешь плода раченью своему?
Европа вся полна твоих перунов стоном,
Раздор рукой своей уж пламень воспалил
Ты лейпцигски врата внезапно разрушил,
Стопами роешь ты бесчувственны могилы,
Трепещут все, смотря твои надменны силы.

Ты двух соперников сильнейших раздражил,
Уж меч их изощрен и ярый огонь пылает,
И над главой твоей их молния сверкает,
Несчастливой монарх! ты лишне в свете жил,
В минуту стал лишен премудрости и славы.
Необузданного гиганта зрю в тебе,
Что хочет отворить путь пламенем себе,
Что грабит города и пустошит державы,
Священный топчет суд народов и царей,
Ничтожит силу прав, грубит натуре всей.

После такого памфлета какая может быть дружба? Не ждал король от революционного просветителя разоблачительных заклинаний. Но переписка не прервалась, а Вольтер не спешил признаваться в авторстве этих стихов. После всей этой журналистской войны мышей и лягушек Фридрих разлюбил изящную словесность: стихи, прозу, драматургию. Отныне всё это казалось ему бездарной и лукавой стряпнёй — в том числе и то, чем он восхищался смолоду. Раздражение перенеслось и на музыку, и на живопись: даже Моцарту от короля доставалось. Теперь он нечасто изменял политике и войне — и испытаний на этом поприще Фридриху пришлось претерпеть немало.

Россия для обоих оставалась заснеженной загадкой. Для Вольтера — далёкой, для Фридриха — близкой, которая зияет под боком. Им казалось, что соотношение сил напоминает времена классической Греции: в Европе — цивилизация, на Востоке — многочисленные варвары, не лишённые пышности. Грекам и во времена Мильтиада, и тем более во времена Александра Македонского удавалось разбивать персидские войска, превосходящие их по численности раз в десять. Фридрих не видел в России угрозу: по его убеждению, даже голштинский

фактор не мог затянуть Северную империю вглубь Европы. Вдали от родных деревень, в непривычных условиях русский солдат окажется бессильным — или проявит себя дикарём, вызывая ненависть чинных германских обывателей. Он не мог поверить, что Россия сумеет несколько лет управлять Восточной Пруссией без серьёзных внутренних конфликтов.

Как и многие, Фридрих не избежал недооценки «русского медведя». Тем более он имел основания считать себя лучшим знатоком военного искусства и воспитателем армии. Прусская армия превратилась в совершенный механизм, при столкновении с которым любые другие войска превращаются в бессильную толпу, рассыпаются беспомощно.

При так называемом «первом разделе Польши» он лихо воспользуется дипломатическим согласием с Петербургом — вот и сейчас установка Бестужева на сотрудничество с Англией вполне устраивала Фридриха. В Пруссии знали о борьбе политических «партий» в России, профранцузские настроения Шувалова не могли не тревожить Фридриха. В своих предвоенных расчётах не считаться с Россией он не мог, но в высокую боеспособность русской армии не верил.

Итак, Бестужев. Мы уже упоминали этого господина, но без краткой его характеристики повествование о Румянцеве будет неполным. К началу Семилетней войны Алексей Петрович был далеко не молод — и многолетний опыт дипломатической борьбы давил на плечи. Ещё Пётр Великий отправил его учиться в Европу, самый одарённый дипломат из петровских выдвигенцев — князь Куракин — приблизил Бестужева. Юный дипломат участвовал в Утрехтском конгрессе, затем много лет служил в Ганновере, Копенгагене, Гамбурге. Во вре-

мена Анны Иоанновны оказался в партии Бирона. После краха герцога Курляндского Бестужева осудили на четвертование, но ограничились ссылкой в деревню. Ему удалось примкнуть к перевороту 25 ноября 1741 года, приведшему к власти дочь Петра. И вскоре титулы, чины и ордена посыпались на него. Подобно Румянцеву, Бестужев отличался от коллег-современников целеустремлённостью и трудолюбием. Службе он отдавал себя целиком — не забывая, однако ж, и о выгоде материальной.

Решающее воздействие на ход войны оказывала расстановка политических сил в Петербурге. Интриги вокруг престола многократно усиливались во время болезней императрицы. Бестужев слыл убеждённым противником Петра Фёдоровича, открыто действовал против наследника. Канцлер понимал, что приход к власти Петра сломает тщательно выстроенную дипломатическую систему, в которой Россия ориентировалась на Британию и Австрию. Бестужев втайне рассчитывал возвести на престол малолетнего Павла Петровича под опекуном Екатерины, с которой ему удалось наладить доверительные отношения, хотя изначально он числил «принцессу Фике» агентом Фридриха. Во Фридрихе Бестужев всегда видел угрозу собственной политике и стратегии Петра Великого, на которого канцлер ссылался беспрестанно. Пётр Великий в те годы стал для России символом имперской государственности, и его именем можно было оправдать любую политику. Бестужев успешно мифологизировал Петра и присвоил себе роль хранителя петровских традиций, которому одному позволено трактовать планы первого российского императора. До поры до времени никто не мог вооружить Елизавету против канцлера, хотя строптивость Бестужева импера-

трицу тяготила. Канцлер легко наживал врагов, но именем Петра успешно от них оборонялся.

Почти никогда большую войну не начинают генералы, полководцы, даже самые отъявленные ястребы в погонах. Они-то знают цену мирным дням. Непреодолимые противоречия возникают у политиков — монархов и дипломатов. Шуршат перья по бумаге — и воронка войны затягивает государства.

Никто не может утверждать, что было раньше — продвижение Ивана Ивановича Шувалова и Михаила Илларионовича Воронцова к браздам российской внешней политики или тревожная реакция русской императрицы на союз Пруссии и Англии.

Елизавета опасалась усиления Пруссии — и, наблюдая за сближением Фридриха и Британии, отказалась от безоглядной проанглийской политики Бестужева — хотя сам канцлер устоял. Британские позиции в Петербурге ослабли, а французские усилились. Иван Шувалов был не чужд если не карикатурной галломании, то увлечений французской культурой, французским образом жизни. К тому же он (как и многие не последние по влиятельности французы) считал сближение России и Франции взаимовыгодным — и в торговом, и в политическом аспектах. Впрочем, Шувалов держался в тени, к должностям, как и к титулам, не стремился. А теснил Бестужева во внешнеполитическом ведомстве Воронцов, для которого писатель-историк Казимир Валишевский нашёл лихую характеристику: «Продажный, но всё-таки честный». Это был истинный вельможа-сластолюбец, но пропитанный духом просвещения. Он, как и Шувалов, умел оценить гений Ломоносова, учтиво и раскрепощённо вёл переговоры, хотя порой и попадал впросак. Всесильный

Шувалов стоял за его спиной — и без резких движений теснил Бестужева...

Политику Бестужева нельзя объяснить одним клеймом: «проанглийская». Считая себя хранителем традиций Петра, он стремился к стратегическому союзу с Австрией против Османской империи и Крымского ханства. Это обстоятельство исключало участие Бестужева в клубе друзей Фридриха. Бестужев пытался скомпрометировать Фридриха в глазах английского правительства, пытался сорвать союз Пруссии и Британии, но это оказалось выше его сил.

В Семилетнюю войну Россия вступила как союзница Австрии — чтобы скрестить штыки с пруссаками, на которых работали английские деньги. Фридриху тогда удалось довести численность прусской армии до двухсот тысяч — колоссальный размах для сравнительно небольшой страны!

Так пошатнулись многовековые экономические и политические связи России и Британии. На первый взгляд, Россию затащило в фарватер австрийской политики, австрийских интересов. Военная мощь России превосходила австрийскую, хотя мастерство генералов и выучка солдат империи Петра Великого в Европе вызывали сомнения. При этом Австрия более других была заинтересована в войне с Фридрихом: не было у Вены в те годы соперника опаснее, чем Пруссия. Первой причиной всеевропейского противостояния стала взаимная ненависть императрицы Марии Терезии и Фридриха, причём дама, как водится, в этом чувстве была эмоциональнее. Австрийская императрица слыла ревностной католичкой, а Фридрих в её глазах выглядел не только заблуждающимся протестантом, но и безбожным вольнодумцем. Примириться с переходом Силезии под власть Фридриха она не могла —

в этой чешской области скрестились непосредственные интересы двух монархов, двух правящих элит. Имперскую корысть Мария Терезия, разумеется, драпировала высокими устремлениями: как не помочь несчастным силезским католикам, которых будет угнетать этот безумный король? Усилиями австрийской дипломатии, планомерно борющейся против Пруссии, к коалиции присоединились Саксония и Швеция. Ну а у России и Франции имелись свои, хотя и расплывчатые, резоны. Но и эти державы именно Австрия подталкивала к войне. Об активности Марии Терезии можно судить по известному письму маркизе Помпадур, в котором государыня Священной Римской империи назвала любовницу короля Людовика XV «дорогой сестрой» — как равную себе. Так Австрия втягивала Францию в Семилетнюю войну. Прусскому гению пришлось столкнуться с дамской дипломатией — непредсказуемой, порывистой, капризной, взбалмошной и коварной. Дамам удалось невозможное: прусская угроза объединила давних противников — Габсбургов и Бурбонов. Католическая церковь, всё ещё могущественная, всячески поддерживала этот союз.

Георг II Английский более всего опасался усиления Франции — колониальной державы, которая в результате войны могла утвердить влияние на разобщённые германские государства. Предвоенная ситуация складывалась из разнообразных страхов — и молодой генерал-майор Румянцев, улавливая сигналы, готовился к войне.

Ещё в 1745 году в Петербурге Конференция обсуждала вопрос: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, долее в усиление приходить допускать?» И высказалась не в пользу Фридриха, пережёвывавшего Саксо-

нию. Так что основы Семилетней войны складывались десятилетие. Есть закон больших войн: каждое государство, вступившее на путь сражений, считает противника агрессором, а себя — защищающейся стороной. Это касается и тех, кто первым открывает огонь: они ссылаются на агрессивный характер дипломатических союзов стран, против которых действуют. Россия, Австрия и Франция считали угрожающим усиление Фридриха, Пруссия объясняла свои действия экспансионистским характером намечавшегося союза русских с австрийцами.

Убийственным для Пруссии стало подписание в 1746 году русско-австрийского оборонительного союза. Этот дипломатический документ, в отличие от многих, оказался живучим — и был подкреплён более поздними договорами тех же сторон. Румянцев лучше других мог оценить и эффективность, и ущербность русско-австрийского союза. Австрийская армия к середине XVIII века переживала закат славы: в одиночку Священная Римская империя в случае серьёзных испытаний не могла сладить ни с пруссаками, ни с турками. Не раз Россия будет охвачена антиавстрийскими настроениями, не раз наши полководцы (включая графа Задунайского) упрекнут «цесарцев» в трусости и нерешительности, а то и в прямой измене.

Но не будем забывать, что в России (в отличие от Австрии) в те годы сильна была и пропруская партия. К ней примыкал не только наследник Пётр Фёдорович, но и его жена, нашедшая общий язык с Бестужевым. К ним прислушивались многие — и для молодых карьеристов по крайней мере неразумным было демонстрировать чрезмерное антипрусское рвение. Все понимали, что воцарение нового Петра не за горами, а уж он с Фридрихом поладит.

Безусловно, понимали это и в армии — в особенности такие прозорливцы, как Румянцев.

Бестужев, при всей его любви к подношениям (недрузи смотрели на эту страсть канцлера через увеличительное стекло), не сворачивал с курса, который считал оптимальным для России. Это союзнические отношения с Англией и Голландией, попытка оказывать влияние на политику Саксонии и Польши и, наконец, союз с Австрией, таящий угрозу для Османской Порты. Как-никак выход к Чёрному морю на протяжении всего XVIII века оставался стратегической задачей империи. Без партнёрских отношений с Веной достижение этой цели затруднялось. Правительство Марии Терезии нашло общий язык с русским канцлером, для которого не было загадок в европейских делах. Среди противников России Бестужев неизменно упоминал Швецию и Францию, которые «издревле весьма вредные для нас интриги при Порте производили». Мастерство дипломата проявилось в умении идти на компромисс с потенциальным противником, который в скорое время может стать тактическим союзником — как это и произошло в Семилетнюю войну.

Гипноз Фридриха на Бестужева не действовал. «Сей король, будучи ближайшим и наисильнейшим соседом Империи, потому натурально и наиопаснейшим, хотя бы он такого непостоянного, захватчивого, беспокойного и возмутительного характера и нрава не был, каков у него сущесть» — такая оценка прусского гения сложилась у Бестужева. Попытки Фридриха щедрыми дарами умаслить петербургского канцлера провалились, хотя пруссаки действовали продуманно.

Есть версии о последовательной личной ненависти императрицы Елизаветы к Фридриху: дескать,

слишком не совпадали их жизненные принципы. Дочь Петра, по свидетельству, например, прусского посланника Финкельштейна, с годами от православного благочестия перешла к ханжеству. До неё доходили слухи о личной жизни Фридриха — а прусак, мягко говоря, не был благочестивым семьянином. Подозрение вызывали и религиозные взгляды прусского короля: считалось, что он утратил веру и положился только на собственные силы, то есть отдался наущениям дьявольским. В этом ключе трактовались и шаги короля в направлении к веротерпимости. Руководствовалась ли Елизавета подобной логикой в действительности? Не станем преуменьшать политической искущённости русской императрицы. Женскую эмоциональность и наивность она проявляла нередко, но в политических решениях умела руководствоваться более прагматическими материями, опираясь на опытных и даровитых советников. Елизавета держала рядом с тронем не единомышленников, но сторонников подчас противоположных политических взглядов. Кто-то увидит в этом неразборчивость, а мы отметим управленческую мудрость.

Осознавала ли Россия, что Восточная Пруссия — земля славянская, занятая германцами в ходе пресловутого «дранг нах остен»? По тому, с каким накалом М. В. Ломоносов боролся за право трактовать историю древних славян в «патриотическом» ключе, можно судить о том, что Россия в те годы считала себя преемницей славян, живших и на территории Пруссии и подчинившихся германцам в незапамятные времена. При Екатерине о тех временах вспоминали ещё чаще: для Державина и Петрова легендарные сведения о славяно-варягах станут основой патриотической и экспансионист-

ской идеологии. Да и сама императрица писала исторические сочинения и драмы о Рюрике, по-видимому, приписывая и себе самой славянские, а не только германские корни. В Восточной Пруссии Румянцев убедится, что местное население настроено к русским дружелюбно — несмотря на мародёрские замашки армии Апраксина. И аристократы, и крестьяне чувствовали родство с диковатыми, но щедрыми русскими богатырями.

Для Румянцева Семилетняя война станет часом славы. Сравнительно молодой генерал сумеет заявить о себе, достичь высоких степеней, завоёвывая звания и ордена шпагой и полководческим расчётом. С петровских времён Россия не знала столь героических биографий.

Успехи же тогдашней российской артиллерии связаны с деятельностью графа Петра Ивановича Шувалова — двоюродного брата фаворита и тогдашнего генерал-фельдцейхмейстера, то есть начальника артиллерии. Шувалов считается изобретателем «секретной гаубицы», из которой можно было вести только картечный огонь, и «единорогов», которые Фридрих назовёт «порождением дьявола». На стволе этих пушек был изображён единорог — как и на гербе Шуваловых. «Единороги» были самыми мобильными и скорострельными пушками того времени и могли стрелять «по навесной траектории», то есть через головы русских солдат.

«Секретная гаубица» — гордость Шувалова — оказалась не столь эффективной. Изобретатель сконструировал канал таким образом, чтобы картечь широко разлеталась, но опыт надежд не подтвердил. А Шувалов добился смертной казни (так и не применявшейся) за разглашение секрета гаубиц, требовал их тщательной маскировки. И всё же следует при-

знать: бурная деятельность графа усиливала русскую артиллерию.

Из Семилетней войны русская армия выйдет преображённой. Признанным её вождём станет Румянцев, чей авторитет в военной среде превзойдёт репутацию всех главнокомандующих и президентов военных коллегий... Уже в первом крупном сражении — при Гросс-Егерсдорфе — Румянцеву удастся отличиться, он проявит высокое мужество и, без преувеличений, спасёт армию. И в финале Семилетней войны Румянцев продемонстрирует невиданное прежде воинское искусство при Кольбергской операции. Но прежде чем следовать за Румянцевым по дорогам сражений, вспомним о той армии, которая перейдёт прусскую границу.

Ольденбуржец

*Румянцев, Миних и Суворов
Волнуют в нём и кровь, и ум,
И искрится из юных взоров
Огонь славлюбивых дум.*

К. Ф. Рылеев

Что представляла собой русская армия накануне Семилетней войны? Для Западной Европы заснеженная страна оставалась тайной за семью печатями, хотя уважение к титаническим трудам Петра Великого укоренилось к тому времени во многих просвещённых умах. Кроме первого императора, которому Румянцев поклонялся до последних дней, мощное влияние на военное дело оказал во второй четверти XVIII века Христофор Антонович Миних, «в оригинале» — граф Бурхард Кристоф фон Мюнних.

В семье Мюннихов знали цену хорошему образованию и усердию во всех начинаниях. Это крестьянский и мастеровой род, выбившийся в люди благодаря профессионализму и войнам. Мюннихи были плотиностроителями, а отец русского фельдмаршала, несмотря на плебейское происхождение, дослужился до звания подполковника на датской службе и выслужил дворянство. В век Просвещения такое было уже возможно, хотя всё ещё удивительно.

Уроженец Ольденбурга, потомственный военный инженер, наш Миних смолоду послужил многим монархам, самым разным. Его ценили и за точные чертежи, и за глубокие знания в области гидротехники. Молодой Мюнних инженерил в саксонской армии, в гессен-дармштадтской, в гессен-кассельской и даже во французской. К тридцати годам был полковником, а польский король Август II (который, как известно, был также курфюрстом Саксонским) присвоил ему генеральский чин. У полковника Мюнниха имелся боевой опыт: он участвовал в Войне за испанское наследство 1701—1714 годов. Сражался на стороне Священной Римской империи под командованием выдающегося (и очень популярного в России) австрийского полководца Евгения Савойского. Пожалуй, Евгений Савойский да ещё британец герцог Мальборо (достопамятный Мальбрук) стали его учителями в военном деле. Нет, он не приблизился к ним, но внимательно наблюдал издали и наматывал на ус. Он участвовал в крупнейшем сражении той войны — при Мальплаке.

Но по-настоящему могучий размах его деятельность приняла в России. Отношения с окружением Августа II не заладились. Говорят, что к началу 1720-х годов Бурхард Кристоф сомневался — к кому

примкнуть для дальнейшей службы — к порывистому шведскому королю Карлу XII или к русскому медведю Петру? К тому времени звезда Карла закатилась — и в Варшаве Мюнних сошёлся с русским посланником, князем Григорием Долгоруким. Они сдружились. Мюнних уже имел представление о характере Петра, а тем более — о масштабе его преобразований. И понимал, что царь-реформатор нуждается в деятельных профессионалах. Мюнних передал в дар русскому царю своё сочинение о фортификации. Ставка сыграла: трактат оказался лучшим резюме. Пётр быстро оценил способности Мюнниха и посулил ему немедленное повышение в чин генерал-поручика. Мюнних не открыл королю своих намерений перейти на русскую службу. Из Варшавы он выехал как будто на родину — дабы посетить больного отца. Но путь его лежал через Ригу в Петербург. В феврале 1721 года началась русская служба Миниха — теперь уже именно Миниха.

Пётр принялся испытывать нового сотрудника. Возил его повсюду с собой, показывал верфи, укрепления, смотры войск... А с обещанным произведением в генерал-поручики тянул. Но Миниху удалось отличиться с помощью чертёжного таланта! Когда царь пребывал в Риге — от удара молнии повредилась колокольня церкви Святого Петра. Царь хотел немедленно восстановить колокольню — и потребовал у местного магистрата рисунок здания. Хватились — а чертежей-то и нет. А окна Миниха как раз выходили на этот храм — и он от безделья зарисовал его в подробностях, с натуры. Этот рисунок передали царю — и Пётр тут же вспомнил про обещание произвести ольденбургца в генерал-поручики (генерал-лейтенанты). Но — с новой отсрочкой в год... Другой бы на месте Миниха после таких

проволочек постарался оставить русскую службу, но будущий фельдмаршал не мог одолеть собственного честолюбия. Россия его привлекала. Он будет служить ей и пойдёт к вершинам власти медленно, но верно. И обрусееет постепенно — после второго брака, со вдовой гофмаршала Салтыкова. Она тоже была немкой по происхождению — урождённая баронесса Мальцан. Но в России освоилась, неплохо говорила по-русски, и в Европу её не тянуло. В отличие от большинства полководцев той поры Миних не был холостяком по духу, он нуждался в семейном тыле.

Рослого, всегда бодрого немца многие недолюбливали. А он понимал, что в России не добьёшься прочного положения, если не полюбишь эту страну и её народ. Пётр Великий в своё время был вынужден ввести несправедливое правило: иностранцам на русской службе платили в два раза более щедрое жалованье, чем русским офицерам. Ольденбуржец понимал, что такой перекося чреват серьёзными опасностями — и упразднил устаревшее правило.

Александр Иванович Румянцев поддерживал с Минихом дружеские отношения. Миних ценил его, приблизил к себе во время южных походов. В то время, пожалуй, главной доблестью Миниха было умение разбираться в людях. Опытный военачальник поражал окружающих пронизательностью. В Александре Румянцеве он сразу рассмотрел склонность к статской службе, к дипломатии. Военная лямка того тяготила, хотя окружающие отмечали бесстрашие и решительность генерала. Дипломаты тоже требовались Миниху — и он готовил для Румянцева деликатные поручения. Опытный дипломат умело обеспечивал снабжение армии, устройство зимних квартир и госпиталей — это было особенно важно,

ведь Крымский поход Миниха захлебнулся от болезней, от технической неустроенности. Не хватало таких генералов-организаторов, как Александр Румянцев. При Петре русская армия перемещалась на тысячи вёрст, не теряя боеспособности. А Миних дал повод австрийскому капитану Парадизу, находившемуся при русской армии, сделать такой вывод: «Русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майоры имеют до 30 телег, кроме заводных лошадей... есть такие сержанты в гвардии, у которых было 16 возов. Неслыханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижно... Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на который всякая другая армия употребляет 4 часа... При моём отъезде из армии было более 10 000 больных: их перевозили на телегах как попало, складывая по 4, по 5 человек на такую повозку, где может лечь едва двое. Уход за больными не велик; нет искусных хирургов, всякий ученик, приезжающий сюда, тотчас определялся полковым лекарем... » Посланец Вены, быть может, стужал краски, но главные проблемы русской армии того времени определил точно. Во второй половине XVIII века ситуацию нужно было исправлять.

Пётр Александрович, как известно, некоторое время ходил у ольденбуржца в ординарцах. Кое-чему у Миниха можно было поучиться. Моложавый фельдмаршал сыграл немалую роль в судьбе молодого Румянцева. Какое-то время Миних, возможно, не верил в большое полководческое будущее буйного Петра Александровича. С одной стороны — буйан, раб собственных причуд. Сколько таких аристократов кануло безвестно! С другого боку — сын своего отца, а тот дипломат, политик, но в душе —

не воин. Походных лишений чурается, полководческим честолюбием не обладает. С какой стати сыну быть противоположностью отца? И только когда в Европе громко заговорила артиллерия Фридриха Великого, когда русская армия двинулась на Запад — Миних убедился: Румянцев — не случайный генерал. Прирождённый!

Сам Миних, в те годы уже глубокий старик, пребывал в опале, в ссылке, но старался следить за ходом боевых действий.

Среди недругов Миниха оказались не только его тогдашние конкуренты, но и серьёзные исследователи истории русской армии.

«Для честолюбивого и эгоистичного Миниха страдания войск решительно ничего не значили, он смотрел на войска главным образом и прежде всего как на орудия для достижения своих целей, своих планов, своей политики. Совершенно другой характер носит деятельность Ласси. Это — благородная солдатская фигура, старый честный и храбрый воин, всегда стоявший в стороне от придворных интриг, живший интересами армии и нуждами своих подчинённых, — утверждал А. А. Керсновский. — По словам генерала Д. Ф. Масловского, он был бесменным часовым на страже действительных нужд осиротевшей русской армии, брошенной во всё время владычества Бирона и Миниха...» Этой армии он отдал 50 лет своей жизни и, умирая в 1750 году, мог сказать, что вся его жизнь была дана на потребу воинскую его второй родины.

Как бы то ни было, Миних, всегда старавшийся быть на виду, получал первые роли — Ласси оставался в тени».

Некоторые из этих упрёков справедливы, но в целом картина получается превратная.

У многих на памяти пушкинские строки: «Как Миних, верен оставался паденью Третьего Петра». Румянцевым не нужно было бы разъяснять, что тут к чему. Сам Пётр Александрович тоже не участвовал в екатерининском заговоре.

Убедившись в прочности положения новой императрицы, Миних не преминул присягнуть ей. А как иначе? Но становиться екатерининским орлом ему уже было поздно.

Миних не относится к плеяде генералов Семилетней войны, но его нельзя не отметить как воспитателя той армии. Его косвенное влияние на офицерский корпус оставалось заметным: многие были выходцами из Кадетского корпуса, и не все, подобно нашему герою, учились там через пень-колоду. А Миних, верный тактическим стереотипам того времени, так и не изучив до конца русский характер, всё-таки прививал молодым дворянам качества, необходимые при военных испытаниях. Выносливость, дисциплина, верность офицерскому долгу — вот его символ веры.

Первые подвиги

Главнокомандующий Апраксин! Недобрая память об этом фельдмаршале живёт по сей день. И поделом ему, заплутавшему в прибалтийских перелесках!

Степан Фёдорович Апраксин — сын рано умершего стольника Фёдора Карповича Апраксина и Елены Леонтьевны, урождённой Кокошкиной, — воспитывался без отца. Ему было пять лет, когда вдовая мать вторично вышла замуж. Отчимом будущего фельдмаршала стал Андрей Иванович Ушаков,

знаменитый начальник Тайной розыскной канцелярии. Воспитывал Степана родной дядька — Пётр Матвеевич Апраксин.

Ушаков с пасынком ладил, а ведь глава Тайной канцелярии был не просто влиятельной фигурой, он внушал ужас и трепет — и даже всесильный во времена Анны Иоанновны Миних пытался перед ним выслужиться. Он и возвысил Апраксина до генерал-майорского чина и должности дежурного генерала при главнокомандующем. И всё это — при весьма посредственных способностях! Именно Апраксин привёз в Петербург известие о взятии Хотина в 1739 году — и получил тогда орден Святого Александра Невского. Конечно, Миних неспроста доверил ему триумфальную миссию.

После воцарения Елизаветы Петровны покровительство Миниха могло сыграть с Апраксиным злую шутку, но Степан Фёдорович поладил и с окружением новой императрицы. И вот уже Алексей Петрович Бестужев-Рюмин — недруг Миниха — принимает Апраксина в свой ближний круг. В 1746-м Апраксин уже — генерал-аншеф и президент Военной коллегии. В его возвышении можно видеть патриотические мотивы: во главе российской армии встал не выходец из Европы, а знатный природный русак, граф боярского рода. Ведь Апраксины в своё время породнились с царями, Марфа Матвеевна Апраксина вышла замуж за Фёдора Алексеевича, сводного брата будущего первого русского императора. Всё это Елизавета Петровна имела в виду, не забывала. Да и с наружностью графу повезло: дородный богатырь, гроза женского пола. Апраксины верно служили Петру Великому, самым известным из них был, несомненно, Фёдор Матвеевич — один из ближайших сподвижников императора, стоящий у ис-

токов русского военно-морского флота. Глава Оружейного, Ямского, Адмиралтейского приказов и Монетного двора, заслуживший репутацию неподкупного. Пётр повелел выбить особую медаль с изображением на одной стороне портрета Фёдора Матвеевича и надписью: «Царского Величества адмирал Ф. М. Апраксин», а на другой — с изображением флота, выстроившегося в линию, с надписью: «Храня сие не спит; лучше смерть, а не неверность».

Но Степан Апраксин мало чем напоминал своего знаменитого родственника. Полководческого опыта у него не было: в военных кампаниях он участвовал, присутствовал, но ни в стратегии, ни в тактике не проявлялся. Зато умел дружить с полезными людьми — пожалуй, только ему удалось наладить тёплые отношения одновременно и с Шуваловыми, и с Бестужевым.

Сразу после заключения антипрусского союза императрица Елизавета Петровна производит его в фельдмаршалы и назначает главнокомандующим. И вот в мае 1757-го под барабанную дробь стотысячная армия во главе с Апраксиным выступает из Лифляндии в сторону Немана. Впрочем, стотысячная армия считалась лишь номинально. По разным оценкам, более-менее боеспособные войска насчитывали 65—70 тысяч солдат, включая нерегулярные части. Каждый переход сопровождался немалыми потерями. Огромный, дурно обустроенный обоз оказался петлёй на шее армии. По оценкам пруссаков и французов, наиболее обученными и боеспособными были гренадерские части. Конница оставляла желать лучшего. Казаки ещё не прошли армейских уроков, которые преподадут им Румянцев и Суворов. Вольным сынам Дона категорически не хватало дисциплины, это не раз оборачивалось катастрофами.

Интендантские службы проявляли, без преувеличений, преступную халатность, а профессионализм обнаруживали только в воровстве. Молодые честолюбивые офицеры неспроста открыто ненавидели интендантов.

Апраксин действовал не просто осторожно, но крайне медлительно — с барственной ленцой. Каждый шаг пытался выверять с Петербургом — с Бестужевым и другими. Такая нерешительность особенно вредна для армии. Неповоротливость Апраксина нередко сравнивали с манерами тюленя или старого борова — к таким сравнениям располагала внешность рослого, полного фельдмаршала. Упрекали его и в трусости, и в прямом предательстве, не столь уж редком в аристократической среде. Как-никак во времена Средневековья феодалы неплохо умели перепродавать вассальную верность, а память о тех временах в доме Апраксиных не выветрилась. Он медлил не только из природной вальяжности, но и затем, чтобы в случае смерти императрицы безболезненно переориентироваться на союз с Пруссией.

Проницательный князь Щербатов писал о фельдмаршале: «Пронырлив, роскошен, честолюбив, всегда имел великий стол, гардероб его из многих сот разных богатых кафтанов состоял; в походе все спокойствия, все удовольствия ему последовали. Палатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей отягчал, и для его собственного употребления было с ним 50 заводных, богато убранных лошадей». Такой главнокомандующий подчас обременительнее открытого врага. Он и думать не желал, что государственная казна и так мелеет от военных затрат.

Расточительностью нашего барина и происками интендантов проблемы русской армии не исчерпы-

вались. Одно из распространённых определений тех кампаний — «война в кружевах». Армия шагала по Курляндии как на параде — а у некоторых генералов не было не только боевого опыта, они и серьёзными учениями никогда не командовали. «Весёлая царица была Елисавет» — вот и не воевала Россия почти полтора десятилетия. Отсюда и неопытные генералы. Молодой Румянцев на этом фоне выглядел бывалым воякой — всё-таки участвовал в нескольких походах, дрался со шведами, осаждал Гельсингфорс. Скоро он и пудре объявит войну — но до поры терпел всю эту противоестественную солдатскую парфюмерию. К тому времени он уже не давал себе поблажек, полностью посвящал себя армии. Почти все русские офицеры уважали Фридриха — и Румянцев не был исключением. Но многие Фридриха попросту боялись — только не Румянцев! Он вступил в войну с твёрдым намерением бить пруссаков, не вспоминая про их непобедимость.

А Фридриха в армии действительно побаивались. Очень скоро появится армейская песня — не самая бодрая в солдатском репертуаре:

Идучи, братцы, в землю Прусскую,
На чужу-дальну на сторонушку,
На чужу-дальну на незнакомую.
Раздувались знамена белые:
Наперед идут новокорпусны,
Впереди везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница кирасирская.
Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены...

Почти так всё и было в начале похода. По части пудры авторы нисколько не преувеличили. Марши-

ровали, как по Марсову полю. Торжественные, но и встревоженные.

Вот ведь беда: молва о непобедимом немецком воинстве перешла в фольклор и охватила солдат... Даже седоусые ветераны шли, как на убой, не верили в собственные силы, воевать не желали. Даже народные песни, посвящённые противостоянию с пруссаками, получались жалостливые и унылые:

Не былиночка во чистом поле зашаталася —
Зашатался же, загулялся же удал добрый молодец
В одной тоненькой коленкоровой беленькой рубашечке
Да во красненькой он во своей во черкесочке.
У черкесочки назад полушки были призатыканы,
Басурманскою кровью злою они призабрызганы.
Увидала его родимая матушка из высокого терема:
«Ты, дитя ли моё, моё дитяtko, дитя моё милое?
Ты зачем, на что, моё дитяtko, пьяно напиваешься,
По черной-то грязи, моё дитяtko, ты валяешься?»
«О ты, мать ли моя, матушка родимая!
Я не сам-то собой, моя матушка, пьяно напивался:
Напоил-то меня, моя матушка, прусской король,
Напоил-то меня тремя пойлами, всеми тремя разными:
Как и первое его поилице — свинцова пуля,
Как второе его поилице — пика острая,
Как и третье его поилице — шашка острая,
Шашка острая, отпушенная,
Для меня-то, доброго молодца, эти поилица
приготовлены, насычены,
Эти поилица были для меня разные,
К ретиву-то серди были больные».

Развеять такой гипноз может только победный опыт — это Румянцев хорошо понимал. С офицерами он общался дружелюбно, но и не без строгости. Вокруг него уже в Прибалтике, в затянувшейся прелюдии похода, создавалась истинно армейская атмосфера.

Накануне назначения в армию, которой предстоял прусский поход, Румянцев шутил на дружеской пирушке, отмечая генеральский патент. В феврале 1756-го он прибыл в Ревель — в Лифляндскую дивизию. Но в мае формирование армии продолжилось в Риге. Румянцев занялся формированием гренадерских рот — и показал редкую придиричивость и преданность службе. «Поручики Семён Дятков — стар, Савин Теглев — слаб, подпоручик Михайла Ильяннин — мал, рядовые: Пахом Беляев, Василий Филиппьев, Козьма Уткин... — слабы, а солдаты второй и третьей шеренги малы и в том полку, следовательно, быть неспособны», — выговаривает Румянцев командиру Нарвского полка, из гренадерских рот которого следовало сформировать новый полк. Он вникает в мелочи, заботится об амуниции, о снаряжении солдата: «На отпущенные рядовым деньги, на каждого по одному рублю, полушубки непременно сделать, то же и осмотрев, у кого нет шапок и теплых же рукавиц, тем искупить, а если что затем денег останется, то раздать по рукам, при строении ж обуви крайне наблюдать, чтоб сапоги и башмаки деланы к воздеванию на толстые чулки довольно пространны были... »

Именно таких вьедливых генералов и не хватало России в канун Семилетней войны. Румянцев с головой ушёл в подготовку к походу, в воинские учения.

Апраксин прибыл к армии, в Ригу, в начале сентября.

И главнокомандующий — стреляный воробей — вдаль от столицы впервые запутался в придворных интригах... Погода в Петербурге менялась — она и перед войной была переменчива. Фельдмаршал пытался, пребывая в походном шатре, разгадать настро-

ения столичных покровителей — явных и потенциальных. Болезнь матушки Елизаветы ни для кого не была секретом, больше всех за неё боялись французы и Апраксин. Главнокомандующий хорошо знал, что Пётр Третий — поклонник Фридриха. Стоит ли воевать с пруссаками, если наш государь вот-вот станет их союзником? Добродетель полководца — быстрота; мудрость вельможи — медлительность. Степан Фёдорович и в походе оставался царедворцем. Ждал руководящих инструкций от Бестужева-Рюмина — а время шло, и армия потихоньку таяла. Бестужев — человек невоенный, обуреваемый политическими ветрами, и наставления его полны тактических противоречий: «Ежели б вы удобный случай усмотрели какой-либо знатный поиск над войсками его надежно учинить или какую крепостию овладеть, то мы не сомневаемся, что вы онога никогда из рук не упустите... Но всякое сумнительное, а особливо противу превосходящих сил сражение, сколько можно, всегда избегаемо быть имеет». То есть рекомендовалось действовать только в случае несомненного численного превосходства, а вообще — выжидать, годить. Для такой роли Апраксин подходил лучше других. Армия подзадержалась в Риге.

Румянцев устроил вверенные ему войска по зимним квартирам. О его тогдашних хлопотах поведаёт вот такой ордер Апраксину:

«Во исполнение данного мне от его высокопревосходительства высокоповелительного господина генерал-фельдмаршала и разных орденов кавалера Степана Фёдоровича Апраксина ордера, вашему сиятельству предлагаю:

1. Во отведенных ныне под полк грузинской квартирах приказать все места осмотреть, нет ли где каких рек и других переправ, которые в высту-

плении полку в поход при оттепели или и весною препятствие причинить могут. И где таковые непроходимые места будут, то заблаговременно поместить в квартиры отведенные, где таковых непроходимых мест нет, а буде без утеснения обывателям того сделать невозможно, мосты или плоты сделать приказать, дабы при выступлении не последовало ни малейшей остановки.

2. По состоянию ныне полку в квартирах нижним чинам накрепко подтвердить приказать, чтобы обывателям никаких обид чинено не было и безденежно ничего, да и за деньги насильно брано не было и во всем бы доброй порядок и строгая воинская дисциплина содержана была. А особливо ротным командирам о содержании всех нижних чинов от побегов подтвердить, напротив чего и обывателям объявить, чтобы таковых беглецов отнюдь не держали и не скрывали, а естли у кого таковые беглецы сысканы будут, с таковыми поступлено будет по воинским регулам.

3. При том же вашему сиятельству рекомендую от всяких подозрительных людей иметь предосторожность и где таковые к шпионству приличившиеся или в том действительно употребляющиеся присмотрены и пойманы будут, таковых брав за караул, ко мне присылать».

Армия погрязла в бытовых неурядицах, а офицеры — в штатских заботах.

Но в середине июля 1757-го Бестужев уже упрекает Апраксина в медлительности. И заявляет, что важно не просто занимать территорию Пруссии (с этой задачей Апраксин справлялся тоже вяло), а нанести урон вражеской армии. При таком настроении верхов в обозах не отсидишься. А тут пришла спасительная весть от Фермора: Мемель (в наше вре-

мя — Клайпеда) сдался русским войскам, не выдержав бомбардировки с моря. Корпус Фермора занял знатную прусскую крепость. Только после этого известия Апраксин — в окружении своих, на патриархальный манер многочисленных слуг — решился перейти прусскую границу. Вот тут-то он и начал по-настоящему беспокоиться о здоровье своей государыни. А комендантом занятого Мемеля Фермор вскоре назначит подполковника Александра Суворова.

Русская кавалерия по приказу Апраксина выдвинулась в Латвию и готовилась перейти Неман. Командовали этим авангардом армии Румянцев и Ливен. Они первыми вошли в Пруссию и доскакали почти до Гросс-Егерсдорфа.

Увиливать от генерального сражения становилось всё труднее. Апраксин двинулся в поход, навстречу прусской армии, уповая на Всевышнего и на генерала Веймарна, заправлявшего штабом армии. Иван Иванович Веймарн — сравнительно молодой (ему не было сорока) знаток военной теории — состоял при Апраксине генерал-квартирмейстером и пользовался доверием фельдмаршала. Боевого опыта, увы, не хватало и ему, а победного — тем паче. Апраксин был не прочь снова избежать сражения — и, возможно, имел по этому поводу тайные сношения с пруссаками.

Гросс-Егерсдорф — слава русской армии. Слава, которая могла обернуться позором. Название деревушки легко переводится на русский язык — Большая Охотничья Заимка. Места там лесистые, болотистые, условия для русского крестьянина вполне знакомые — чай, не Альпы.

Действия главнокомандующего в том сражении до сих пор заставляют краснеть патриотически на-

строенных историков. И в то же время именно в окрестностях этой прусской деревушки рождались победные традиции румянцевской армии.

Селение Гросс-Егерсдорф давно превратилось в хутор, в советские времена носивший название Извилино. В тех же краях расположен и посёлок Междуречье, что неподалёку от города, названного в честь одного из праправнуков Румянцева по линии русской воинской славы, — Черняховск, бывший Инстенбург, в Калининградской области. Генерал армии Иван Данилович Черняховский — герой Великой Отечественной, освобождавший Восточную Пруссию от гитлеровцев.

К августу 1757-го Апраксин разлучил Румянцева с кавалерией и подчинил генерал-майору бригаду из трёх пехотных полков: Воронежского, Новгородского и Троицкого. Солдаты для Румянцева новые, не из числа тех, кого он обучал в Риге. Всего десять дней было у Румянцева, чтобы вникнуть в состояние бригады, а дальше — испытания, равных которому ни он, ни его солдаты не видывали.

Противостояли русской армии войска Иоганна фон Левальда. Это личность замечательная, хотя и не полководец милостью Божьей. Почти десятилетие перед Семилетней войной Левальд служил генерал-губернатором Восточной Пруссии. По существу, управлял всеми делами края — и прослыл вполне умелым администратором. Когда начались бои (первоначально со шведами), ему уже исполнилось 72 года. Глубокий старик по тем временам! Забежим вперёд: после утраты Восточной Пруссии Фридрих назначит его генерал-губернатором Берлина, и Левальд станет организатором обороны столичного города. Когда русские войска покинут Восточную Пруссию — Фридрих вновь доверит

ему этот разорённый край. Фельдмаршал дожил до глубокой старости и умер на губернаторском посту в возрасте восьмидесяти трёх лет.

Летом 1757-го, когда армия Апраксина вторглась в Пруссию, Фридрих не сомневался, что в первом генеральном сражении варварское войско будет повержено доблестными пруссаками. Он, отбросив суеверия, послал Левальду запальчивые инструкции — как торговаться с русскими парламентарями после победы. Фридрих намеревался проявить благосклонность к прекрасной Елисавет, чтобы с помощью России проглотить часть Польши.

Армия Апраксина продвигалась медленно. Главнокомандующий не позаботился о разведке — и неожиданно в низине вдоль ручья Ауксине, справа, на поле, за лесом, обнаружилась прусская армия в боевом порядке, готовая к сражению. Апраксин всё объяснял утренним туманом, но как можно было в опасном походе обходиться без дозоров? Неужели продвижение до такой степени было неподготовленным? Определённо, в первый год кампании по линии шпионажа и дозоров пруссаки переигрывали русских с большим перевесом. Левальд — военачальник весьма средних дарований — недурно знал, что происходит в русской армии. Потому и удалось прусскому фельдмаршалу поймать русских в неудобном положении, почти со связанными ногами...

Сначала кавалерия принца Голштинского предприняла стремительную атаку по русскому авангарду. 2-й Московский полк, попавший под главный удар, сражался стойко, атаку выдержал. Но Апраксин запаниковал: обозы делали невозможным отступление. Что это — ловушка? Ситуация вынуждала к серьёзному сражению, которого так опасался фельдмаршал.

Инициативу в свои руки взял генерал Василий Авраамович Лопухин, на войска которого пришёл удар пруссаков. Ему удалось вывести войска в поле, перестроить их. В сражении 2-я дивизия Лопухина не устояла, но русские выиграла время. Войска успели прийти в себя, храбрость Лопухина воодушевила всех. Первое ранение он получил в начале сражения, но не покинул поле боя.

В реляции Апраксина сказано: «Главная наша потеря в том состоит, что командовавший нашим левым крылом храбрый генерал Василий Авраамович Лопухин убит, но своею неустрашимую храбростью много способствовал одержанию победы, толь славно жизнь свою скончал, что почтение к своим добродетелям тем еще вьяще умножил. Позвольте, всемилостивейшая государыня, что я, упоминая о нем, не могу от слез воздержаться: он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе Вашего императорского величества прямое усердие. Быв вдруг тремя пулями весьма тяжко ранен, однако же, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: гонят ли неприятеля и здоров ли фельдмаршал? И как ему то и другое уверено, то последние его были слова: теперь умираю спокойно, отдав мой долг всемилостивейшей государыне».

Пехота отважно бросилась в штыковую за раненого Лопухина, он ещё воодушевлял армию. Вскоре бой продолжился с неменьшим ожесточением за тело погибшего генерала.

Героя похоронят на поле боя, с подобающими почестями. Но после войны перезахоронят в Москве, в Андрониковом монастыре, в родовой усыпальнице. В армии имя Лопухина запомнили надолго: у него и до Гросс-Егерсдорфа была репутация честного воина. А гибель генерал-аншефа на

поле боя — явление редкое, достойное мемориала в наших сердцах. Это был Багратион 1757 года... Недолго пришлось ждать армейской песни о Лопухине — по-видимому, она сложилась в офицерской среде:

Как не пыль в поле пылит,
Пруссак с армией валит,
Близехонько подвалили,
В полки они становили.
Они зачали палить —
Только дым с сажей валит.
Нам не видно ничего,
Только видно на прекрасе,
На зеленом на лугу
Стоит армия в кругу,
Лопухин ездит в полку,
Курит трубку табаку.
Для того табак курит,
Чтобы смело подступить,
Чтобы смело подступить
Под лютого под врага,
Под лютого под врага,
Под прущкого короля.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов.
Утолилася баталья,
Стали тела разбирать:
Находили во телах
Полковничков до пяти,
Полковничков до пяти,
Генералов десяти.
Еще того подале
Заставали душу в теле,
Заставали душу в теле —
Лопухин лежит убит...

Для Румянцева пример Лопухина значил не меньше, чем пример фон Вейсмана для Суворова в эпоху Русско-турецких войн.

Стыдно было отступить и тем более сдаваться после ранения Лопухина и героической схватки гренадер за тело командира. Тем временем Румянцев задумал неожиданный манёвр, который решит исход сражения. В этой битве (да и вообще — в Семилетней войне) в нашей армии инициативы командиров оказывались важнее задумок главнокомандующих. Румянцев почувствовал, что и солдаты яростно желают броситься в бой — выручать товарищей.

Когда пруссаки теснили 2-й Московский полк — Румянцев находился в Норкиттенском лесу с пехотным резервом. Конечно, он стремился вмешаться в сражение и вряд ли надеялся, что Апраксин отдаст дельный и смелый приказ. Да он и не дожидался приказов.

Андрей Тимофеевич Болотов — замечательный мемуарист, искренний и тонкий. Но в записках о Гросс-Егерсдорфском сражении он превзошёл себя. Его полк не принимал непосредственного участия в бою. Но Болотов в тот день слышал гром победы и многое видел своими глазами. Его свидетельство ценно: вместе с мемуаристом мы видим события глазами современника, ощущаем и ужас, и подъём того дня. О самых трагических минутах боя он пишет эмоционально, горячо. И минуты перелома, когда русские начали одолевать пруссаков, оживают перед нашими глазами. Вот воины Румянцева пробираются сквозь чащобу. Они готовы погибнуть на поле боя, но отомстить.

Болотов вспоминал: «Проход им был весьма труден: густота леса так была велика, что с нуждою и одному человеку продрасться было можно. Однако ничто не могло остановить ревности их и усердия. Два полка, Третий гренадерский и Новгородский, бросив свои пушки, бросив и ящики патронные,

увидев, что они им только остановку делают, а провезть их не можно, бросились одни, и сквозь густейший лес, на голос погибающих и вопиющих, пролезать начали. И, по счастью, удалось им вытти в самонужнейшее место, а именно в то, где Нарвский и Второй гренадерский полки совсем уже почти разбиты были и где опасность была больше, нежели в других местах. Приход их был самый благовременный».

Они вышли из леса, сохранив боевой порядок, не превратились в отряд партизан. Румянцев не потерял управления войсками. Явление бригады Румянцева вернуло силы измождённому, израненному русским войскам, которые уже дрогнули под немецким напором.

Вновь предоставим слово Болотову: «Нельзя изобразить той радости, с какою смотрели сражающиеся на сию помощь, к ним идущую, и с каким восхищением вопияли они к ним, поспешать их побуждая. Тогда переменилось тут все прежде бывшее. Свежие сии полки не стали долго медлить, но давши залп и подняв военный вопль, бросились прямо на штыки против неприятелей, и сие решило нашу судьбу и произвело желаемую перемену. Неприятели дрогнули, подались несколько назад, хотели построиться получше, но некогда уже было. Наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты. Тогда прежняя прусская храбрость обратилась в трусость, и в сем месте, не долго медля, обратились они назад и стали искать спасения в ретире. Сие устрашило прочие их войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало-помалу колебаться, а у нас начался огонь сильнее прежнего. Одним словом, не прошло четверти часа, как пруссаки во всех местах сперва было порядочно ретироваться

начали, но потом, как скоты, без всякого порядка и строя побежали».

Победа! Первая победа! Армия, попавшая в западню, спасена.

Оказалось, что пруссаки не любят штыкового боя лоб в лоб. А гренадеры Румянцева драться на штыках умели превосходно: в Прибалтике он не на балах куролесил несколько месяцев.

Апраксин так писал в реляции императрице: «В пятом часу пополудни, когда победоносное вашего величества оружие из лагеря под местечком Наркитином в поход выступать начинало и чрез лес дефилировать имело, и то самое время перебравшейся на сию же сторону 17 числа и в лесу не далее мили от вверенной мне армии лагерем в таком намерении ставшей неприятель, чтоб нашему дальнему чрез лес проходу мешать, чего ради и три дни сряду разными своими движением нас атаковать вид показывал, всюю силою под предводительством генерал-фельдмаршала Левальда из лесу выступать, сильную пушечную пальбу производить и против нас в наилучшем порядке маршировать начал. По прошествии получаса, приблизясь к нашему фронту, с такою фуриею сперва на левое крыло, а потом и на правое напал, что описать нельзя; огонь из мелкого ружья непрерывно с обеих сторон около трех часов продолжался».

О Румянцеве — ни слова. Зато царедворец найдёт, чем порадовать императрицу: комплиментами Шувалову. Вполне заслуженными: артиллерия показала себя достойно, и новые пушки отличились. Но Апраксин подчёркивал заслуги Шувалова слишком суетливо:

«Я признаться должен, что во всё то время, невзирая на мужество и храбрость как генералитета,

штаб и обер-офицеров, так и всех солдат, и на великое действо новоизобретенных генералом-фельдцейхмейстером графом Шуваловым секретных гаубиц, которые толикую пользу приносят, что, конечно, за такой его труд он вашего императорского величества высочайшую милость и награждения заслуживает. О победе ничего решительного предвидеть нельзя было, тем паче, что вашего императорского величества славное войско, находясь в марше за множеством обозов, не с такою способностью построено и употреблено быть могло, как того желалось и поставлено было, но справедливость дела, наипаче же усердные вашего императорского величества к всевышнему молитвы поспешив, гордого неприятеля победоносному вашему оружию в руки предал. И тако, всемилостивейшая государыня, оной совершенно разбит, разсеян и легкими войсками чрез реку Прегелю прогнан до прежнего его под Велавом лагеря.

Я дерзаю с сею Богом дарованною победоносному оружию нашему милостию ваше императорское величество со всеглубочайшим к стопам повержением всеподданнейше поздравить, всеусердно желая, да всемогущий благоволит и впредь оружие ваше в целости сохранить и равными победами благословить для приращения неувядаемой славы вашего величества и устрашения всех зломыслящих врагов».

Численно русские превосходили противника в том сражении: примерно 55 тысяч против 28 тысяч. Но неожиданное нападение нивелировало это преимущество: армия была зажата, Апраксин при всём желании не мог бросить в сражение большую часть своих войск. Потерь убитыми у Левальда оказалось несколько больше, чем у русских: 1818 против 1487.

Армия Апраксина потеряла ранеными четыре с половиной тысячи воинов, в том числе около десятка генералов. У пруссаков раненых — в два раза меньше. После такого сражения русская армия нуждалась в пополнении: раненые стали трагедией для товарищей и обузой для командиров. В другой ситуации такое количество раненых воспринималось бы как катастрофа. Но тысяча пленных немцев, 30 трофейных орудий, захваченные знамёна — всё это говорило о несомненной виктории.

Позже сам Левальд, выставляя поражение как победу, назвал положение русских выгодным и несколько преувеличил русские потери — до семи тысяч. Но Фридриха провести было трудно: он-то понимал, что после Гросс-Егерсдорфа русским нетрудно овладеть Восточной Пруссией. До короля дошли и сведения о решительных действиях молодого и (как считали иностранные комментаторы) горячего русского генерала Румянцева. Не тогда ли Фридрих начал утверждаться в своей известной мысли: «Бойтесь собаки Румянцева! Остальные русские генералы не опасны»?

После схватки Апраксин запретил преследование — и никто не нарушил приказ командующего. Позже он всё-таки пошлёт в погоню конницу Сибильского — но пруссаки к тому времени отступят далеко и рейд не принесёт успеха.

Состоялась историческая победа — прусская армия впервые оказалась поверженной. Румянецв проявил себя наилучшим образом. Почему же в реляции Апраксина не звучит фамилия будущего графа Задунайского? Пётр Александрович не получит ордена за Гросс-Егерсдорф. Любимца фортуны обошли наградами... Каждый яркий полководец проходит через череду начальственного неприятия.

Старшие смотрят с ревностью на успехи молодых да ранних — и Апраксин косился на Румянцева неприязненно.

С вестью о победе в Петербург полетит Панин — не худший генерал в колоде Апраксина. При Гросс-Егерсдорфе он не был первым среди равных, но чести удостоился. Императрица осыпала его наградами: тут и орден Святого Александра Невского, и десять тысяч червонцев... Слухи о царской щедрости уязвляли Румянцева, он чувствовал себя несправедливо обойдённым. А соперничество с Паниным будет продолжаться долго.

Чередой сражений началась для русской армии победно — так героическое начало определило весь ход войны. А если бы Румяnceв не ринулся сквозь чащобу — всё обернулось бы иначе.

После Гросс-Егерсдорфа путь на Кёнигсберг ничто не преграждало. Но Апраксин медлил, топтался на месте. Что его останавливало — тяжёлые потери, полководческая нерешительность или ожидание политических перемен? Даже в школьных учебниках утвердилась формула «предательство Апраксина». Неужели речь шла о банальной измене и дородный фельдмаршал оказался платным агентом прусской или британской короны? Прямых доказательств предательства не представили даже самые убеждённые противники Апраксина. Сам главнокомандующий объяснял промедление и последующее отступление болезнями и отсутствием продовольствия.

О мародёрстве русских в Восточной Пруссии в Европе сложены легенды. Казаки и калмыки в этих рассказах предстают заправскими изуверами, садистами, не иначе. Первое явление русских в Восточ-

ную Пруссию, по этой версии, настолько истощило и озлобило местных обывателей, что русская армия быстро оказалась перед угрозой голода. Есть ли в такой трактовке агитационное преувеличение? Безусловно, Фридрих знал толк в пропаганде, во многоходовых комбинациях. Он планировал доминировать в Восточной Европе — а этого невозможно добиться одним оружием. Необходимо первенствовать и в идеологическом противостоянии, в борьбе за сердца разнопёрых подданных. Румянцев держал солдат в повиновении, создавал впечатление, что следит персонально за каждым. И войны с обывателем не допускал. Но в целом армия выглядела неуправляемой: главнокомандующему критически не хватало въедливости.

Вельможный, вальяжный Апраксин вёл себя в Пруссии как властелин, к нему стекались просители — местные купцы, дворяне. Торжественная, живописная внешность фельдмаршала внушала уважение. Он благосклонно выслушивал жалобы, держался по-царски, что-то обещал, но не давал делам ходу. Любое начинание по-фамусовски забрасывал в долгий ящик.

Императрицу да и Шуваловых уже не удовлетворяли благодушные реляции Апраксина с жалобами на снабжение и демагогией о сбережении армии. Здоровье государыни в очередной раз пошатнулось — казалось, непоправимо. И тут Бестужев впервые крупно просчитался. В эти дни ему бы употребить все силы на умасливание императрицы, а канцлер в письме Апраксину вызвал того в столицу, намекнув на скорую кончину монархини. Сохранить это письмо в тайне не удалось. Императрица одолела болезнь. Ей представили деятельность Бестужева в

таком свете, что она подумывала даже о смертной казни для предателя. Всесильный канцлер оказался не готов к такому повороту событий, он впервые ничего не смог противопоставить недругам. И английская поддержка не помогла. А ведь Алексей Петрович руководил внешней политикой империи с 1742 года, когда стал вице-канцлером при уставшем от всего князе Черкасском, которого вскоре и подсадил не без коварства. Канцлер обрёл графские титулы двух империй — Российской и Священной Римской и оба получил не по рождению, но добился кабинетными трудами. И вот — громкое крушение блистательной карьеры. Ничто не могло умерить гнев женщины, которую ещё и умело подстрекали представители голштинской партии. Недавние сторонники Бестужева умолкли, попрятались. Алексея Петровича быстро лишили не только должностей, но и титулов, орденов. Максимальный урон постарались причинить и его финансовому положению. Низложенного царедворца приговорили к «отсечению головы». Правда, в годы правления Елизаветы не состоялась ни одна смертная казнь, и бывший канцлер не стал исключением. В конце концов ему велено было «жить в деревне под караулом, дабы другие были охранены от уловления мерзкими ухищрениями состаревшегося в них злодея».

1 октября Конференция потребовала Апраксина в Петербург. Вскоре и он оказался арестантом. Череда допросов погубит его, и после его смерти пойдут слухи о его самоубийстве.

Последней рекомендацией Бестужева армии было: отступать. Освободившись от диктата канцлера, Конференция резко переменяла политику. Новый главнокомандующий, Фермор, по замыслу Конференции должен был занять Пруссию.

Фермор

Что такое генерал Фермор? Сын выходца из Англии, русский полководец и граф Священной Римской империи. Его звали Вильгельмом, но в те годы более привычным для русского уха показалось сочетание Виллим Виллимович. Так и повелось.

Был адъютантом Миниха, его правой рукой. Сражался и под командованием Ласси — тоже вполне успешно. То есть впитал уроки лучших полководцев доелизаветинской эпохи. Отличился в кампаниях 1736—1738 годов, сражаясь под командованием Миниха с турками. Командовал авангардом, совершал подвиги. Однажды — дело было в 37-м году — небольшой, в 350 сабель, конный отряд Фермора был окружён турецко-татарскими войсками, раз в десять превосходившими его численно. Невозмутимый Фермор построил пешее каре и отразил атаку. Был тяжело ранен — и, конечно, этот подвиг заметили, произвели Фермора в генерал-майоры. В 1739 году генерал Фермор не менее храбро бился при Ставучанах, ворвался в лагерь Вели-паши. После этой битвы турецкая армия отступила за Дунай, и вскоре был подписан Белградский мир, по которому Россия получила Азов, но не имела право держать на Чёрном море военный флот. Тяжёлая война, в которой от жары, голода и болезней русская армия потеряла до ста тысяч солдат, была завершена. Фермор на этой войне заработал не только ордена и чины, но и уникальный опыт, который будет жадно перенимать у него Суворов.

В шведскую кампанию 1741 года под командованием Ласси он проявил себя наилучшим образом при взятии Вильманстранда, чем существенно упрочил своё положение в армии. Там впервые его

путь пересёкся с румянцевским. Фермор — одно из главных действующих лиц Семилетней войны, в которой он участвовал в высоком чине генерал-аншефа. В 1757-м прославился взятием Мемеля, участвовал в боевых действиях при Гросс-Егерсдорфе. В 1758—1759 годах был главнокомандующим русскими войсками. Дивизионным дежурным при генерал-аншефе Ферморе некоторое время служил Александр Суворов, ярко проявивший себя в разных поручениях. Осторожность, порой медлительная основательность Фермора не отвечали надеждам Суворова, но служба рядом с опытным и толковым боевым генералом была отменным университетом. Можно было поучиться у Фермора и административным навыкам, умению заботиться об офицерах и солдатах, держать в голове задачи всех армейских служб. Фермор выделял Суворова, доверял ему. В истории останется изречение будущего генералиссимуса: «У меня было два отца — Суворов (то есть родной отец, Василий Иванович. — А. З.) и Фермор».

Под командованием Фермора русской армией была занята вся Восточная Пруссия, взят Кёнигсберг. Фермор был одним из русских генерал-губернаторов Восточной Пруссии (в другое время этот пост, как известно, занимал Василий Иванович Суворов). Однако осада Кюстрина не принесла желанного успеха. Последовало генеральное сражение при Цорндорфе, о котором мы расскажем особо.

Славный для российской армии последний период Семилетней войны тоже во многом был связан с именем Фермора. Он упрямо и некрикливо гнул свою линию, занимая территории противника. Генерал-поручик А. И. Чернышёв рапортовал Фермору — именно Фермору! — из занятого Берлина:

«Убитых же и раненых с неприятельской стороны почитается гораздо больше тысячи человек, а с нашей стороны из регулярных никого нет, ни убитого, ни раненого — из гусар Молдавского полку: прапорщик 1, унтер-офицеров — 2, убитых того полку гусар — 30, от казаков ранено есаул — 1, хорунжих — 2, сотник — 1, рядовых казаков — 17, убито за квартирмейстера — 1, казаков рядовых — 14. Сие толь удачное дело предписать можно особливо храбрости нашего легкого войска, которое пехоту и кавалерию весьма мужественно атаквали.

Я принимаю смелость вашему сиятельству оное рекомендовать, а особливо по всем известиям, которые я получил, весьма отлично в храбрости себя оказали: бригадир Краснощеков, полковник Подгоричани, подполковник Текелли, капитан Молдавского полку, помянутой адъютант Панин и при мне находящийся за дежур-майора Рижского конного полку полковник Мисерев; и прошу за толь храбрые поступки сих трех последних именованных, которые пред гусарами и казаками, впредь отваживая себя, повод им подавали атаки свои производить в способнейших местах, чинами наградить.

Как выше донес, граф Тотлебен, вступя в Берлин, мне потом вкратце рапортом объявляет, что, заняв городские ворота, требует резолюции, сколько ворот в команду генерал-фельдцейхмейстера графа Лассия препоручить, почему, согласясь с последнеименованным, резолюцию дал, чтоб из них двое под их охранением отдать, а именно: Шпандоуские и Гальские, а прочие все пешими заняты были, и при том повторение учинил, дабы немедленно препорученное ему в силе наставления вашего сиятельства без упущения времени исполнил, как он мне и объявляет, что все то вступил, учреди комен-

дантом бригадира Бахмана и в город имеющие в его команде драгунские полки и пехоту ввел.

Сколько ж контрибуции им положено, ибо от меня не меньше велено требовать, как полтора миллиона талеров, ожидаю рапорта так, как о разорении королевского литейного дому и прочего и росписи вещам в цейхгаузах и магазинных.

На вечер получено известие, что неприятель у самого Шпандоу расположился в лагере.

Дезертиров прислано от разных форпостов до шестьдесят человек.

Генерал-поручик Чернышев».

Вот уж исторические строки! В Берлине русские войска простояли недолго. Но эта лихая, успешная операция запомнилась надолго: любили о ней вспоминать и советские маршалы Жуков и Чуйков (последний в 1945-м был генералом армии), когда звучала песня, годная и для XVIII, и для XX века: «Едут-едут по Берлину наши казаки!» И — «Донцы-молодцы», не менее бодрый напев, связанный с историей похода 1814 года, когда казаки прошли через всю Европу и поили коней из Сены.

В 1763 году Екатерина II назначила стареющего генерала, прославленного в предыдущие царствования, смоленским генерал-губернатором. И не прогадала! В этом звании он пробыл до 1770 года, руководил губернией как опытный благоразумный политик, после чего по болезни вышел в отставку и 8 февраля 1771 года умер. До решающих побед над турками не дожил, но застал и кагульскую славу русского оружия, и первые яркие победы своего ученика — Суворова. Таков вкратце боевой путь генерала.

Предубеждение к иностранцам на русской службе может сыграть с историками злую шутку. Вот и

Фермор не прославлен в школьных учебниках — во многом из-за своего происхождения. Да, «немецкое» засилье нередко вставало на пути русских талантов. Но о тех европейцах, кто честно служил России, мы должны вспоминать с почтением. Британца Фермора — суворовского боевого учителя, не раз проливавшего кровь в сражениях, — почти забыли. А ведь это был расчётливый и волевой генерал — один из тех, кто predetermined победные традиции русской армии елизаветинских и екатерининских времён. Суворов учился у него. Главным образом — полководческой дисциплине, воле. А чему Фермор мог научить Румянцева? Во дни противостояния с Фридрихом Пётр Александрович уже превосходил Фермора по всем направлениям — но так и не сумел «уважать себя заставить» главнокомандующего. Фермор не просто «ревновал», это слишком простое объяснение. Он, по-видимому, искренне считал Румянцева посредственным генералом. Ну а Пётр Александрович открыто язвил по адресу командующего. Скрывать такие настроения непросто — неудивительно, что между генералами пробежала кошка. Фермор не был смиренным, на пренебрежение отвечал резко, бывал злопамятным. Он с раздражением относился не только к Румянцеву, но и к Чернышёву, в котором тоже видел конкурента.

После отставки Апраксина ход войны оживился. Румянцева во главе десятитысячного отряда послали на Тильзит — один из центральных городов Восточной Пруссии. Декабрьское наступление 1757 года шло двумя колоннами — под командованием молодого Румянцева и седовласого генерал-лейтенанта Салтыкова. Фермор попытался наступать согласованными действиями разделённых корпусов.

Пётр Александрович занял город, о чём обстоятельно рапортовал Фермору — кажется, ни одну мелочь не упустил: «Притчины медленности в моем марше вашему высокопревосходительству из прежеписанных моих суть известны, которые меня к произведению вверенного мне дела в назначенное время не допустили, в коем случае я истинно о людях и лошадях не рассуждая, всевозможное употребил, да и господин бригадир Гартвис с полком Черниговским не прежде 31-го прошедшего к Таврогам, а Невской 1-го сего месяца прибыли, без которых соединения, имея различные о неприятельских намерениях и о числе его известия к городу приступить военные резоны, да и вашего высокопревосходительства высокой ордер запрещали; для удержания ж неприятеля, чаемого противу всех тех известий в бессилии в ретиреде из города и чтоб лучше познать к обороне города его учреждению, авангард, состоящей в 400-х гусар и 50 казаков и для подкрепления один эскадрон конных гранодер под команду подполковника Зорича еще 29-го от меня отправлен был, которому от себя подъезжей партии к самому городу и для поиску над оказавшимися по известиям стоящих на форпостах донских казаков черными гусары, и по случаю подъезда к городу Тильзиту 1-го сего месяца мещане того самопроизвольно из города к командующему тою партией прапорщику Ребенфельту выехав, объявили, что оной город от войск прусских совсем испражнен и отверстным к принятию войск ее императорского величества представили и в доказательство своего к тому желания усердного — несколько духовных и гражданских особ к подполковнику Зоричу, находящемуся тогда в амте Шрейтлакене, явились, прося ея императорского величества высочайшей про-

текции и защищения, подвергая себя в подданство, а потому и ко мне в Тавроги городского секретаря Симониуса и Елтермана с тем же подтверждением прислали, в уважении чего, не упуская времени, тому подполковнику Зоричу пост свой в городе на основании военных регул и с строгим запрещением о нечинении обывателям обид от меня велено. А сего числа и я с бригадами господ бригадиров Демиду и Стоянова во оной вступил, бригады ж господина бригадира Гартвиса полки: Невской и Черниговской сей ночи еще только к Таврогам, а завтра вступить имеют. При вступлении моем в помянутой город всякого чина и достоинства люди обнадежены ея императорского величества высочайшею милостию и защищением, и все, как духовные, так и гражданские служители при их должностях без перемены оставлены и первыми за высочайшее здравие ея императорского величества и всей императорской фамилии молятся, а последним в делах по пристойности высокое имя и титул ея императорского величества упоминать велено, а и впротчем все на основании июля 20-го минувшего года капитуляции содержать обещано. Военных же людей в том никаких не найдено, а жители единогласно уверяют, что бывшие под команду поручика Дефе 30 гусар Рушева полку 28-го минувшего месяца и года к Кенигсбергу выступили, а новонавербованные из ландмилиции, выбранные им, Дефеем, распущены от него в дома их. Обывателей же, отъехавших не более двух или трех считаю. Что до провианта принадлежит, то оным снабдить гарнизон жители обнадеживают, а фуража вовсе не объявляют, которое все по данной диспозиции описать и собрать не оставлю, а по недостатку фуража из близ лежащих амтов к завтрашнему дню потребное чис-

ло поставить велено. В протчем же, касательно до диспозиции, исполнить и о всем обстоятельно вашему высокопревосходительству [донести] должности моей не упушу, а сей мой рапорт по самом моем вступлении подношу, прося вашего повеления, что с акцызом почтовым и протчими доходы повелите, а почту следующую в Кенигсберг завтрашнего дни к отправлению удержать рассудил за потребно до резолюции вашего высокопревосходительства. Газеты ж, каковы здесь с последней кенигсбергской почтой получены, при сем включаю, а изустные ковенского купца Родена, прибывшего сего числа из Кенигсберга, что в том пред недавним временем в городе было не малое замешательство от произшедшего страха о марширующей российской армии уже близ Лабио и многие жители и из знатных фельтмаршала Левалда намерены были оттуда ретироватца, но последовавшей от главного там суда приказ, со обнадеживанием всякой безопасности, их от того удержал, не меньше же и манифест ея императорского величества там уже оказавшейся их в том обеспечил. Тот же Роден присовокупил еще и то, что яко бы баталион, состоящей в Кенигсберге, имеет немедленно при приближении войск российских ретироваться в Пилау, а и та крепость якобы без всякого супротивления сдастся. От Гумбинской камеры, явшейся здесь вашему высокопревосходительству с адресованным письмам писарь при сем же с подателем сего прямо чрез амт Рус, где по исчислению времени войскам ея императорского величества быть считаю, к вашему высокопревосходительству отправлен».

Главнокомандующий читал это не без раздражения: в Румянцеве он видел прежнего безобразника, не воспринимал его всерьёз. Но заслуги молодого

генерала пришлось оценить. Под Рождество, 7 января 1758 года, Румянцев получает чин генерал-поручика. И, несмотря на молодость, он считался наиболее заслуженным из генерал-поручиков русской армии.

Фермор получил славу покорителя Восточной Пруссии. Румянцев в те месяцы — самый активный его генерал. Закрепившись в Восточной Пруссии, Россия выполнила основную задачу в войне: далее можно было замкнуться, не предпринимать наступательных действий, не рисковать — и удерживать в своих руках богатую и густонаселённую провинцию. Самые прозорливые политики в Петербурге резонно полагали, что в битвах за Польшу, в сражениях с французами и австрийцами Фридрих — даже в случае победного исхода — истощит силы. И вернуть Восточную Пруссию, в которой Россия могла разместить стотысячную армию, он не сумеет. Далее война пойдёт без стратегической необходимости для Российской империи. Шли сражения, а на завоёванной территории постепенно осваивалась российская администрация. Фермор так и оставался губернатором Восточной Пруссии — правда, номинальным.

С января по июнь 1758 года Фермору удалось занять значительную территорию — без сражений и практически без потерь, хотя удовлетворительное и оперативное снабжение армии по-прежнему не удавалось отладить. В июне русские войска форсировали Вислу и заняли Познань. Накопив силы, в августе Фермор предпринял наступление на землю Бранденбург. Армия перешла реку Варту — и достигла стен Кюстрина. Эта крепость на слиянии Одера и Варты стала для русской армии первым камнем преткновения в той кампании. Неподальёку

маневрировал прусский корпус генерала Дона, который не решался с малыми силами угрожать русским, но внимательно следил за передвижениями армии Фермора, не забывая ни о шпионаже, ни о разведке.

Фридрих не мог махнуть рукой на продвижение русской армии — хотя относился к ней не без пренебрежения. Фермор обосновался в 100 километрах от Берлина, затем — в восьмидесяти... В прусской столице началась паника: обыватели пересказывали ужасающие легенды о русских варварах, сметающих всё на своём пути, о диких калмыках и жестоких казаках... В Бранденбурге к русским относились куда враждебнее, чем в Восточной Пруссии. Город готовился к худшему.

Румянцев острее других генералов ощущал близость Берлина, близость окончательной победы. И действовал энергично, разрубая узлы. Ещё в июне (20—21 по новому стилю) отряд, составленный из казаков и лёгкой конницы, сталкивается с неприятелем у Ризенбурга. В схватке русские одержали верх — и Румянцев подробно описывает этот бой в рапорте Фермору, между строк призывая того к более активным действиям:

«Краснощочков и Дячкин храбро оную партию атаковав, разбили и живых один корнет и тридцать один рядовых в полон взяты и ко мне присланы; а убитых с неприятельской стороны сочтено 28, а затем в бег обратившиеся от той партии капитан Цетмар, с некоторым малым числом рядовых, Чугуевского казацкого полку ротмистром Сухининым, брегадира Краснощочкова адъютантом Поповым и есаулом Лошилиным под город Новой Штетин прогнаты, из которого усмотря неприятельской сикурс вышеписанный ротмистр, адъютант и есаул возвра-

титца принуждены. С нашей стороны при сем сражении легко раненых три казака только находитца.

Господин генерал-майор особо храбрость бригадира Краснощокова и полковника Дячкина мне похвалает, а что и гусарская команда Донскому войску великую силу придавала, свидетельствует. А я оное все достаточному исполнению ордера вашего высокорейсграфского сиятельства генерал-майора Демико приписать должен».

Румянцев намеренно, не без яда, подробно рассказывает о второстепенном: в главном-то Фермор проявляет нерешительность:

«Я сих корнета и рядовых к вашему высокорейсграфскому сиятельству, то ж и явшегося у меня из той же партии из самого сражения вахтмейстера, и города Рацебурга бургомистра, и живущего в том месте уволенного на время маркграфа Фридриха кирасира под конвоем отправил, а сей мой для выигрышу в времени с сим нарочным подношу.

Господин генерал-майор Демико признает, что генерал Платен, по известию уже ему сделанному, со всею силою на него движение сделает; в таком случае я за нужное нахожу завтра отсюда выступить и маршировать по пути, где с ним, господином генералом-майором, таким образом марш наш регулировать будем, чтоб во всяком случае сикурсовать мне ею было возможно.

Предписанной полоненной корнет и дезертировавшей вахмистр согласно мне объявили, яко корпус, здесь на границе находящейся, состоит в числе полку Платенова драгунского (которого генерал и командует), гранодерского одного и Путкамерского одного баталионах и гусар двести шестьдесят, из которых три эскадрона драгун и гранодерской баталион в Штолпе, а Путкамеров в Шлаге располо-

жены, два же эскадрона драгун постированы один недалеко от Столпа, а другой в Битаве равномерно и гусары деташированы по разным постам для примечания и защищения против наездов легких войск, а генерально все приказ имеют, по приближении войск регулярных все путь свой к Кеслину брать для прикрытия магазинов.

Я по отправлении господина генерал-майора и к Битау партии отправил и ожидаю оных возвращения.

Включенные с сим намерен был вчерась отправить, а по прибытии дезертировавшего вахмистра ожидал благополучного окончания сражения, к которому он всю надежду с доказательствами подал, но прежде уведомления, как сейчас о том получить не мог, а причина тому, что господин генерал-майор рассуждал, неприятельским постом, скрытым быть на всех проездах, ибо они действительно, как нам и видно, тем только и пользуетца случая ищут, а принужден был отправить как для пленных, так и взятого до дву тысяч рогатого скота и овец то ж, которому однако подлинного числа показать не могли».

А «прусской злой король», чтобы отразить русское вторжение в Бранденбург, объединил две армии. Правда, сорокатысячный корпус он был вынужден держать на другом фронте — против австрийцев, инертных, но потенциально опасных.

На торжественном смотре корпус генерала Дона промаршировал мимо короля в новых мундирах, с напудренными головами. Фридрих удивился и произнёс саркастически: «Ого! Да ваши солдаты разряжены в пух. Мои, напротив, настоящая саранча: зато кусаются». Впрочем, после форсированных маршей основные силы Фридриха пребывали не в

лучшем состоянии. Только авторитет короля, опыт офицеров и палочная дисциплина держали их в повиновении.

Узнав о действиях Фридриха, Фермор снял осаду Кюстрина. Русская артиллерия разбомбила полкредпости, там погибли прусские арсеналы и магазины, но войти в Кюстрин не удалось. Фермор отвёл войска к Цорндорфу — на соединение с наблюдационным корпусом генерала Броуна, русского ирландца. Цорндорф — небольшое поселение, которое после Второй мировой войны стало называться Сарбиново (по-польски — Sarbinowo). Оно находилось неподалёку от города-крепости Кюстрин — ныне Костшин (польский Kostrzyn, немецкий Küstrin) в Любушском воеводстве в Западной Польше. Эта территория стала воронкой, втягивавшей в себя враждующие армии. Одно из значений немецкого слова «цорн» — гнев. Цорндорф — деревня гнева.

Против 54 тысяч солдат Фермора при 250 орудиях король имел 36 тысяч солдат и 116 пушек.

В начале августа прусский корпус начал переправу через Одер. Румянцев, расположившийся в лагере, сразу понял, что Фермор проиграл позицию. Ведь Фридриху удалось отрезать корпус Румянцева от основных сил. Соединиться с Фермором в ближайшие дни Румянцев не сумеет, да и приказа такого он не получил. Румянцев бросает на Одер кавалерийский отряд под командой Берга — они пытаются «разорить» мост через Одер и вступают в бой с прусскими гусарами. Бергу не удалось значительно затруднить для пруссаков переправу, но к Румянцеву удачливый бригадир вернулся не с пустыми руками, а с тридцатью пленными.

Виллиму Виллимовичу так и не удалось предугадать шаги Фридриха. Ведь он послал Румянцева к

Шведту, потому что рассчитывал, что Фридрих переправит основные войска через Одер именно там, воспользовавшись мостом. А Фридрих ночью тайно навёл понтонные мосты через Одер у Гюстебизе, между Кюстрином и Шведтом, — там, где пруссаков не ждали. Корпус Румянцева оказался отрезанным. Пётр Александрович предупреждал Фермора об опасности дробления сил, но кто прислушивается к нижестоящим?..

Фридрих намеревался добиваться генерального сражения сразу после переправы, без промедления. Пруссаки шли в бой с пришлыми варварами, опустошавшими Бранденбургскую землю. Фридрих внушил армии ненависть к врагу, рыцарской войны ждать не приходилось. Он попытался отрезать русским пути к отступлению. А за спиной пруссаков — развалины Кюстрина, занятые Фридрихом. В случае отступления Кюстрин стал бы для прусской армии временной базой.

Отряд разведчиков-казаков приметил переправу немцев — и Фермор узнал о надвигающейся опасности. Фридрих обходным манёвром навязал Фермору новую позицию: с незанятыми высотами и рекой Митсель в тылу. Русская армия образовала огромное каре — четырехугольник, в центре которого, в Цорндорфе, располагались обозы и артиллерия. Утром заголосила артиллерия. Затем под барабанную дробь и гимны Господу пруссаки начали атаку. Авангард генерала Майнтефеля атаковал правый фланг русских. Фермор приказал поджечь деревушку. Основные силы пруссаков под командованием генерала Каница должны были поддержать авангард, но между войсками Каница и Майнтефеля образовался значительный зазор, чем и решил воспользоваться Фермор, ударив по прусскому авангарду. Кираси-

ры вместе с гренадерами, пошедшими в штыковую, смяли войска Майнтефеля. Только кавалерия Зейдлица сумела сломить наступление русских.

На левом фланге русской армии стояли войска обсервационного корпуса генерала Броуна. На них обрушились основные силы Фридриха после полудня. Русские держались стойко. Сам генерал получил несколько рубленых ран. Выдержав первую волну прусского наступления, русская пехота пошла в штыковую. Шла битва на изнеможение — и тут у Фермора появлялись шансы. И снова решающий удар нанесла кавалерия Зейдлица... Войска потеряли управляемость, сражение шло беспорядочно, словно во хмелю. Тактическая инициатива пруссаков разбилась о стойкость русской армии. К ночи битва утихла, и оба командующих считали себя победителями. У обоих были трофеи. И обе армии не смогли продолжить сражение на следующий день. Никто не занял поле боя, не отступил. Только через два дня на виду у Фридриха армия Фермора отступила организованно и неспешно. Пруссаки захватили около 90 пушек, русские — 26. В плен попали 2800 русских (среди них — генерал Захар Чернышёв) и 1500 немцев. Русские потери убитыми и ранеными почти в два раза превышали прусские. То есть наголову разбить Фермора Фридриху не удалось, но он с большим основанием мог говорить о победе.

Не забылся и такой позорный факт: Фермор (а с ним и принц Карл Саксонский, и князь Голицын) бежал с поля боя в тыл, в деревушку Куцдорф.

О том сражении слагали легенды! «Одного смертельно раненного русского нашли в поле лежащим на умирающем пруссаке, которого тот грыз зубами; пруссак не в состоянии был двинуться и должен

был переносить это мучение, пока не подоспели его товарищи, заколовшие каннибала», — пишет фон Архенгольц. Известно и высказывание Фридриха после Цорндорфа: «Этих русских можно перебить всех до одного, но не победить. Они держатся крепко, тогда как мои негодяи с левого крыла меня покинули, бежав, как старые бабы». Насколько достоверна эта реплика — бог весть.

Зато прусский ротмистр фон Кате был участником наступления генерала Ф. Зейдлица, и уж он-то точно запомнил, как «русские лежали рядами, целовали свои пушки — в то время как их самих рубили саблями — и не покидали их». Стойкость русских в критической ситуации казалась невероятной. Никаких попыток отступить, сдаться... Армия мужественно переносила ошибки командования и держалась до последнего вздоха.

Фридрих без снисхождения отнесётся к русским пленным, напоминая им о бесчинствах, творимых в оккупированном Бранденбурге... Правда, по договорённости об обмене пленными Чернышёв и другие вскоре вернутся под знамёна Елизаветы.

Увы, решающая ошибка Фермора была связана с Румянцевым. 12-тысячный корпус мог бы перевернуть ход сражения — как это случилось под Гросс-Егерсдорфом. Румянцев стоял у Шведта, всего в нескольких десятках километров от сражения, и слышал канонаду. Д. М. Масловский писал: «...Теперь, когда все карты раскрыты, очевидно, что Румянцев... свободно мог ударить во фланг, а при искусных разведках и в тыл пруссакам в самое критическое время, т. е. в исходе первого дня Цорндорфского боя или на другой день: полное поражение Фридриха в этом случае не подлежит сомнению».

Но Фермор упустил время, не призвал Румянцева на помощь. Надо думать, главнокомандующий не верил, что 12-тысячное войско способно с марша без промедлений кинуться в бой, не растеряв боеспособности. Не верил в готовность Румянцева к современной войне, к которой сам был не готов.

О слабости командования свидетельствует и такой эксцесс: «часть солдат бросилась на маркитантские бочки с вином и начала их опустошать; напившись, в беспамятстве били собственных офицеров, бродили, ничего не понимая, и не слушались никаких приказаний» (С. М. Соловьёв).

В реляции императрице Фермор храбрился, но полностью загримировать результаты сражения не мог. «По отпуске последней моей всеподданнейшей реляции из под города Кистрина на эстафете, от 12-го сего месяца, получа того ж дни на вечер подлинное известие, что король прусской ниже Кистрина три мили под местечком Цилинцах делает на старом Одере из судов к переходу мост, а чрез канал, которой гораздо выше Одера, разобранной мост починивать начал, почему тот же час полковник Хомутов с командою для препятствия оного дела послан, точию как скоро туда прибыл, получена ведомость, что уже прусские гусары на здешней стороне показываться стали, а по поимке объявили, что прусская армия уже на нашу сторону сильно перебирается».

О самых драматических эпизодах Фермор старался умолчать, но не выходило:

«...Почему того ж числа на вечер блокада города Кистрина так порядочно и благополучно отвозом тяжелых пиесов артиллерии и двух тысяч гранадир последовала, что ни одного человека притом не потеряно. Потом в четвертом часу из тесного и лесно-

го места, в котором армия необходимо для блокады стоять принуждена была, благополучно проходя близ четырех верст лесом на чистое место, для ордер-баталии весьма способное, пришла и при урочище Фирстенфельде без всяких обозов стала во ожидании прусской армии прибытия. И по счастью корпус под командою господина генерала Броуна от Ландсберга прибыл и в одном лагере с армиею соединился. На вечер стали уже прусские гусары показываться и с нашим войском сражение имели, а наше войско стояло всю ночь при ружье во ожидании неприятеля, а в 14-й день генеральная и престокая баталия началась пополуночи в девятом часу, наперед с пушечною пальбою, а чрез полтора часа начался из ружья огонь и с такою жестокостию бесперерывно продолжался, что до самой ночи одна другой стороне места не уступали. В десятом же часу отступила прусская армия российской место баталии, где российская чрез ночь собралась и не токмо в виду прусской ночевала, ни на другой день имелся роздах, собирая своих раненых и пушек, сколько неприятель допускал».

Редко в реляциях после генеральных сражений столь явственно проступает неуверенность командующего. Фермор паниковал: «Урон раненых из генералитета, штаб и обер-офицеров весьма знатен, токмо по кратности время точно показать не можно, а пришлется впредь, как скоро походная канцелярия в том исправиться может, а ныне кратко на память о некоторых из генералитета и штаб офицеров показано. А сверх того ссылаюсь на словесное показание посланного с сею депешою господина полковника Розена, которой пространнее на все обстоятельства изъясниться может. Я не в состоянии вашему императорскому величеству о поступ-

ках генералитета, штаб и обер-офицеров и солдат довольно описать и, аще бы солдаты во все время своим офицерам послушны были и вина потаенно сверх одной чарки, которою для ободрения выдать ведено, не пили, то б можно такую совершенную победу над неприятелем получить, какая желается. А ныне я, припадая к стопам вашего императорского величества, всенижайше донести должен, что в рассуждении великого урона, слабости людей и за неимением хлеба принужден сегодня до тяжелых наших обозов и хлеба семь верст до Грос Камина, а потом до Ландсберга, где надеюсь с третьей дивизиею, состоящею в Швете, соединиться, буду по реке Варте субсистенцию армии сыскивать. Денежная казна поныне почти вся сохранена, а секретной экспедиции все дела, чтоб в какой конфузии неприятелю в руки попасть не могли, сожжены, в том числе и ключ азбуки, которого впредь с курьером в присылку ожидаю.

Его высочество принц Карл и генерал Сент-Андре не дождавши совершенного окончания баталии, заключая худые следствия, ретировались в Швет к третьей дивизии, а экипаж его высочества при большом обозе армии поныне в целости. Я при сем неудачном случае по моей рабской должности всевозможные меры употреблять не оставлю, и припадаю к стопам». Рабская должность! Удачный эвфемизм, вполне деликатный. А репутация в те дни пошатнулась не только у Фермора, но и у самого молодого из удачливых и самого удачливого из молодых генералов России...

Императрица Екатерина вспоминала: «...Мы узнали, что 14-го числа произошло Цорндорфское сражение, самое кровопролитное во всем столетии; с обеих сторон считали убитыми и ранеными по

20-ти тысяч человек; мы лишились множества офицеров, до 1200. Нас известили об этом сражении как о победе, но шепотом передавалось известие, что потери с обеих сторон были одинаковы, что в течение трех дней оба неприятельских войска не смели приписывать себе победы, и что наконец на третий день Король Прусский в своем лагере, а генерал Фермор на поле битвы служили благодарственные молебны. Императрица и весь город были поражены скорбью, когда сделались известны подробности этого кровавого дня; многие лишились родственников, друзей и знакомых. Долгое время только и было слухов, что о потерях. Много генералов было убито, ранено либо взято в плен. Наконец убедились в неспособности генерала Фермора и в том, что он вовсе человек не воинственный... Румянцев обвиняли в том, что, имея в своем распоряжении 10 000 человек и находясь недалеко от поля битвы, на высотах, куда к нему долетали пушечные выстрелы, он мог бы сделать битву более решительною, если бы ударил в тыл Прусской армии в то время, как она дралась с нашею; граф Румянцев этого не сделал, и когда зять его князь Голицын после битвы приехал к нему в лагерь и стал рассказывать о бывшем, тот принял его очень дурно, наговорил ему разных грубостей и после этого не хотел с ним знаться, называя его трусом, чем князь Голицын вовсе не был; несмотря на победы Румянцева и на теперешнюю славу его, вся армия убеждена, что он уступает Голицыну в храбрости».

Несправедливые слова: Голицын бежал с поля боя, не его ставить в пример героям.

В таком двусмысленном положении оказался Румянцев после Цорндорфа. И ведь как долго держались в памяти современников пересуды о цорн-

дорфской осечке! Крупицы правды есть и в этих слухах, но не забудем: Румянцев ожидал приказа и не имел представления о ходе сражения. Что, если бы армия Фермора побеждала, а ему, Румянцеву, предстояло развивать успех, довершать операцию? При Гросс-Егерсдорфе Румянцев в лесу точно знал, что армия на грани катастрофы — и ринулся спасать товарищей. А тут слишком велика была вероятность ошибки. И только задний ум подсказывает нам, что смелая атака Румянцева могла бы поставить Фридриха на колени.

Сохранившиеся воспоминания и письма русских офицеров того времени показывают, что Цорндорф не подорвал боевой дух, не уничтожил армию морально, хотя и возродил страх перед пруссаками. «Прошедшая наша с неприятелем акция великой ущерб зделала нашей братьи. <...> Однако слава Богу, что еще наша армия в таком хорошем состоянии... <...> не толко отпор зделать но окотовать [атаковать] может... <...> салдаты бодры и жадны, и мы все веселимся и желаем, чтоб еще с неприятелем увидется», — храбрился в частном письме Афанасий Невельской.

Пётр Александрович, конечно, желал отличиться, загладить двусмысленное впечатление от Цорндорфа. И в конце сентября именно Румянцев столкнулся с пруссаками при Пас-Круге. «В шесть часов поутру генерал граф Румянцов, уведомясь о наступлении неприятеля, сделал предписанной уже сигнал и у Пас-Кругу со всем корпусом собрался; неприятеля, состоящего из 4-х батальонов пехоты от большой части гранодер, при самом конце дамы ретранширующегося и делающего батареи на вышине, лежащей против самого дама у неприятельского левого фланга нашел. А как скоро только

туман миновал и пехота в ея работе видима стала, приказано подполковнику Гербелю, как с траверса, так и с поставленных в правой стороне у перелеска пушек, по неприятелю пальбу производить и бомбы из единогого и гаубиц бросать. Неприятель своими орудиями равномерно соответствовал, не причиняя однакож никакого вреда, еже продолжалось до девяти часов. А тогда усмотря граф Румянцов, что бомбы наши неприятелю большого вреда не причиняют и неприятель две колонны формирует, показывая вид к атаке одною чрез дам, а другою в правую сторону чрез болото, где оное несколько осохло и переходимо, производя с правого своего флангу непрестанную пушечную пальбу по нашим солдатам, кои в самое то время для пресечения ему пути до самого болота траверс продолжать стали, приказал ста человекам гранодерам с одним единогого и гаубицею занять вышину близ дама лежащую, а расположенной от самого Пас-Круга до казачких кошей пехоте движение сделав, приступить в виду неприятельском к самому мосту и его верить заставить, что сим сильным стремлением вознамеренность конечно чрез дам для форсирования его идти.

При занимании таким образом гранодерами вышины и при взвезении на оную орудиев, с неприятельской стороны беспрестанная пушечная пальба по сему посту производилась и одному канонеру руку трехфунтовым ядром перешибло, а прочих на том месте вредить не могло, ибо лежащая при сей вышине лощина людям завесою служила. И тако производимое с сей вышины бросание бомб, поспешествуемое пушечною пальбою с помянутых мест такое действие имело, что неприятеля понудило, оставя занятой весьма авантажной пост, бегом ре-

тироваться; которого Донские казаки под предводительством генерал-майора Ефремова, полковников Красношокова и Сулина преследовали и сражаясь с неприятельскими гусарами, неоднократно с особливою храбростию целые их эскадроны прогоняли, в чем свидетельство подать могут его королевское высочество принц Карл и генерал барон Сент-Андре, которые при сем сражении присутствовать изволили. Сие сражение продолжалось в беспрестанном огне до 12 часов, а потом ретирующийся неприятель, пользуясь вышинами, от казаков весьма его тревожащих, пушечною пальбою защищался. С нашей стороны, кроме помянутого канонера и нескольких казачьих лошадей, убитых и раненых не было, а от неприятеля один гусар пленен, несколько побито и ранено. На месте, где неприятельской фронт был, немало крови усмотрено, а на самой батарее две убитые лошади найдены, также несколько котлов и других тому подобных вещей на месте оставлено, где доказательством служит, что неприятелю нашими орудиями немалой вред причинен, когда не успел такие солдатам надобные вещи с собою взять», — сказано в журнале военных действий о том деле.

Масштаб схватки, как видим, невелик, но сам её факт показывает, что после Цорндорфа русские не пали духом, как это представлялось прусским оптимистам, и продолжали огрызаться, оказывая сопротивление неприятелю повсюду, где это возможно. И действовал Румянцев в те дни расторопно, используя свежие силы солдат, не хлебнувших цорндорфского огня.

Но отношения с Фермором подпортились навсегда: граф не простит Фермору тех колебаний, не простит того, что Виллим Виллимович подставил под

удар репутацию полководца Румянцева. А Фермор и сам ожидал от Румянцева мести — главнокомандующий знал, что в Петербурге им недовольны, и опасался, что Румянцев воспользуется ситуацией. А там уж не только до отставки — до жестокой кары недалеко. Судьба Бестужева — пример красноречивый, незабываемый: «От сумы да тюрьмы не зарекайся». Всесильному Бестужеву удалось отделаться ссылкой — но Фермор был куда более уязвим. Как дипломат и царедворец, он значительно уступал и Апраксину. Один козырь оставался у генерала: в нём нуждалась армия.

Фермор всё менее искусно скрывал, что не доверяет Румянцеву.

Считается, что Виллим Виллимович сделал ставку на Петра III, на скорую кончину императрицы. Но этим его действий не объяснишь... Его обвиняли, что он разгласил военную тайну — план кампании следующего, 1759 года... союзникам, австрийцам. Как это согласуется с участием в «партии Петра»? С огромной натяжкой. Но австрийцам в Петербурге не доверял никто — в особенности после падения Бестужева. Ключевая особенность мировых войн в том, что в них сталкиваются коалиции, в которых каждый участник имеет ещё и личные интересы, входящие в конфликт с союзническими. В этом смысле Семилетняя война была мировой — разве что на ситуацию за пределами Европы те события почти не влияли. Хотя по меньшей мере одна великая колониальная империя играла в той войне ведущую роль. Это Британия. Да и Россия была к тому времени не только европейской державой, но и азиатской. Так что и Индия оказалась втянутой в воронку войны — разумеется, косвенно. И в начале 1759 года войне не видно было конца.

А Конференция уже вела следствие по делу главнокомандующего. Румянцева неожиданно вызвали в столицу. Он с неохотой сдал командование дивизией — и направился в Петербург. Догадывался ли он, что вызов связан с делом Фермора? На четвёртом десятке Пётр Александрович приобрёл немалый политический опыт, многое видел насквозь.

В Петербурге за прошедшие полтора года изменилось многое. Болезнь императрицы, падение Бестужева, ожидавшееся воцарение Петра Фёдоровича — эти факторы переменили климат. К чести Румянцева, мелочно сводить счёты с Фермором он не стал, до кляуз не опустился, не подтвердил своим авторитетом слухи о предательстве главнокомандующего. Хотя, возможно, указал и на тактические ошибки Фермора. Но отстранять проштрафившегося генерала было бы ошибкой: он лучше многих умел выполнять боевые задачи, набрался опыта, не падал духом в походных условиях. Сумел ли Виллим Виллимович оценить сдержанность молодого коллеги? Да и нуждался ли Румянцев в уважительной оценке генерала Фермора?

Утратив высочайшее доверие, Фермор до поры до времени сохранил пост главнокомандующего. На апрель намечалось возобновление боевых действий. Тут-то и получил Румянцев удар в спину: его отстранили от основных действий, вручили в командование тыловой корпус, который должен был прикрывать Восточную Пруссию и базы снабжения в Польше. Жалкая роль! Румянцев не скрывал обиды, боролся с «персональным уничтожением». Рассценивал новое назначение прямо: «За умертвление для себя немалое признаваю». Но подчинился приказу, отбыл к тыловому корпусу.

Салтыков

Сейчас уже можно открыть тайну: даже самый властный монарх, как правило, зависит от подданных сильнее, чем подданные от монарха.

Существовало ли в тогдашней России властное «общественное мнение»? Вроде бы это не свойственно самодержавию. Но, конечно, и придворные перетолки, и армейский ропот не учитывать не мог никто, даже самодержавная императрица. Да и она — как опытный политик — подстраивалась под преобладающие настроения, подчас даже с опережением. После Цорндорфа трудно было не расслышать ропот: остзейцы во главе армии утомили, подавайте нам главнокомандующего-великоросса. Найти такого было непросто: многие ориентировались на Петра Фёдоровича с его симпатией к Фридриху. Пришлось выдвинуть человека, который десятилетиями пребывал в тени и даже в опале.

Счастливым день для Румянцева — 8 июня 1759 года. Всё определилось, кончилась власть Фермора, который при этом избежал ссылки и остался в армии. Новым главнокомандующим назначен генерал-аншеф Пётр Семёнович Салтыков, уже показавший себя с лучшей стороны в нескольких войнах, но державшийся в тени. Возможно, ему не хватало лидерских амбиций. Да и доверием императрицы Салтыков не пользовался. Но летом 1759-го настало его время. Он проявил себя недурным организатором во время наступления на Восточную Пруссию, храбро и хладнокровно сражался при Цорндорфе. Салтыкова считают предшественником Суворова по части умения разговаривать с солдатами их языком, делить с ними невзгоды походов. «Щи да каша — пища наша». — Он мог бы повторить эти слова. Сал-

тыков считался страстным охотником. Постоянные странствия по лесам и болотам подготовили его и к армейским лишениям. В походах Семилетней войны он постепенно вошёл во вкус, без картинных жестов, без придворной саморекламы превратился в стратега.

Шестидесятилетний Салтыков выглядел стариком. Представитель старинного рода, он родился в самом центре коренной России — неподалёку от Ростова Великого, на берегу озера Неро. Воевал с поляками и со шведами под командованием Миниха и Ласси.

Впервые за долгие годы (если не считать нерасторопного Апраксина) в роковое время главнокомандующим стал природный русак. Это воодушевляло патриотов. Хотя первоначально Салтыков не вызывал восторгов: больно негероическая внешность была у этого аристократа. Примечательную характеристику новому главнокомандующему оставил в своих записках А. Т. Болотов — одарённый литератор, встретивший генерал-аншефа в Кёнигсберге: «Старичок, седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане, без всяких украшений и без всех пышностей, ходил он по улицам и не имел за собою более двух или трех человек. Привыкшим к пышностям и великолепиям в командах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и, по всему видимому, ничего не значащему старичку можно было быть главным командиром столь великой армии и предводительствовать ей против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущюю курочкою, и никто и мыслить того не отваживался, что б мог он учинить что-ни-

будь важное». Неужели забыли русские люди расторопность Салтыкова в сражении при Цорндорфе? Курочка — не курочка, а с портрета работы Ротари на нас смотрит эдакий дородный боярин — только бритый и в европейском костюме XVIII века.

Цорндорф оказался болезненным щелчком по носу для патриотов русской армии. Скептики и так были уверены, что с Фридрихом тягаться невозможно, их, напротив, удивляла стойкость воинства российского. Но Цорндорф показал: механистичная прусская тактика всё ещё таит для нашей армии смертельную угрозу и во многом войско Фридриха остаётся для всех прочих примером недостижимым. Укрепились в солдатской среде уважительные, даже боязливые легенды о прусской кавалерии. Но — Россия если подчас и отстаёт от Европы, то умеет учиться, навёрстывать и догонять. В Семилетнюю войну это правило сработало. Русские крестьяне — по духу люди оседлые, многие из них, если бы не рекрутчина, дальше родной околицы ничего бы и не видали. Постепенно они освоились на германской земле, где всё так не походило на срединную Русь — и уже вели себя на чужбине по-хозяйски. То есть — степенно, рачительно, уверенно. Прошёл угар грабежей, прошла и растерянность. В армии постепенно устанавливалось то состояние, в котором лучшие качества народного характера проявляются непоборимо. Душевное равновесие и готовность исполнять солдатский долг.

Салтыков, исправляя перегибы предшественника, без промедлений вернул Румянцева в действующую армию. Пётр Семёнович давно присматривался к молодому генералу и считал его звездой первой величины. Было у Салтыкова одно славное качество: он недолюбливал рутинёров и ценил в воена-

чальниках изобретательность. Румянцеву поручили командование Второй дивизией, для которой главнокомандующий уготовил участь яркую. Поход на Берлин! «Я намерен, буде обстоятельства допустят, генерал-порутчика Румянцева с знатным detaшементом к Берлину налегке отправить для взятия денежной контрибуции и сколько возможно лошадей и быков, також провизии», — сообщал Салтыков Конференции. Такой удар по Берлину, считал главнокомандующий, деморализует противника. Другим его начинанием было быстрое соединение с австрийцами, которые, однако, настаивали на переносе основных боевых действий в Силезию.

После первого разговора с глазу на глаз Салтыков ещё больше понравился Румянцеву. Начиналось горячее времечко — решающие сражения Семилетней войны.

Между тем и Фридрих произвёл заметную перестановку: генерал Даун, безуспешно пытавшийся остановить русских, потерял доверие короля. Вместо него корпус возглавил генерал-лейтенант фон Ведель. Ему было поручено остановить движение русских к Одеру. Под командой фон Веледя — менее тридцати тысяч, у русских — сорок тысяч. Но Фридрих не сомневался, что воспитал лучшую в мире армию и готов был к генеральному сражению. Не просто остановить, но уничтожить русско-французскую армию — таков был план короля. Для начала пруссакам предстояло воспрепятствовать соединению русской и австрийской армий.

Для этого Ведель принял решение в июле атаковать русских в районе Пальцига. Он планировал оглушить русских неожиданным наступлением, которое снивелирует численное превосходство армии Салтыкова. Но с первых залпов сражения русские

стояли как стена, ошетилившаяся штыками. Салтыков повёл армию в обход левого фланга и тыла пруссаков. Гусары Малаховского налетели на русских, но вынуждены были отступить... В бою не дрогнула и артиллерия Салтыкова. Ведель отступил, чтобы подготовить второй удар. Но и новая атака захлебнулась. Самым мощным был третий удар по русским позициям. Прусской коннице удалось прорваться между двумя полками, внести сумятицу. Но тут заговорила русская артиллерия! Кавалерия Фридриха отступила с большими потерями — и Салтыков бросил в бой русскую конницу Панина, которая довершила дело.

Вторую дивизию в том сражении возглавлял генерал Александр Вильбоа, раненный при Гросс-Егерсдорфе. Румянцев, сколь ни торопился, не успел прибыть и принять у него командование над дивизией. А наблюдательный корпус, вместо павшего ирландца Юрия Броуна, — Голицын.

Мастерство русских артиллеристов признал и Фридрих, почти одновременно получивший известие о поражении Веделя и победе над французами при Мендене: «Северные медведи не французы, и артиллерия Салтыкова в сто раз выше артиллерии Контада».

Иногда Салтыкова упрекают, что он не организовал преследование Веделя. «Недорубленный лес снова вырастает», — говаривал на этот счёт Суворов. Но более успешных сражений с пруссаками не было ни в истории австрийской, ни в истории французской армии. А Салтыков показал себя генералом, не способным паниковать или трусить. По умению терпеть он не уступал собственным солдатам.

Хотя и не добил Салтыков пруссаков, всё равно под Пальцигом Ведель потерял четверть своей армии — около семи тысяч, из них не менее четырёх

тысяч — убитыми. Потери русских не превышали пяти тысяч, из них убитыми — 813 человек. Павших оплакивали, на поле боя устроили панихиду. Но оставшиеся в живых поверили в силу русского оружия, а гипноз непобедимости пруссаков развеивался. Болотов отдавал должное Салтыкову: «Победа сия произвела многие и разные по себе последствия, из которых некоторые были для нас в особенности выгодны. Из сих наиглавнейшим было то, что все войска наши сим одолением неприятеля ободрились и стали получать более на старичка, своего предводителя, надежды, который имел счастье с самого уже начала приезда своего солдатам полюбовиться; а теперь полюбили они его еще более, да и у всех нас сделался он уже в лучшем уважении».

Но в Петербурге победа при Пальциге почему-то не вызвала ожидаемого восторга. То ли интриганы вмешались, то ли советники императрицы просто не поняли стратегической важности столь яркой победы. Обошлось без фейерверков и щедрых наград. А ведь нечасто прусскую армию удавалось разбить со столь малыми потерями... Более того — это была первая победа над пруссаками со столь явным преимуществом, первая битва, в которой германские потери и убитыми, и ранеными значительно превышали потери русские.

Поход продолжался, и подоспевший Румянцев в составе армии Салтыкова двигался к Одеру. В районе Кроссена к русским присоединился австрийский корпус Лаудона. В Кроссене части Малаховского попытались оказать сопротивление русским, но были рассеяны — и Салтыкову досталась богатая добыча: продовольствие и фураж.

Союзная армия заняла Франкфурт-на-Одере,полнила обозы. Салтыков настоятельно предложил

австрийскому главнокомандующему Дауну присоединиться к армии и мощным ударом накатить на Берлин. Предполагалось, что взять прусскую столицу без генерального сражения невозможно, но численное превосходство союзной армии позволяло надеяться на успех.

Но Даун тянул с ответом. Он не был сторонником генеральных сражений — и Салтыков почти не скрывал своего презрения к цесарскому коллеге. Тем временем Фридрих с главными силами прусской армии форсировал Одер.

Союзная армия под командованием Салтыкова заняла позиции на высотах у деревушки Кунерсдорф, которая вскоре станет всемирно известной. Общее число русско-австрийских сил, сосредоточенных здесь, доходило до 60 тысяч, против 48-тысячной армии Фридриха Великого. Преимущество заметное, но не подавляющее. Помощи от Дауна Салтыков так и не получил.

Правым крылом армии командовал Фермор, левым — Голицын, а центральную группировку возглавлял Румянцев. Резерв — австрийцы Лаудона — расположились в тылу войск Фермора. Это было первое генеральное сражение, в котором Румянцев участвовал под командованием Салтыкова.

Как только обнаружилось, что король обходит правый фланг русских войск, Салтыков приказал армии повернуться кругом, переменив ход сражения. Наступил решительный момент: следовало или быстро отступить к Кроссену, или атаковать. Салтыков занял позицию тылом к Одери и принял бой. Он разгадал замысел Фридриха: начать атаку одновременно на правое и левое крыло — и предпринял контрманёвр, чтобы «навлечь всю неприятельскую армию на одно левое крыло... ». Удар приняли на

себя части генерала Голицына. На этом участке пруссакам удалось создать численный перевес. В результате пруссаки заняли Мюльберг — тактически важную высоту — и в победном воодушевлении готовы были добивать уже потрёпанную армию Салтыкова. Установив на высотах Мюльберга артиллерию, принялись обстреливать русские позиции. Подготавливая решительную атаку, Фридрих уже послал в Берлин гонца с вестью о победе.

И вот — нашла коса на камень, на силу нашлась более ухватистая сила.

Фридрих обрушил удар на высоту Большой Шпиц, где располагались войска Румянцева, — и это было вполне логичное решение. Возможно, Старому Фрицу следовало действовать быстрее, он потерял время, перестраивая войска. Но на бóльшую стремительность его армия в тот день была неспособна. Пётр Александрович продемонстрировал полную готовность к сражению, он умело повёл упорную оборону высоты.

Если бы Румянцев и Салтыков в эти часы остались верны церемонной, правильной войне — надлежало раскланяться с Фридрихом и отступить — по возможности организовано. Но тут-то и понадобилось румянцевское умение мыслить смело, парадоксально. Умение использовать лучшие качества солдат — хорошо натренированных, невероятно выносливых. Румянцева объединяло с Салтыковым многое, но главное — они оба умели и любили общаться с солдатами. Не замыкались в изящном кружке великосветских собутыльников. Пожалуй, в этом было их преимущество перед командирами немецкого происхождения, хотя и среди немцев на русской службе появлялись такие блистательные знатоки солдатской души, как славный фон Вейс-

ман — герой первой екатерининской Русско-турецкой войны.

С утра дышалось легче, а летний зной уже перетомил войска, в особенности — пруссаков, уставших после перехода. Однако сражение только разгоралось. Командующие затыкали дыры резервами. Несколько раз Румянцеву удавалось бросить солдат в контратаку, штыками и рейдами конницы они оттесняли пруссаков. Но неоднократно пруссаки достигали высоты и завязывали бой на Большом Шпице. На позиции ворвались кирасиры принца Вюртембергского. Румянцев бросил против них своих кавалеристов — и в быстром сражении конницы русские одержали верх. Архангелогородский и Тобольский драгунские полки смяли знаменитых «белых гусар» генерала фон Путкаммера, который в том бою получил смертельное ранение. Австрийский генерал Лаудон, начавший сражение в резерве, поддерживал союзников, бросив в бой два эскадрона австрийских гусар. Принц Евгений Вюртембергский, пытавшийся собрать кирасир для новой атаки, получил серьёзное ранение.

Наконец, Фридрих отправил в сражение кавалерию генерала Зейдлица — ударные силы непобедимой армии. Румянцев встретил кавалеристов таким огнём, что Зейдлицу пришлось отступить. Сам Зейдлиц, раненый, удалился с поля боя на руках адъютантов. В быстроменявшихся условиях большого сражения Румянцев действовал хладнокровно и хитроумно — как будто всю жизнь сражался с пруссаками.

Фридрих вторично отправил Зейдлица на высоты, обороняемые Румянцевым. Пётр Александрович не побоялся бросить в бой всю свою кавалерию: киевских и новотроицких кирасир, архан-

гелогородских и рязанских конногренадер и тобольских драгун. Прусская атака захлебнулась. Тем временем русская пехота штыковым ударом отвоевала Мюльберг...

«В самое сие время неприятельская кавалерия в ретранжамент вошла, которая нашу под предводительством генерал-поручика графа Румянцева и австрийскую, под команду генерал-фельдмаршала лейтенанта барона Лаудона, опровергнута и прогнана, после чего из первой дивизии гранодерской и Азовской полки с генерал-майором князем Волконским к подкреплению других приспели и по сильному на неприятеля устремлению оною несколько в помешательство привели», — говорилось в реляции.

И тут наступил переломный момент сражения: Румянцеву удалось воодушевить солдат на штыковую контратаку, и они лихо опрокинули прусскую пехоту, сбросили её с высоты в овраг. На помощь своим пробились уцелевшие остатки прусской кавалерии, но и они были отброшены ударом с правого фланга русско-австрийскими частями. Снова, как при Гросс-Егерсдорфе, в решающие минуты Румянцеву удалось ошпарить противника неожиданным и дерзким ходом. О преследовании неприятеля Румянецев докладывал так: «...Преследовавший неприятеля с легким войском генерал-майор граф Тотлебен в ночь меня рапортовал, что он чрез болото в лес к неприятельскому левому крылу казаков послал, чтоб кавалерию от пехоты отрезать, а он с гусарами и кирасирскими его императорского высочества полку 2-мя эскадронами, кои весьма храбро себя оказали, по сю сторону болота построился; неприятельская кавалерия, усмотря, что казаки заезжают с тылу, ретироваться стала, но в то время она с обеих сторон казаками и гусарами ата-

кована, расстроена и разбита, многие поколоты и в полон взяты, в сверх того целый неприятельской от протчих отделившийся кирасирский эскадрон 20-ю человек казак и 15-ю человек гусар в болото вогнан, побит и пленен, которого стандарт в добычу взят; от сего места далее мили за неприятелем погоня была...»

Салтыков не упустил инициативу: он отдал приказ перейти в общее наступление. Следуя примеру Румянцева, русские и австрийцы шли вперед, не считаясь с усталостью. Пруссаки отступали беспорядочно — и к семи часам вечера прекратили сопротивление. Самого Фридриха едва не захватили в плен. Русские — и прежде всех Румянцев — показали, что умеют действовать разнообразно, ставить перед противником неразрешимые задачи. Таких инициативных, решительных генералов у Фридриха не оказалось... Прусская система выглядела отлаженной, но шаблонной. Рабом канонизированной теории не был и Салтыков. К тому же русские явно превосходили и противника, и союзников-австрийцев в физической силе и упорстве. Необходимо указать и на ещё одну причину победы: энергичный П. И. Шувалов за прошедшую зиму сумел на славу перевооружить артиллерию. Русская армия получила гаубицы усовершенствованной конструкции — «единороги», более лёгкие и скорострельные, чем прежние пушки. Теперь этих «единорогов» в армии хватало, и они значительно превосходили прусскую артиллерию. Именно огонь «единорогов» — поверх русской пехоты — остановил наступление Зейдлица на Большой Шпиц. Блестящие традиции русской артиллерии, которая со времён Ивана Грозного была одной из лучших в Европе, под Кунерсдорфом дополнила новая заслуженная слава.

Фридрих впал в отчаяние. Судя по всему, он искал смерти под Кунерсдорфом. Ротмистр Притвиц силой заставил короля покинуть поле боя. Гусары Притвица и Фридрих чудом ускакали от казачьего преследования. Шляпа Фридриха, доставшаяся русским, вскоре окажется в Эрмитаже, а в наше время — в музее Суворова.

Многочисленные поклонники воспевали Фридриха за то, что он не терял присутствия духа в трагические минуты сражений, крепко верил в свою звезду, в свою систему. Но подчас он впадал в ярость и депрессию — и тогда не знал меры в стенаниях. У него была манера изливать душу в письмах и разговорах с близкими друзьями. Вот уж где Фридрих немилосердно сгущал краски, драматизировал ситуацию.

Сразу после Кунерсдорфа он писал своему задушевному другу Финку фон Финкенштейну — недурно знавшему Россию кабинет-министру, заправлявшему внешней политикой Пруссии: «Наши потери очень значительны. Из сорока восьми тысяч воинов у меня осталось не более трех тысяч, всё бежит, нет у меня власти остановить войско; пусть в Берлине думают о своей безопасности. Жестокое несчастье, я его не переживу. Последствия битвы будут ещё ужаснее самой битвы: у меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю всё потерянным. Я не переживу гибели моего отечества. Прощай навсегда». Король всерьёз намеревался передать армию брату министра, генералу Финку. Несколько раз у него отнимали яд, он картинно сопротивлялся. В приступе самобичевания Фридрих преувеличивал масштабы катастрофы. Да, почти завоёванная победа обернулась крупнейшим поражением, но у Фридриха осталось всё-таки не три тысячи, а все десять...

И Салтыков не малодушничал, когда обращал внимание на русские потери и на переутомление победителей. «Ещё одна такая победа — и мне одному придётся идти с палочкой в Петербург, чтобы сообщить о ней», — примерно так острил главнокомандующий в те дни. Он вообще умел пошутить над собой. При этом никаких признаков пирровой победы не видно: и убитыми, и ранеными Фридрих потерял больше. По пушкам и лошадям после Кунерсдорфа союзники превосходили пруссаков разительно. И всё-таки Салтыков тревожился за состояние армии — и, надо думать, не без оснований.

Терять армию в тысячах вёрст от России новоявленный фельдмаршал не желал: к тому же он понимал, что Берлин не встретит русских с кёнигсбергским радушием. Любой авантюризм Салтыков от-метал решительно.

Запомним этот день: 1 августа 1759 года, Кунерсдорф. День ратной славы России, память о котором много значила для нашей армии во все времена. Летом 1941 года в журнале «Смена» появилась статья М. Фёдорова, завершавшаяся таким пассажем: «Сражение при Кунерсдорфе и взятие Берлина — исторический урок немцам. Пусть помнят об этом зазнавшиеся фашистские вояки! Наша доблестная Красная Армия, верная священным традициям русского оружия, разгромит фашистские банды!» Надо ли разъяснять политический контекст той публикации?! В самом начале Великой Отечественной войны историки и журналисты искали опору в нашем победном прошлом, и наиболее важными оказались победы над немцами, из которых в истории России самой яркой была кунерсдорфская, за которой последовало взятие Берлина. Не секрет,

что Фридрих Великий был культовой фигурой для Третьего рейха. Гитлер, без преувеличений, поклонялся ему, видел в «хромом Фрице» олицетворение победительного германского гения. О том, что Фридрих не раз терпел поражения от русской армии, о том, что Россия едва не раздавила Пруссию после нескольких побед в генеральных сражениях и только смерть императрицы Елизаветы спасла великого пруссака, — Гитлер предпочитал не вспоминать. А его противники — советские пропагандисты — вспоминали об этом охотно.

Отметим, что и хлесткий суворовский афоризм: «Русские прусских всегда бивали» — произрастает из Большого Шпица...

За победу при Кунерсдорфе Салтыков получил фельдмаршальский жезл — символ нежданного благодарного доверия императрицы Елизаветы. Первую заметную награду получил и Румянцев — орден Святого Александра Невского и две тысячи червонцев. Кроме того, всем участникам победоносной битвы вручили медаль, выбитую по этому случаю. На лицевой её стороне — профиль красавицы-императрицы, на оборотной — изображение воина и надпись: «Победителю над пруссаками». То было первое из подобных награждений.

Что же дальше? Напрашивался поход на Берлин — до столицы Фридриха рукой подать, а грозный король под Кунерсдорфом практически лишился армии. Думается, сам Фридрих с ужасом ожидал именно такого развития событий — но в этом случае он недооценил противоречия в стане союзников. В своей «Истории Семилетней войны» Фридрих прямо пишет, что если бы после Кунерсдорфа русские нанесли последний удар — с Пруссией было бы покончено.

Но австрийцев не устраивали решительные действия Салтыкова. Кроме истерзанных в бою 15 тысяч Лаудона, в армии Салтыкова не было австрийцев. С подмогой они тянули. Новоявленный русский фельдмаршал в душе проклинал союзников — как и Румянцев, не сомневавшийся в успехе марша на Берлин, который он уже числил в своих трофеях. А вести на Берлин кунерсдорфских героев без подкрепления Салтыков не решился — возможно, переоценивая силы и талант Фридриха. Ему даже пришлось попкироваться с австрийцами, которых он упрекал в желании победить грозного врага руками одних только русских. Салтыков требовал от австрийцев подвигов и жертв, подобных тем, что русские свершили и принесли при Кунерсдорфе.

Кунерсдорф — это первое генеральное сражение с Фридрихом, в котором союзники (при доминирующем участии русских) одержали несомненную победу. Видимо, в глубине души Салтыков считал свою миссию исполненной. Полководческого честолюбия ему не хватало, а боярскую гордость коробила мелочная расчётливость австрийцев. Особенно его раздражал генерал Даун, не помогавший ни продовольствием, ни боеприпасами. А Салтыков — несмотря на природную скромность, которую признавали все, — с австрийцами держался начальственно, не без надменности. Не за себя, за Отечество держал спину. Он никогда не забывал, что основные тяготы войны несёт русская армия, и требовал от союзников подчинения. После нескольких недель бесплодных споров фельдмаршал посчитал за благо отойти в сторону, ссылаясь на болезни, неудивительные в его возрасте.

В его биографии золотая глава на этом завершается... В январе 1762 года Петр III назначит его

главнокомандующим, но военные действия против Пруссии закончатся, и в августе Салтыков отправится из армии в столицу. После своего восшествия на престол Екатерина II назначит его московским генерал-губернатором. На этой должности фельдмаршал прослужит несколько лет — вплоть до чумной эпидемии 1771-го. В дни эпидемии фельдмаршал дрогнет, растеряется, отбудет из Белокаменной в свою подмосковную усадьбу. Этот отъезд воспримут как малодушие — тем более что в отсутствие генерал-губернатора в городе начнётся бунт. Архиепископ Амвросий прикажет убрать чудотворную икону Боголюбской Богоматери от Варварских ворот Китай-города, где толпился народ. Святой отец был уверен, что скопление народа только усугубляет эпидемию. Разъярённая толпа разгромила сначала Чудов монастырь в Кремле, а затем — Донской монастырь, где скрывался архиепископ. Амвросия убили. Беспорядки пришлось подавлять военной силой, а зачинщиков ждали казни и каторга. В эти дни Салтыков не проявил себя вождём — и в ответ на холодность императрицы ушёл в вынужденную отставку.

Через год после отставки, в декабре 1772-го, фельдмаршал Салтыков отдаст Богу душу в своём подмосковном имении — Марфине. Московский высший свет постарался побыстрее забыть отставника. Новый генерал-губернатор князь Михаил Волконский делал вид, что смерть Салтыкова не имеет к нему отношения... Верность командиру сохранил только генерал-аншеф П. И. Панин. Он в парадном облачении демонстративно вошёл в траурную комнату, поклонился, обнажил шпагу и командным голосом произнёс: «До тех пор буду стоять здесь на часах, пока не пришлют почётного караула для смены». После панинского демарша победителя Фридриха

похоронили с подобающими воинскими почестями. Когда вести об этом дошли до императрицы — она встала на сторону Панина, а Волконского пожурила. О подвиге Панина быстро узнала вся неравнодушная Россия, его авторитет в армии возрос: у нас от века уважают защитников справедливости. Румянцев не мог участвовать в похоронах фельдмаршала. В это время он мог отблагодарить Салтыкова только добрым отношением к его единственному сыну — генералу Ивану Петровичу Салтыкову, который сражался под командованием Румянцева во всех основных сражениях Русско-турецкой войны. Ивана Салтыкова никто не считал скромником: он, пребывая в сиянии отцовской славы, с молодых лет был избалован наградами. Ивана Петровича произвели в генерал-аншефы почти одновременно со смертью отца. В те годы Румянцев (во многом — из уважения к отцу) относился к нему благожелательно, хотя видел просчёты генерала, его медлительность на поле боя... Младший Салтыков оставался несколько вальяжным даже в те дни войны, когда следовало действовать с ускоренной решительностью. Румянцев терпел этот недостаток, отмечая личную храбрость генерала, его грамотность в тактике. Но через 20 лет их отношения заметно испортятся. А Иван Салтыков, как и отец, устав от грома сражений, станет московским главнокомандующим и генерал-губернатором. Любопытно, что московским главнокомандующим (правда, без лавров генерал-губернатора) был и Семён Андреевич Салтыков — отец фельдмаршала. Словом, три поколения графов Салтыковых управляли Первопрестольной.

Но вернёмся во времена послекунерсдорфские. Русские блестяще провели кампанию 1759 года — пожалуй, даже при Петре Великом столь ярких по-

бед наша армия не знала. Россия могла той же осенью победно завершить войну, диктуя Фридриху условия капитуляции из его собственной столицы. Тут уж хватило бы боеспособного корпуса тысяч двадцать и нескольких казачьих отрядов вдобавок, для острастки. Дипломатия императрицы Елизаветы готова была действовать цепко, отстаивать интересы империи. Но... Старый Фриц получил передышку, спасся от позора и, проявив самообладание, сумел мало-помалу восстановить силы. В отчаянии он доходил до крайности, но быстро приходил в себя — и готов был к продолжению войны.

Старик Салтыков был настоящим учителем Румянцева, его прямым предшественником и достойным начальником на поле боя. Именно он отказался от слепого следования господствовавшей тогда в Европе линейной тактике. Он применял контратаки колоннами, выделял резерв, смело маневрировал... И всё это — в старческом, по понятиям того времени, возрасте. Но Румянцев, как и все русские генералы, учился и у Фридриха! Хотя прусский гений и был убеждённым сторонником линейной тактики, а Румянцев её уничтожил... У Фридриха нужно было учиться, говоря словами Суворова, единству мысли. Он был фанатически предан идее приумножения прусской военной силы и политического влияния. Он неустанно воспитывал генералитет, умело находил ключи к сердцам солдат, эффективно управлял ими. Армия Фридриха, как правило, опережала противника, действовала молниеносно. Этот урок Румянцев затвердил чётко: промедление смерти подобно. С Фридрихом пруссаки готовы были идти на смерть — после того как король состарился, пруссаки незамедлительно потеряли половину военного потенциала. Слишком многое держалось на этой

личности. Румянцев почтительно относился к прусскому королю и не стеснялся публично демонстрировать свои чувства даже в те годы, когда Санкт-Петербург косился на Фридриха с неприязнью.

При этом Румянцев ни перед кем не преклонялся, ни к кому не относился с ребяческим восторгом. Опыт научил его скептицизму. Кроме того, Пётр Александрович без суеты, без нервных припадков хранил глубокую самоуверенность. Знал себе цену — и не намеревался уступать Фридриху пальму первенства даже в собственном воображении. С годами самоуверенность перешла в брюзжание, которое фельдмаршал перемежал приступами смирения.

Итак, в начале октября 1759 года русские и австрийцы прекратили боевые действия, устроив армию на зимние квартиры. А в начале следующей кампании Салтыков, как заметили современники, впал в ипохондрию. То и дело на его глазах видели слёзы, в доверительных беседах он признавался, что намерен проситься в отставку. Сетовал на коварство австрийцев, ничего не предпринимал для восстановления дисциплины в армии.

В дивизии Румянцева дела обстояли наилучшим образом: генерал не терял бразды управления, не прекращал учений, боролся с болезнями и дезертирскими настроениями. Знал каждого офицера, изучил все слабости тех, с кем предстояло воевать бок о бок. Эту повадку Румянцев, как мы помним, проявил ещё в Риге.

Салтыков — один из немногих русских полководцев, кого Ломоносов удостоил персонального упоминания в одной из елизаветинских од. Михаил Васильевич разглядел в нём родственную душу — одного из тех, кто доказал, что Российская земля может рождать новых платонов, ньютонов и ганнибалов...

Фридриха Ломоносов не жалует за мечты о господстве над Европой.

Парящей слыша шум Орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль смотря на рок саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем!
Лишенный собственныя власти,
Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

.....
Богини нашей важность слова
К бессмертной славе совершить
Стремится сердце Салтыкова,
Дабы коварну мочь сломить.
Ни польские леса глубоки,
Ни горы Шлонские высоки
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Чрез трупы к франкфуртским стенам.
С трофея на трофей ступая,
Геройство русское спешит.
О муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С перуном руки устремленным,
С зарницей очи равны зрю!
Противник, следуя борею,
Сказал: я буйностью своею
Удар ударом предварю.

От Фридриха осталось немало легендарных афоризмов — с позднейшими наслоениями, с редактурой десятилетий. А от Салтыкова — скромный ответ на похвалы за Кунерсдорф: «Это не я. Это всё сделали наши солдатики».

Кольбергская операция

В середине августа 1760 года вместо «престарелого» Салтыкова главнокомандующим был назначен фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин. Императрицу не смущало, что Бутурлин аж на пять лет старше Салтыкова. В отличие от великого отца Елизавета делала ставку на опытных и властных вельмож. К тому же её выбор был сужен фактором Петра Фёдоровича и пропрусской партии.

Румянцев поначалу даже не мог поверить в столь глупое решение властей. Тучный, медлительный, ничего не понимавший в военном деле, Бутурлин, казалось, вовсе не годился в соперники Фридриху. Фельдмаршальский жезл он получил в мирное время и уже в пожилом возрасте. И вдруг — очередная царская милость, графский титул и должность главнокомандующего. Главное достоинство Бутурлина — лёгкий отсвет славы Петра Великого. Когда-то молодой офицер Александр Бутурлин приглянулся первому нашему императору, стал денщиком государя, исполнял тайные его поручения, сопровождал Петру во всех последних походах. Но с тех пор Бутурлин состарился и заплесневел на статской службешке, а орденами его осыпали, как говорится, не по заслугам, а по потребностям.

Прибыв на театр военных действий, фельдмаршал сразу разъяснил генералам своё кредо: он намеревался беречь армию, беречь солдатские жизни. А значит — уклоняться от сражений и бездействовать. Действовал он, как премудрый Фарлаф у Пушкина: «В заботах, тревоге, досаде и грусти скитайся по свету, мой храбрый соперник! Бейся с врагами, влезай на твердыни! Не трудясь и не заботясь, я намерений достигну, в замке делов ожидая повеления Наины».

Румянцева такая тактика не устраивала, и он принял решение всеми правдами и неправдами действовать независимо от главнокомандующего. Этому способствовало и решение Конференции направить русские части для взятия Кольберга, пока Бутурлин с основными силами топчется вокруг главных цитаделей Бранденбургской земли.

Под Кольберг направили Румянцева! Это назначение развязывало руки полководцу. Взятие Кольберга давало союзникам контроль над всей Померанией — и вокруг этой крепости ещё в прошедшей кампании развернулись отчаянные схватки, сюда стягивались военно-морские силы. К тому времени слово «Кольберг» в русской армии повторялось часто и с грустными нотами. Под стенами мощной крепости русский флот потерпел чувствительное поражение... Две попытки взять Кольберг окончились плачевно для русской армии. И вот — Румянцев...

В помощь Румянцеву снарядили флот под командованием наиболее энергичного из русских флотоводцев того времени, вице-адмирала А. И. Полянского. Он возглавил Ревельскую и Кронштадтскую эскадры — линейные корабли «Святой Климент папа Римский», «Полтава», «Наталия», «Ревель», «Москва», «Святой Пётр», «Рафаил», «Гавриил», «Шлиссельбург», «Уриил», «Святой Николай», «Ингерманланд», «Варахаил», «Нептунус», «Святой Димитрий Ростовский», «Святой Павел», «Святой Иоанн Златоуст», «Святой Андрей Первозванный», фрегаты «Россия», «Святой Михаил», бомбардирские корабли «Дондер», «Самсон» и «Юпитер», десять мелких судов. На кораблях поместилась десантная группировка — семь тысяч отборных бойцов. 1 июля флот прибыл на данцигский рейд, где проводили погрузку на суда осадной артиллерии. Впер-

вые Румянцеву довелось координировать действия армии и флота.

Фридрих, насколько возможно, усилил оборону крепости. Гарнизон превышал четыре тысячи солдат, количество крепостных орудий приближалось к 150. Опытный организатор обороны майор (позже — полковник) фон Гейден отлично знал местность и умело управлял смельчаками, с которыми уже дважды отстоял Кольберг во дни осад.

К крепости примыкал просторный укреплённый лагерь, который тоже считали едва ли не неприступным. Там на высотах готовилась к бою артиллерия. В лагере расположился 12-тысячный корпус принца Вюртембергского. С востока крепость защищал болотистый труднопроходимый лес. Словом, взятие Кольберга было главной и наиболее трудной тактической задачей кампании. Ситуация требовала от Румянцева не просто осады и попытки штурма: предстояла многоплановая операция против сильной прусской группировки, крепости с гарнизоном и нескольких линий обороны.

Жители Померании, разорённые войной, настойчиво ждали русских гостей. Румянцев понимал, что успех операции зависит и от отношений с местным крестьянством. В атмосфере ненависти трудно воевать, ещё труднее наладить снабжение армии. Борьба с мародёрством, строгая дисциплина — это не просто благие пожелания. Репутация русских войск в Пруссии в те годы оставляла желать лучшего.

Фридрих предвидел, что Румянцев попытается замкнуть блокаду Кольберга, перекрыть транспортные пути. Для неожиданных рейдов по тылам русского корпуса король выделил отряд генерала Вернера — две тысячи кавалеристов и полтысячи пехотинцев. Располагаясь под Кольбергом, Румян-

цев узнал о передвижениях отряда Вернера и направил против него соединение, в котором казаков и драгун подкрепляли два гренадерских батальона.

Войска Вернера заняли город Трептов — и Румянцеву удалось окружить его. Там, под Трептовом, русский полководец сломал стереотипы тогдашнего военного искусства. Как было принято действовать после окружения? Медленно и основательно. Наступали широким фронтом, линиями. Ни тебе эффекта неожиданности, ни концентрации сил на прорывном участке. Румянцев уже не один год обучал солдат наступать колоннами. И полковник Бибиков, которому он поручил взятие Трептова, предпринял атаку батальонной колонной. Быстрота и сосредоточение сил — этих двух условий пруссаки не выдержали. Русские ворвались в Трептов, а конница преследовала противника в предместьях. Только убитыми Вернер потерял более шестисот человек. Почти столько же, включая самого Вернера, оказались в плену у Бибикова. Румянцев разбивал линейную тактику — и торжествовал.

Любопытный факт: первый вариант плана осады Кольберга подготовил инженер-полковник Де Молин. Румянцев, перелистав его план, пришёл в негодование. Он выгнал Де Молина из корпуса, пригрозив аж повешением. Впрочем, этот военный инженер ещё долго будет служить в русской армии, станет и генералом... Второй план генерал сочинял вместе с полковником Гербелем. Первым шагом предполагалась операция по оттеснению прусских частей в лагерь принца Вюртембергского и захват передовых укреплений Кольберга. 19 августа русские двинулись вперёд: после усиленных поисков по обоим берегам Персанты противник с потерями отступил в Кольбергский и Боденхагенский леса, а затем ушёл в свои укрепления.

Достойным соперником оказался генерал Дубислав Фридрих Платен, которому удалось прорваться к Кольбергу, уничтожив магазины и коммуникации русской армии. Отряд Платена усилил гарнизон Кольберга.

Румянцеву удалось перекрыть пути из Штеттина в Кольберг. Но упорные пруссаки неоднократно пытались вернуть контроль на этих дорогах... Румянцеву пришлось отрядить команду под началом полковника Апочинина,

Наступил черёд партизанской войны: то было противостояние летучих отрядов. Одно из важных сражений произошло под Гольнау: русский отряд, в котором выделялся решительными действиями подполковник Суворов, ворвался в крепость. Полковник Корбиер был захвачен в плен, а Суворов, получив две раны, в упоении подсчитывал ещё и захваченные пушки. Тем временем Румянцев окружил отряд генерала Кноблоха, который сдался без боя. Удалось захватить более 1600 человек пленных, 15 знамён и 7 орудий. Платену всё же удалось уйти. После этих сражений в Кольберге началась паника, но и в лагере Румянцева не всё обстояло благополучно.

Ещё до наступления холодов Румянцев столкнулся с нехваткой продовольствия. Армия, несмотря на старания Румянцева по добыче припасов, почти голодала. Уже в конце сентября из-за погодных условий флот был вынужден удалиться от Померании. Полянский ушёл с эскадрами в Ревель, по дороге попал в бурю и вернулся в Россию с большими потерями. Утешало, что у пруссаков дела с провизией обстояли не лучше. Граф Чернышёв упоминает, что солдат по шесть месяцев держали без жалованья. Бутурлин относился к Румянцеву и его корпусу как

к нелюбимым пасынкам, как будто ждал от «зарвавшегося» генерала поражений.

Военный совет, по настоянию Бутурлина, рекомендовал Румянцеву снять блокаду и, по традиции, направить войска на зимние квартиры. Не принято было в те годы воевать с наступлением холодов. Но Румянцев и здесь ломал традицию: он-то помнил, как дорого стоил поспешный уход на отдых после Кунерсдорфской победы — и, к неудовольствию Бутурлина и удивлению пруссаков, принял решение сражаться до конца.

В начале ноября он весьма обстоятельно обрисовал ситуацию в письме на высочайшее имя: «Крепость при отступлении неприятельском, чрез посыланного от меня капитана Бока, к сдаче была требована. Комендант фон дер Гейде со всеми хотя учтивостями твердость свою и заслуженные уже, якобы, честь и славу толикими и формальными осадами показать и в сем случае мне обещал. Я, однако ж, приказал господину генерал-порутчику Гольмеру, которой, в крайнем хотя изнеможении, усердствовать вашему императорскому величеству, ищет от стороны морской или по усмотрению его, где токмо место позволит на настоящее весьма сырое время, траншеи открыть и батареи в большом числе орудий заложить. Одна из сих уже устроена и со вчерашнего дни город бомбардируетца. Недостаток в пропитании может быть понудит коменданта к сдаче склонитца, а в прочем, осмеливаюсь вашему императорскому величеству доносить, что по настоящей погоде, а особливо в здешних местах, вовсе из времени осаждать. Я б охотно последовать примеру барона Лаудона, но кроме других обстоятельств, водяные весьма глубокие и широкие два рва требуют уже иных способов, а сих, не повре-

дя крепостного строения, ни с каковой [стороны] удачно достигнуть невозможно, исключая однако ж сильные морозы».

Императрица к тому времени чувствовала себя опустошённо: болезнь побеждала.

Принц Вюртембергский отступил на соединение с войсками Платена — и оставил укрепления, в которые тут же вошли войска Румянцева. В ночь на 5 ноября Румянцев занимает укрепление Вольфсберг, затем овладевает предместьями Кольберга. Фридрих приказывает Платену и принцу Вюртембергскому прорваться в Кольберг и доставить туда транспорт с продовольствием. Но попытка прорыва закончилась неудачей: их атаку Румянцев отбил и даже организовал преследование. Пруссаки дрогнули.

Комендант крепости фон Гейде впервые выдвинул условия капитуляции: почётные для пруссаков. Румянцев выдвигает собственные условия. 5 декабря фон Гейде соглашается на ультиматум Румянцева, и русские войска занимают Кольберг. Крепость, ставшая базой русской армии, угрожающе нависла над Бранденбургом.

И тут самое время сделать небольшое отступление о примечательном человеке, который во время Кольбергской операции встал на пути Румянцева. Граф Готтлоб Курт Генрих фон Тотлебен был в XVIII веке личностью легендарной. В Европе о нём судачили чаще, чем о Румянцеве или Зейдлице, наравне с Казановой и Калиостро. О нём сочиняли небылицы и плутовские романы, не счесть слухов и анекдотов, связанных с неугомонным графом. Тотлебен — имя важное для русской истории, оно ассоциируется прежде всего с обороной Севастополя в 1850-е годы, с деятельностью генерала Эдуарда Тотлебена, который современнику Румянцева при-



Princess



Граф Александр Иванович
Румянцев, отец
П. А. Румянцева



Мария Андреевна Румянцева,
мать П. А. Румянцева

Герб рода Румянцевых



Император Пётр I



Прасковья Александровна
Брюс, сестра
П. А. Румянцева



Дарья Александровна
Трубецкая, сестра
П. А. Румянцева





Александр Иванович Румянцев.
Портрет В. Л. Боровиковского



Мария Андреевна Румянцева.
А. П. Антропов. 1764 г.

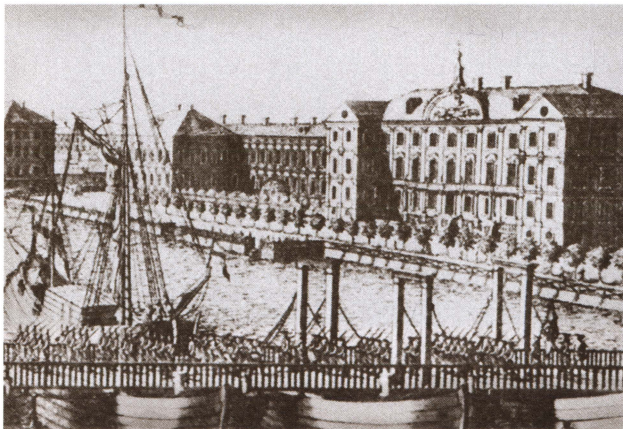


Граф
Бурхард Христофор Миних

Граф
Пётр Петрович Ласси

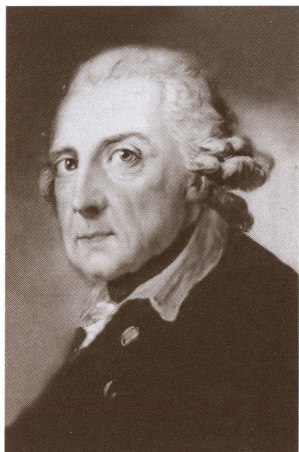
Кадетский корпус.

Фрагмент гравюры Я. Васильева по рисунку М. Махаева. 1753 г.





Императрица Елизавета Петровна



Фридрих II Великий



Императрица
Мария Терезия Австрийская

Битва при Гросс-Егерсдорфе. *С картины А. Е. Коцебу*





Мундир Фридриха Великого и его шляпа, потерянная во время бегства после сражения при Кунерсдорфе

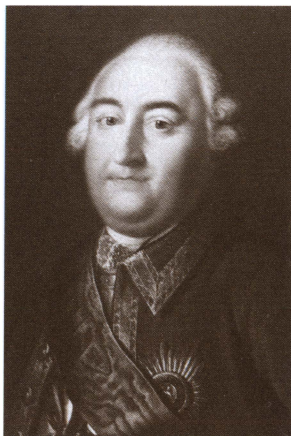
Сражение при Цорндорфе.

С гравюры из собрания Лейб-гвардии Гренадерского полка



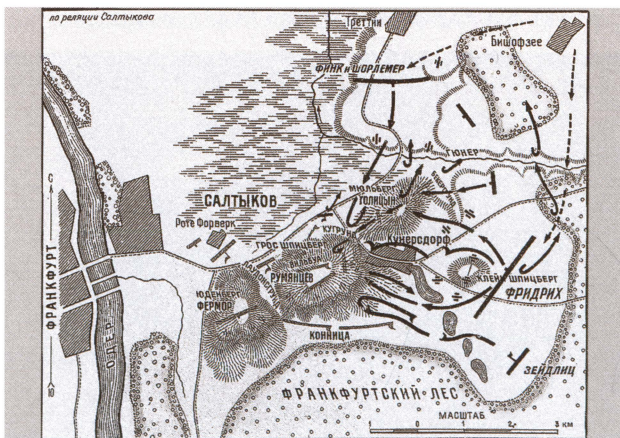


Фельдмаршал
Степан Фёдорович Апраксин



Граф
Пётр Семёнович Салтыков

План сражения при Кунерсдорфе





Виллим Виллимович Фермор



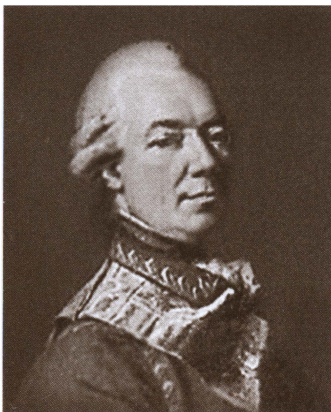
Граф Пётр Иванович
Шувалов

Битва при Кунерсдорфе. *С картины А. Е. Коцебу*





Граф Александр Борисович
Бутурлин



Граф Захар Петрович
Чернышёв

Взятие крепости Кольберг. *С картины А. Е. Коцебу*



Император Пётр III



Формы голштинских и русских войск при императоре Петре III





Екатерина Михайловна Румянцева, урождённая Голицына,
жена П. А. Румянцева



Граф Пётр Александрович Румянцев



Граф Пётр Александрович Румянцев. Конный портрет.
Гравюра Р. Бриша по рисунку И. Г. Майра. 1789 г.

ходилась дальним родственником. А вообще-то это название родового имения в Тюрингии, которое принадлежало нашему ловкачу-графу. Происходит это название от аристократического девиза: «Верен не на жизнь, а на смерть» («Treu auf Tod und Leben»).

Из Саксонии наш Тотлебен бежал, как ужаленный, после серьёзного обвинения во взяточничестве. Заочно его даже приговорили к пожизненному заключению — но такие вердикты мало что значат. В Голландии он получил патент полковника и прославился как второй Казанова. Со временем и оттуда пришлось ретироваться. Некоторое время он служил при дворе Фридриха, в Пруссии. Но и Берлин пришлось покинуть, как всегда, при деликатных обстоятельствах. В 1759 году 45-летний Тотлебен оказался на русской службе — и неизвестно, за какие заслуги получил чин генерал-майора. Ко времени вступления России в Семилетнюю войну никакого военного опыта у Тотлебена не было — но некоторые считали его почтенным генералом. И, как ни странно, он не спасовал: предводительствуя казачьими отрядами, проявил храбрость в стычках с пруссаками. Два ранения, контузия, ордена...

Тотлебен умел красочно рассказывать о собственных подвигах, заботился о репутации яростно, и ему удалось представить себя покорителем Берлина (к неудовольствию Чернышёва).

Вот как он рапортовал из прусской столицы: «Я оставался в Берлине все воскресенье с 2,000 гренадер и одним полком конно-гренадеров, приказав обезоружить всех жителей и сжечь их оружие, а выпущенные против ея императорскаго величества, ея союзников и их армий зловредныя издания сжечь через палача, под виселицею. Газетчики, за

дерзкие выходки их во время этой войны, должны были понести заслуженное ими наказание шпицрутенами, но так как весь город просил о монаршем милосердии к ним, то это наказание, именем ея императорского величества, было отменено, но все же они проведены были до места, где была назначена экзекуция и где все уже было приготовлено, и даже с них были сняты рубашки.

Королевские сокровища были осмотрены и найденные ящики и корзины с золотом, серебром, драгоценными камнями и древностями бригадир Бенкендорф должен был опечатать и взять с собою к армии во Франкфурте, где штаб офицеры сделали им описи и, упаковав каждую вещь, сдали при рапорте графу Фермору, через князя Прозоровского».

О сокровищах Тотлебен рассказывал с особенным знанием дела. Между прочим, в Берлинской операции участвовал казак Емельян Пугачёв — и позднее появится легенда, что именно Тотлебен, заметивший сходство казака с покойным императором, подал ему идею стать самозванцем.

Во время Кольбергской операции Румянцев с подозрением присматривался к графу. Замечал, что тот снабжает его неверными сведениями о движениях пруссаков. 19 июня 1761 года Тотлебен был арестован: вскрылась его переписка с принцем Генрихом Прусским. Вёл он тайную переписку и с самим королём: делился с ним секретной информацией. Считается, что он заблаговременно передал Фридриху информацию о приближении Румянцева к Кольбергу.

На допросах Тотлебен заявил, что намеревался, завоевав доверие Фридриха, заманить прусского короля в ловушку и захватить его, оправдывался, что потчевал пруссаков устаревшими данными. Около

двух лет он провёл в заключении: за это время Елизавету сменил Пётр, а Петра — Екатерина. Тотлебена приговорили к смертной казни, но помиловали и ограничились лишением наград, чинов и пожизненным изгнанием за пределы России.

Надо думать, в Семилетнюю войну Тотлебен играл сразу на нескольких досках — и у него нашлись тайные покровители. Вскоре он вернулся в Россию. Сперва жил в городке Порхове весьма скромно, а потом, к великому изумлению многих, вернул себе высокое положение в армии.

В 1768 году, в разгар Русско-турецкой войны, Екатерина направила его в Грузию — в помощь царю Ираклию, сражаться с османами. И снова граф показал себя интриганом, мастером и рабом двойной игры. Он лавировал на противоречиях между грузинскими князьками и царём Ираклием и в конце концов возглавил заговор против царя — союзника России. В апреле 1770-го русско-грузинская армия должна была штурмом взять Ахалцихе — турецкий оплот в Грузии. Тотлебен неожиданно уклонился от сражения, рассчитывая на поражение Ираклия. Но Ираклию удалось разбить турок, а впоследствии — и расправиться с фрондой. За военные успехи в Грузии Тотлебен получает звание генерал-поручика, но Екатерина внимает царю Ираклию — и отзывает генерала с театра военных действий.

Его переводят в Польшу, на войну с конфедератами, и в марте 1773 года в Варшаве генерал умирает. Память об удачливом авантюристе надолго останется в фольклоре. Предприимчивый и беспринципный флибустьер Тотлебен — тоже неотъемлемый образ XVIII века.

...В Кольбергской операции Румянцев испробовал немало тактических новинок. Он формирует

из охотников (добровольцев) два батальона лёгкой пехоты (егерей), приученной к ведению боя в рассыпном строю, к прицельной стрельбе. Снабжает их директивой, в которой, кроме прочего, рекомендует при преследовании противника «лучших же стрелков и в одну шеренгу выпускать». С этого нововведения начинается история преобразования русской пехоты. О наступлении колоннами мы уже упомянули. Упомянем и летучие отряды, действующие по тылам противника, быстро решающие оперативные задачи. Румянцев по-новому координирует действия частей, выделяет тактический резерв, в том числе — конный.

«Румянцев-Задунайский, человек никем еще неподражаемый, облегчил сейчас службу и отправление оной; запретил убирать волосы солдатам, а приказал заплетать косички и завязывать в пучки. С портупей и перевязей смывать беленье и не употреблять во время походу никогда оного, бросил рогатки, оставил батальж карей во время походу, начал водить колонны и научил нас построению фронта против турок», — вспоминал генерал М. С. Хрущёв, свидетель всех побед Румянцева. Хрущёв был не только опытным воякой, но и знатоком административных дел, то есть обладал аналитическими способностями не только в военно-тактической области. Его отзыву можно доверять, хотя и проверять необходимо... В то время когда Хрущёв погружался в воспоминания, уже безопасно было рассуждать о вреде солдатской косметики и косичек. В доекатерининские времена говорить об этом не смели. А Румянцев непосредственно в сражениях и переходах Семилетней войны убедился: наш главный враг — неповоротливый обоз и неудобное солдатское снаряжение. К концу войны удалось сократить

обозы, а с театральным обмундированием бороться пришлось долго.

Так получилось: для нас форма тех лет, косички и парики, связана с подвигами русской армии, с победами Румянцева, Суворова, Потёмкина. Романтика, героика, отражённая в живописи и кино, овеянная победным ореолом. Но в реальности это была смертная мука для солдата — и все упомянутые наши полководцы были яростными противниками пудры и косичек. Спасти армию от этого наваждения удалось Потёмкину, вдохновляли его, помогали ему — Румянцев и Суворов. Замечательная песня родилась в солдатской среде — впрочем, возможно, здесь постарались и офицеры — пропагандисты прогрессивных армейских реформ. Но пели эту песню и простые солдатушки:

Солдат очень доволен, что волосы остригли.
Виват, виват, что волосы остригли!
Дай Бог тому здоровье, кто выдумал сие.
Виват, виват, кто выдумал сие!
Избавились от пудры, булавок, шпилек, сала.
Виват, виват, избавились всего!
Поди прочь, дерзка пудра, погано скверно сало.
А мы теперь воскликнем: «виват, виват!»
Спросить было у пудры, спросить было у сала,
Куда их делась слава? Виват, виват!
Пудра, сало в аде —
Солдаты в вертограде
Кричат: «Виват, виват!»
Солдаты в вертограде!
Теперь скажи ж, ребята: довольны мы десницей
Всевышнего над нами? Виват, виват!
Довольны мы царицей, наследником ея?
Вскричали: «Ура, ура, ура!»

Но до той потёмкинской реформы было ещё далеко, а Румянцев уже боролся за облегчение сол-

датской лямки — пытался упразднить глупые излишества. Чтобы требовать от солдат большей выносливости, удали, крепких навыков штыкового боя — следовало освободить их от всего лишнего, необязательного. Да и гигиене прусские красоты мешали — это поймут и вожди французской революции. Правда, они откажутся от пышных армейских ритуалов во многом вынужденно: из-за безденежья. Но боевые качества армии от этого возрастут. Долго вызревала благотворная потёмкинская реформа — и, пожалуй, первым сделал уверенный шаг в её направлении не кто иной, как Румянцев.

Постепенно старания Миниха, усилившего в России военное образование, приносили плоды. Бывшие кадеты стали исправными офицерами и опытными генералами. Среди них всё больше было «природных русаков», а после стараний Румянцева — и малороссов, поляков, казаков. Возникла потребность в неформальном лидере, в генерале, который взял бы на себя роль маяка, идеолога для растущей воинской элиты. Уже после Кунерсдорфа Румянцев уверенно принял на себя эту миссию — да никто у него её и не оспаривал. Ревновали к наградам, славе, но не к ответственности. И Румянцев всё чаще выступал с идеями преобразования армии, превращался в педагога. И многие генералы — даже не столь молодые — не стеснялись называть себя учениками графа.

В Германии и во Франции — в крупнейших армиях Европы — основной задачей обучения пехоты считалось получение огневого превосходства над противником. В результате ускорялся ритм неприцельной стрельбы — по мнению Румянцева, бесполезной. Русский пехотный устав 1755 года на иноземный манер сосредоточивал внимание на ру-

жейной стрельбе. Значение штыкового удара недооценивалось...

Во время Семилетней войны в русской армии нормальной дистанцией суточного перехода считались две географические мили, что составляет менее 15 километров. Но и такие результаты достигались не всегда. Войска Фридриха были куда более подвижными, что позволяло ему разбивать австрийцев и французов. Русских разбить не удавалось: ни в одном сражении Фридрих не одержал убедительной победы над русскими. Но быстрота прусских войск не раз ставила нашу армию в трудное, даже отчаянное положение. Румянцев понимал, что нельзя давать врагу такой форы. За медлительность офицеров карал строго.

Любопытен и другой нюанс — телесные наказания. Вплоть до потёмкинских преобразований они в русской армии применялись. Применял их и Пётр Александрович. Но, по точным свидетельствам, эта мера в практике Румянцева была редким исключением из правил. Куда чаще «заплечное мастерство» демонстрировали в армии Фридриха Великого, состоявшей, в значительной степени, из наёмников. Вот так лапотная Россия, несмотря на суровое крепостничество, шла к воинскому братству. Разумеется, ни о каком сословном равенстве в армии говорить не приходилось: не те времена. Но такие генералы, как Румянцев, понимали, что зверства польза не принесут — разве только временную. К тому же граф опасался массового дезертирства... По словам Суворова, Румянцев знал всех своих солдат по именам. Иногда мог обратиться: «Иван, ведь ты был при Ларге. Подтверди мои слова, ведь тогда было эдак...» «Через десять лет после Кагульского сражения узнал он в городе Орле сторожа, служившего на

той славной битве рядовым; остановил его, назвал по имени и поцеловал», — вспоминал Суворов. «Благословен до поздних веков да будет друг сей человеков...» — говорил о нём Державин, и это тоже о гуманизме Румянцева. «Любил солдат как детей своих, заботился о них в поле и на квартирах; одушевлял храбрых воинов уверенностью в победе; был любим ими, несмотря на строгость и частые маневры», — писал историк Н. Н. Бантыш-Каменский, восторженный биограф русских фельдмаршалов. Они, по чести говоря, заслуживали восторгов.

Конечно, нельзя доверять сусальным легендам о «барине-отце» и довольных пейзажах вперемешку с не менее довольными солдатами. Классовые интересы, классовая борьба и ненависть — не выдумки Маркса с Энгельсом, эти процессы действуют во все времена, их никто не в силах отменить. Но в те годы и глубинные классовые интересы крестьян совпадали с военными устремлениями России и полководческим стилем Румянцева. Где ещё мог крестьянин почувствовать себя человеком, если не в армии? Отслуживших ветеранов, когда они возвращались в родные края, считали мудрецами. Армия, кроме прочего, становилась для них институтом просвещения.

В отличие от пруссаков Румянцев, всё взвесив, отказался от ружейного огня в кавалерии — весьма неэффективного, замедляющего атаку. Основная задача конных частей — наносить сокрушительные удары холодным оружием. Кунерсдорф доказал правильность этой тактики, а Кольберг — тем паче.

Победителям достались 173 орудия, 20 знамён, три тысячи солдат оказались пленниками Румянцева. Кто знал в те дни, что через год новый император Пётр Третий вернёт Кольберг Пруссии?

Фридрих горевал на развалинах своей империи: военные силы Пруссии исчерпались, не хватало ни лошадей, ни пушек, а Россия всё ещё обладала боеспособной армией... Он снова подумывал о самоубийстве.

24 декабря 1761 года императрица Елизавета Петровна получила от Румянцева донесение о блистательной победе и ключи от Кольберга, которые привёз в Петербург бригадир Владимир Мельгунов, отличившийся при штурме.

«Ваше императорское величество из подносимой при сем капитуляции всемилостивейше усмотреть соизволите, яко я все горделивые неприятельские претензии уничтожил и акордовал только те, кои единственно милосердию и человеколюбия вашего императорского величества утверждают и от онога зависят. Ключи сей крепости, которой граждане вчера и торжественную присягу учинили, а о числе пленных, полученных трофеев, артиллерии и военной амуниции, сколько краткость времени и обстоятельства досмотреть дозволили, табели к подножию трона вашего императорского величества с бригадиром Мельгуновым всеподданнейше подношу. Благополучие мое тем паче сугубо есть, что я по времени считаю сие мое первейшее приношение вашему императорскому величеству сделать к всеторжественнейшему дни всевысочайшего вашего императорского величества рождения, воссылая молитвы к всевышнему о целости всевысочайшего и вседрожайшего вашего императорского величества здравия и о ежевременном приращении славы державе вашего императорского величества, толикими победами увенчанной», — говорилось в этом ярком документе. Увы, императрица так и не успела получить текст донесения.

О том, какой резонанс вызвала кольбергская виктория, можно судить по письму Воронцова Румянцеву: «Чем всегда дружба моя к вашему сиятельству искреннее была, тем натурально больше и участие, которое принимаю я в оказанной вами ее императорскому величеству и отечеству важной услуге. Твердость и мужество, с коими ваше сиятельство преодолели напоследок толико препон, делают вам справедливую честь, и как уже вся публика единогласно превозносит похвалами мудрое ваше в Померании предводительство, то не сомневаюсь равномерно, чтоб ея императорское величество не изволила оказать вам высочайшей своей милости. Сердечно желаю я, дабы вы действительными оные опытами вскоре обрадованы были. В прочем свидетельствуя вашему сиятельству благодарение мое за дружеское чрез капитана Бока письмо, уверяю я, что по заступлению вашему в пользу сего офицера старания мои охотно употребить готов».

Румянцева ждала заслуженная слава.

На следующий день, когда в типографии донесение Румянцева распечатывали для повсеместного распространения, императрица скончалась. Пётр Александрович адресовал ей ещё несколько реляций, но уже впустую.

Дочь Петра, внук Петра

...Едва заняв престол, государь Пётр Фёдорович обратился к Фридриху в самых сусальных тонах. Вот, например, одно из его писем: «Я в восторге от такого хорошего мнения обо мне вашего величества! Вы хорошо знаете, что в течение стольких лет я вам был бескорыстно предан, рискуя всем, за рев-

ностное служение вам в своей стране с невозможно большим усердием и любовью».

Канцлер Бестужев-Рюмин так объяснял странную, возникшую с юности приверженность Петра III к Фридриху и Пруссии: «Великого князя убедили, что Фридрих II его любит и отзывается с большим уважением; поэтому он думает, что как скоро он взойдет на престол, то прусский король будет искать его дружбы и будет во всем помогать ему». Пленник иллюзий, император не осознавал, что в Петербурге он мало на кого может опереться. Правда, в отношении Румянцева проявил мудрость: одновременно наградил его за победы над пруссаками и отрядил в помощь Фридриху.

Огромное влияние на нового императора сразу после смерти Елизаветы приобрёл прусский посол Гольц — дирижёр всех соглашений Петра с Фридрихом.

Чтобы представить себе резкость поворота, совершённого Петром III, вспомним о Восточной Пруссии. Там действовала российская администрация, там формировались воинские части русской армии. Генерал-губернаторствовал не кто иной, как Василий Иванович Суворов — отец будущего генералиссимуса, в те времена — подполковника. В. И. Суворов сменил на этом посту Корфа — и быстро зарекомендовал себя рачительным, оборотистым администратором. В первые годы Семилетней войны проклятием русской армии было снабжение, а Суворов решил продовольственную проблему, наложив повинности на прусских крестьян. Суворов создал постоянные транспортные парки для подвоза провианта. Постепенно приучил пруссаков к русским порядкам. И — всё насмарку.

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странной оборот!
Чтоб кровью купленны трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасной дар,
И данную залогом веру.
В тебе, Россия, нет примеру;
И ныне отвращен удар, —

напишет Ломоносов гневные строки — правда, опубликует их уже после смерти Петра III и вмонтирует в оду новой императрице.

Из-за странных финтов Петра III результаты Семилетней войны оказались нелогичными. Французы были вынуждены уступить англичанам Канаду, Восточную Луизиану, некоторые острова Карибского моря, а также основную часть своих колоний в Индии; Пруссия подтвердила свои права на Силезию и графство Глац — ценой уничтоженной армии, разорённых городов и деревень. Как всё это далеко от России! Пожалуй, Россия после Семилетней войны могла занести в актив уважение Фридриха, убедившегося в силе русского оружия и мобилизационных способностях Северной империи. Вторично воевать с Россией он не хотел — и готов был превратиться в союзника, которому можно доверять, не забывая о правиле: «Табачок врозь!»

В Петербурге уже правила Екатерина, когда Фридрих завершал войну с последним противником, оставшимся в игре, — Австрией. В результате король с триумфом возвратился в Берлин. Однако после праздника он писал маркизу д'Аржансу — французскому писателю, пригретому им при дворе:

«Стариком, у которого каждый день отнимает по году жизни, инвалидом, израненным подагрой, возвращаюсь я в город, в котором мне знакомы только одни стены. Там нет более близких моему сердцу! Не старые друзья встретят меня у порога; а новые язвы моего народа и бесчисленные заботы об их исцелении. С душой утомлённой, сердцем разбитым возвращаюсь я в этот город, где скоро сложу мои кости в приют, покой которого не возмутят ни война, ни бедствия, ни злоба людей!»

Фридрих долго не мог поверить в покорность жителей Восточной Пруссии перед русскими завоевателями, а в конце концов всерьёз разобиделся на эти земли и тамошних жителей. Он мысленно уже распрощался с этой территорией — и готов был торговаться с Россией на условиях передачи Восточной Пруссии под корону Елизаветы Петровны. А после «подарка» Петра III не простил жителей Кёнигсберга и впредь не удостоивал своим высочайшим посещением тамошние края.

Впрочем, при Петре III русские войска ещё оставались в Восточной Пруссии — правда, правил император только 186 дней. И пребывали они там в качестве союзников короля Фридриха, опоры его трона.

Пётр Александрович к новой политике относился настороженно — как и все мыслящие русские люди. Несколько лет сражений, невиданное прежде кровопролитие, громкие победы — и вдруг все завоевания приходится отдавать побеждённому (хотя и не сломленному) Фридриху. Не император, а Божье наказание этот тёзка великого Петра... В Россию прибыли голштинские родственники императора — и немедленно заняли лидирующее положение при дворе и в армии. Это прежде всего принцы Георг

Людвиг Голштейн-Готторпский и Пётр Август Фридрих Голштейн-Бекский. Обоих произвели в фельдмаршалы — конечно, не по заслугам. Сомнений быть не могло: эти господа «затрут» героев Семилетней войны. Государь-голштинец не обладал военным опытом, но и он понимал, что для неигрушечных военных действий необходимы полководцы, закалённые в огне Кунерсдорфа.

Фридрих ответил петербургскому собрату благодарственным письмом — вероятно, вполне искренним: «Я никогда не в состоянии заплатить за всё, чем вам обязан... Я отчаялся бы в своём положении, но в величайшем из государей Европы нахожу ещё верного друга: расчётам политики он предпочёл чувство чести». Понимал ли Фридрих, — наиболее осведомлённый политик того времени, — что Петру непросто будет удержаться на российском престоле? Понимал ли, что Пруссии нужно было спешно пользоваться благоприятными обстоятельствами? Из последующих событий, из переговоров с Чернышёвым после известий об отречении императора можно сделать вывод, что пруссака петербургский переворот не слишком удивил и не смутил.

К наследнику многие относились неприязненно, но попыток переворота в смутные часы безвластия не было. На престол вступил Пётр Фёдорович — впрочем, сам себя он по-прежнему ощущал Карлом Петером Ульрихом Голштейн-Готторпом. С давних пор — владетельный герцог Голштейна, носивший официальный титул «внук Петра Великого». Сын старшей сестры Елизаветы Петровны — цесаревны Анны и герцога Карла Фридриха, он приходился внучатым племянником яростному противнику первого русского императора — Карлу XII. Его даже рассматривали в качестве кандидата на

шведский престол... Но бездетная Елизавета ещё в 1742-м объявила его наследником — и немцу пришлось переехать в холодную, неудобную для него страну. Переход Петра в православие, по-видимому, был формальностью: к «византийским» богослужениям он относился иронически. Елизавета, хорошенько узнав племянника, относилась к нему неприязненно, но ей не хватало решительности, чтобы заменить наследника. Да и бесспорных кандидатов не было.

Пётр Фёдорович быстро перевернул ситуацию с ног на голову: произвёл Румянцева в генерал-аншефы, наградил его орденами Святой Анны, Святого Андрея Первозванного и назначил главнокомандующим русской армией, расположенной в Померании. Император искал популярности — чтобы опираться не только на страх, но и на преданность. Кроме того, Пётр Фёдорович проникся уважением к Румянцеву, главным образом благодаря уважительным отзывам Фридриха о русском генерале. А Пётр Александрович понимал, что завоевательные планы Голштейна, в случае благоприятного исхода наступления на Данию, сулят фельдмаршальский жезл.

Петра III в историографии нередко представляют слабоумным, невежественным тираном — и виной тому некритическое восприятие отзывов двух Екатериин — Великой и Малой. Но ждать объективности в этом вопросе не приходится ни от мудрой Дашковой, ни от премудрой Фелицы.

Среди достоинств Петра Фёдоровича в глаза бросалась нешуточная работоспособность. Он ценил её и в сотрудниках — и разглядел в Румянцеве. К тому же этот генерал побеждал Фридриха, перед которым Пётр преклонялся. У русского императора было своё мнение насчёт этих побед: он приписы-

вал их исключительно численному превосходству русских. И всё-таки уважал генерала-победителя.

Перед генерал-аншефом поставлена новая цель: действовать сообща с прусской армией против Дании. Злейшие враги по мановению руки самодержца превратились в союзников. А недавние союзники — датчане — стали для России объектом нападения... Разумеется, в глазах бывших союзников (и прежде всего — Австрии) русские выглядели предателями. Они даже не верили в возможность столь молниеносной перемены.

Предстоящая война не воспринималась как услуга Фридриху (сам прусский король не был сторонником нового похода!), то была дань голштинскому патриотизму Петра Фёдоровича, причём никаких выгод для России разгром Дании не сулил. Император Всероссийский намеревался восстановить единое Голштинское герцогство. Если уж речь зашла об интересах Голштинии — беречь русские жизни, разумеется, он не намеревался. Император решил послать на датский фронт и гвардию, которая привыкла к Петербургу... Это решение и станет роковым для него.

Фридрих критически оценивал способности главнокомандующих вроде Фермора, Салтыкова и Бутурлина, но хватку русского солдата почувствовал сразу — и пришёл к выводу: «Эти войска, плохо предводительствуемые и медленнодвигающиеся, опасны по своему мужеству и несокрушимой выносливости. Легче перебить русских, чем победить». Румянцев под Кольбергом доказал, что и быстрые переходы для русских — не диковина. А значит, северного соседа следует опасаться и ограничивать его завоевательные аппетиты. Фридрих и фон дер Гольц пытались убедить царя отложить поход на

Данию. Пруссия, истощённая поражениями, не выдержала бы новой кампании.

Румянцев видел и резонные стороны политики голштинца — он не осуждал его политику столь однозначно, как Ломоносов. Сказывалось уважительное отношение к Фридриху: с таким союзником теоретически можно было бы и славу приобрести, и империю укрепить. Впрочем, после Кунерсдорфа, Берлина и Кольберга непросто было найти общие интересы двух держав — России и Пруссии. Современный историк А. С. Мыльников так расценивает резоны Петра III и канцлера Воронцова: «...Во-вторых, переход от конфронтации к сотрудничеству с соседним государством сыграл в последующем позитивную роль. Тем более что участие в антипрусской коалиции как раз менее всего отвечало национальным интересам России, делая её фактически поставщиком пушечного мяса для союзников, в первую очередь — австрийской монархии». Это спорное утверждение. Присоединение Восточной Пруссии с портами и древним Кёнигсбергом было реальностью — и этот факт не вписывается в концепцию «пушечного мяса для Австрии». Русские полководцы и дипломаты из числа сторонников войны с Фридрихом постоянно конфликтовали с австрийцами, отстаивая интересы России. Салтыкова и Бутурлина можно обвинить в медлительности и нерешительности, но не в приверженности австрийским интересам.

Румянцев получил от Петра III немало наград: но их после Кольберга никакой монарх не пожалел бы для полководца. Когда Петра Александровича представляют убеждённым сторонником союза с Пруссией в голштинском духе — это натяжка. У Румянцева в жизни не было других маяков, кро-

ме интересов Российской империи и собственной карьеры.

Преподобный Исихий Иерусалимский глаголил: «Нет яда сильнее яда аспида и василиска, и нет зла страшнее самолюбия. Исчадия же самолюбия — змеи летающие: самохваление в сердце, самоугождение, пресыщение, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол — гордость, которая не только людей, но и ангелов свергла с небес и вместо света покрывает мраком». Всё так, но без этих соблазнов ни один полководец не мог бы выбиться в победители. И о карьере Румянцев думал непрестанно — в особенности в молодые годы.

Осмеянный всеми несостоявшийся датский поход мог открыть для Румянцева новые горизонты полководческой славы: и впрямь никогда ещё русские войска не вторгались так глубоко в Европу.

Румянцев не забыл расторопности подполковника Суворова — и 8 июня 1762 года из Кольберга писал императору:

«Генерал-майора князя Голицына пехотного полку подполковнику Александр Суворову, как он всех состоящих в корпусе моем подполковников старее, да и достоин к повышению в полковники, на что он хотя в пехотном полку счисляется, однако почти во все минувшие кампании по повелению командующих вашего императорского величества армиею генералов употребляем был к легким войском и кавалерии, как и тем Тверским кирасирским полком за болезнью полковника командует и склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил, в подносимом при сем списке ни в которой полк не назначен, и всеподданнейше осмеливаюсь испросить из высочайшей вашего императорского величества милости его, Суворова, на состоящую в

кавалерийских полках ваканцию в полковники все-милостивейше произвести».

Казалось бы, всё шло к тому, чтобы Суворов получил наконец-то звание полковника — давно им заслуженное. Пётр III в те месяцы осыпал армию наградами и повышениями: молодой император искал популярности в военной среде. А Суворова, ярко отличившегося в последние кампании, почему-то отодвинули — несмотря на настойчивые рекомендации Румянцева, пребывавшего в силе. Почему? Разгадка, скорее всего, связана с деятельностью Василия Ивановича Суворова — отца полководца. В Берлине к нему — как к весьма деятельному губернатору Восточной Пруссии — относились неприязненно. Недовольны рачительным, скуповатым Суворовым были и подчинившиеся русским прусские чиновники. Возможно, прусский посланник намекнул императору, что Василия Суворова следует удалить подальше, если не наказать. По крайней мере, его спешно освободили от обязанностей кёнигсбергского губернатора и назначили губернатором в Сибирь — благо старый Суворов уже бывал в Сибири по служебным делам, ещё при Анне Иоанновне. Это Ломоносов в те времена прочил величие Сибири, а для Петра Фёдоровича то была далёкая периферия. И назначение воспринималось как ссылка. Василий Иванович нашёл причину не ехать в дальние края, скорее всего — сослался на нездоровье, остался в столице — и, как известно, энергично участвовал в заговоре против императора. Родство с Василием Ивановичем помешало подполковнику Суворову поймать птицу счастья при Петре III. Запоздалую компенсацию он получил только при Екатерине, а пока что томился в жестоком разочаровании.

Румянцев Суворова высоко оценил после первого же знакомства. Но, как это бывало, порой придерживал ретивого генерала, притормаживал карьерное продвижение Суворова — и без того запоздалое. Таковы законы армии... Но тогда, во дни правления Петра Фёдоровича, Румянцев искренне намеревался помочь подполковнику — и натолкнулся на голштинскую стену.

Военные историки несколько преувеличивают влияние Фридриха на развитие русской армии. Несомненно, что походы Семилетней войны стали для русских офицеров наилучшим университетом — и Румянцев оказался первым учеником. Считается, что у Фридриха прежде всего стоило поучиться умению управлять войсками, держать в руках нити порядка. И Румянцев, несмотря на бесшабашную молодость, не преуменьшал смысл «воинской дисциплины, под именем которой разумеем мы порядок, владычествующий в войске и содержащий в себе всю связь слепого послушания и уважения от низших к вышним, называемую субординациею, а по сходственному действию душою службы, чувствуемой упадок весьма восстановить, и оной, как святости божественных преданий под тягчайшими казнями воспретить касаться».

Во всех кампаниях Семилетней войны части, возглавляемые Румянцевым, отличались примерной дисциплиной. Генерал не жалел времени и сил на учения. Отсюда и успехи на полях сражений... Румянцев предвосхитил многие положения суворовской науки побеждать. Тут дело не в вопросе приоритета: полководцы-современники оба опережали время и стремились к победе. И обращались они к одним и тем же офицерам, к одним и тем же солдатам, зная их характер. Суворов — так сложилась его

судьба — был ближе к «нижним чинам»; Румянцев лучше чувствовал душу старших офицеров и молодых генералов, но и от солдатства не отгораживался.

...С императрицей он простился в Петербурге.

Ветер с Невы, заученные стоны плакальщиц — и траурная церемония. Впрочем, по императрице многие скорбели искренне: для петербуржцев она была «матушкой», да и по Руси шли толки о царице справедливой и богомольной. Перед смертью императрица велела простить виновных в корчемной продаже соли и сильно облегчила соляной налог — таким образом она каялась, добрыми делами стремилась загладить прегрешения. И скончалась в Рождество. В армии Елизавету почитали как дочь Петра Великого, и образ её после смерти стал только ярче. При дворе был объявлен годичный траур. Сохранился портрет великой княгини Екатерины Алексеевны в чёрном траурном платье — как раз того года. Впрочем, новый император, как водится, не удержался и от радостных пирушек по случаю своего воцарения... Он мог гордиться, что преемственность власти в те дни удалось соблюсти без распрей. В день смерти тётки его уже называли императорским величеством — и никаких заговоров, никаких споров. Удивительно тихий пролог бурного и краткого правления — при этом, несомненно, в закулисном полумраке уже планировалось смещение государя. Но это — без участия Румянцева. Всё рядом: триумф и катастрофа.

Придворные, стряхнув зимнюю сонливость, справились с церемониальными хлопотами блестяще: «Печальная комиссия», собранная по указу нового императора, сработала на совесть, отдавая последние долги матушке. Архитекторы Вист и Кокоринов оформили Петропавловский собор по тра-

урным канонам. Зимний опрятный Петербург затих в скорби и недоумении: молодым казалось, что дочь Петра будет править вечно, других монархов они не помнили. Правила императрица ровно 20 лет, что не намного меньше тогдашней средней продолжительности жизни — с учётом многочисленных смертей во младенчестве. В любом случае длительное правление воспринималось как отрадное, как торжество «возлюбленной тишины», которую воспевал Ломоносов. Страну не лихорадило — и даже без смертной казни удалось обойтись. Волны недовольства монархиней, разумеется, время от времени возникали — и в аристократической, и — реже — в гвардейской среде, но — невиданное дело! — ни разу дело не дошло до заговора. Такого спокойного двадцатилетия русская история не помнила. Как будто дух Петра Великого ограждал дочь от катаклизмов. И Семилетняя война происходила где-то далеко на безопасном расстоянии.

И вот из Померании явился в столицу герой Кольберга, о новых наградах которого все уже знали. Он прощался с императрицей в Петропавловском соборе. Усопшую забальзамировали — и несколько недель люди приходили в храм проститься с императрицей. Похоронили её только в конце февраля.

Зимний Петербург встречал Румянцева как победителя, как генерала, пребывающего на взлёте славы. Толки бежали впереди него: Румянцева готовят для похода против Дании.

Удивительно, но в первый раз Румянцев близко увидел смерть на панихиде по императрице, куда он прибыл бывалым, опытным воином, снискавшим славу лучшего русского генерала. По его собственному признанию, на поле боя он не приближался

к смерти вплотную. А тут склонил голову у гроба императрицы, за честь которой шёл в бой. «Когда тело императрицы Елисаветы было выставлено на парадном катафалке и мой долг и правила этикета призвали меня туда вместе с другими, — глаза мои потемнели и наполнились слезами, сердце сжалось от горести, и я уже не помню. как в этом ужасном волнении я успел выбраться за двери», — припоминал Румянцев за несколько недель до смерти, в разговоре с генералом С. С. Апраксиным — сыном непутёвого главнокомандующего. Сорок лет хранил память! Видно, те дни, те впечатления что-то значили для него — и не потому, что полководец вполне заслуженно стал тогда «полным генералом». Климат в империи навсегда поменялся после смерти Елисаветы.

Её считали благодетельной, богомольной. Императрица подчёркивала приверженность православию, от нового императора ждать таких повадок не приходилось. Он и на отпевании Елисаветы вёл себя странно: за много лет так и не привык к православному богослужению, чувствовал себя в храме неуютно.

Дочь Петра положили рядом с великим отцом. В тысячелетней истории России нечасто сохранялась преемственность политики после смерти правителя. И у гроба Елисаветы Петровны никто не сомневался, что курс меняется молниеносно.

В Европе тяжелобольную императрицу хоронили уже не раз — и всякий раз готовились к резким политическим переменам. Когда Елизавета Петровна скончалась — во Франции её оплакивали вполне искренне, а для Фридриха Прусского её смерть стала спасительной, и надеялся он на неё с самого начала войны.

За годы войны Пётр Александрович отвык от придворного театра. Петербургский ветер кружил голову, здесь не пахло póтом и кровью, а пушки били только по торжественным или скорбным поводам.

Многие шедевры петербургской архитектуры, к которым мы привыкли, к тому времени ещё были недостроены или даже не задуманы. Город ещё не оформился, напоминал большую строительную площадку, на которой царили коллеги пригретого Елизаветой Растрелли. Румянцев привык к небольшим уютным городкам и деревушкам, в которых переплетаются традиции поколений, в которых поют колокола на единственной колокольне.

В те дни все заинтересованные лица приметили: Пётр Фёдорович оказывает внимание Румянцеву, приближает его. Приметила это и Екатерина Алексеевна, впервые смерившая Румянцева оценивающим взглядом.

В Петербурге он прожил недолго, да и не хотел задерживаться. Так будет и в будущем: не любил Румянцев петербургской суеты, бывал в столице редко, краткими наездами. А подчас десятилетиями отсутствовал в Северной Пальмире. Он умел держаться вельможно — в лучшем смысле. Великосветская беседа была Румянцеву подвластна, но предпочитал он пребывать поближе к армии, поближе к лесам и оврагам имперских окраин. Вообще-то его не считали замкнутым, но с годами уединение становилось для фельдмаршала всё дороже.

А путь его лежал в обнищавшую Померанию. Готовиться к странному походу во славу голштинского оружия. В Петербурге Румянцев заручился дружбой набиравшего силу Дмитрия Васильевича Волкова — идеолога нового похода. Этот про-

свещённый вельможа был одним из выдвиженцев Ивана Ивановича Шувалова. Его продвижению помогал литературный талант: все отмечали, что Волков быстро и блистательно составляет рескрипты и прочие документы. Это неудивительно: Волков для души и драмы писал, и стихотворства. Он умел предугадывать желания нового императора — и быстро заслужил его доверие. При Петре III тайный секретарь Волков добился почти неограниченного влияния на государственные дела — разумеется, в пределах грёз пылкого императора.

Как всегда, к армейским делам Румянцев относился обстоятельно. Легенды о строгости кунерсдорфского героя к тому времени перекрыли миф о Румянцеве — баловне судьбы, легкомысленном гуляке. Чтобы держать офицерство в тонусе, он постоянно вникал в их службу, подчас придираясь к недостаткам.

К тому времени Пётр Александрович успел стать тёртым калачом, он понимал, что такая авантюра, как поход против Дании, может остаться прожектом. Но добросовестно обдумывал тактику кампании и опасался, что его принудят к энергичным действиям в авральном режиме, без основательной подготовки. Вестей из Петербурга не было долго — и Румянцев написал Волкову тревожное письмо:

«Правда, что мое смущение немало было и на время большое, что я от вас, моего вселюбезного друга, не получал никакого ответа. Я уже отчаял вовсе быть для меня делу каковому-либо; ныне же, получа всеприятнейшее ваше письмо со обнадеживанием вашей дружеской милости продолжения и с подтверждением мне наивесценнейшей милости и благоволения, я столь больше обрадован: вы знаете, что всякий ремесленник работе рад. Дай Боже

только, чтоб все обстоятельства соответствовали моему желанию и усердию, то не сомневаюсь, что я всевысочайшую волю моего великого государя исполню. В полковники и штабс-офицеры я доклад подал. Правда, что умедлил маленько, да и разбор мой велик был, я все притом соблюл, что мне только можно было для пользы службы, я тех, кои не из дворян и не офицерских детей, вовсе не произвел: случай казался мне наиспособнейший очиститься от проказы, чрез подлые поступки вся честь и почтение к чину офицерскому истребились».

Тем временем пруссаки не одобряли резких шагов Петра III и пытались умерить его завоевательный пыл. При том, что король не мог позволить себе некорректного давления на драгоценного союзника.

Знал ли Румянцев о заговоре против императора? В гвардии у него было немало приятелей, и врагам Петра III вроде бы выгодно было заручиться хотя бы косвенной поддержкой популярного генерала. Но, по всей видимости, их напугало то, что Румянцев выглядел любимцем государя. Да и редко полководец бывал в столицах — непродолжительными наскоками. И новоиспечённый генерал-аншеф оказался непричастен к отстранению от власти и убийству императора Петра Фёдоровича.

21 мая Румянцев получает из Петербурга секретную инструкцию считать войну с Данией не только вероятной, но фактически объявленной. А значит, следовало приступить к действиям. Пётр Фёдорович требовал, чтобы Румянцев занял Мекленбург и утвердился там прежде, чем датчане могут это сделать.

Румянцев написал императору о трудностях похода: катастрофически не хватало припасов, а пруссаки не выполняли взятых обязательств... Новые донесения пришли в столицу после отстранения им-

ператора-голландца. Перед Екатериной и Орловыми Румянцев предстал в образе ревнителя датского похода. И они косились на него с недоверием.

После переворота новые власти с подозрением относились ко всем, кто жил в ладу с низвергнутым императором. Даже изворотливый Волков какое-то время потомился в заключении.

Румянцева смутило известие о странной смерти императора: он мог предположить, что Орловы готовы устранять противников, готовы карать жестоко. Означало ли это, что его генеральская карьера закончена? В приступе стоицизма Румянцев решил променять полководческие лавры на усадебное спокойствие. Как тут не вспомнить ломоносовское, уже написанное: «Царей и царств земных отрада — возлюбленная тишина». Эти строки зазвучали в елизаветинские годы — столь счастливые для Румянцева. Он готов был удалиться от дел — в ореоле побед после Кунерсдорфа и Кольберга. В воображении генерал-аншефа уже сложились планы усовершенствования армии. В армии его крепко уважали, сложился и круг офицеров-учеников. И с таким опытом — на покой?

Когда наваливались неприятности — Румянцев обыкновенно сказывался больным. Старинная дипломатическая хитрость, на которую не раз шёл и отец героя. Возможно, и готовность к отставке была дипломатическим манёвром. Впрочем, Румянцев был готов к кардинальным переменам в политической и армейской верхушке: казалось, Орловы и гвардия всюду возьмут своё, а герои Семилетней войны останутся в стороне.

Екатерина не продолжила эксцентрическую политику Петра III, но и не вернула страну ко временам противостояния с Фридрихом. Хотя к тому време-

ни оставались шансы вернуть империи Восточную Пруссию, а Фридрих не успел восстановить силы. Словом, прусский король имел право праздновать победное завершение войны.

Семилетняя война для России оборвалась нелогично — и, возможно, поэтому её до сих пор недооценивают комментаторы истории. Но мы намотаем на ус: до Бонапарта Россия в столь масштабных войнах участия не принимала. А полководец Фридрих вполне сопоставим с Наполеоном.

Этот исторический спектакль стал прообразом будущих мировых войн. Семилетняя война выплеснулась за пределы Европы — повсюду английские колонизаторы теснили французских и испанских. Да и «аборигены» — коренные жители Америки и Индии — приняли участие в боевых действиях. Пожалуй, прав был господин Черчилль, называвший Семилетнюю «первой Мировой». Правда, в середине XVIII века противостояние армий не требовало тотального напряжения экономики.

Что мы помним о Семилетней войне сегодня? Гордимся первыми триумфами русской армии в Западной Европе, да ещё и в столкновении с лучшей в мире прусской военной машиной. Вспоминаем о том, что впервые русские казаки триумфально процокали по берлинской мостовой именно в ту войну. Не забыли и о том, что в той войне ярко проявил себя Румянцев. Сетуем вослед за Ломоносовым на пруссачество Петра III, который пустил по ветру все плоды тех побед. Никаких серьёзных политических уроков из Семилетней войны мы не вынесли, а напрасно.

При Екатерине Румянцев не раз окажется триумфатором. Его громкие победы над османами перекроют трубную славу Семилетней войны. Фельд-

маршальский жезл, почётный титул Задунайского, россыпь орденов, бриллиантов, наградных имений. А всё-таки ничто в полководческой биографии Румянцева не сравнится с победами над Фридрихом и прусской армией, с блистательной Кольбергской операцией. Там Пётр Александрович показал себя военным академиком, превзошёл лучших из лучших. Видимо, такое бывает лишь раз в жизни — несколько кампаний Семилетней войны, о которых при Екатерине вспоминали нечасто. Но граф-то знал цену тем победам. Помнил, как бежали с поля боя прусские гусары, спасая своего короля, обезумевшего от поражений.

Глава третья

ПРАВИТЕЛЬ МАЛОРОССИИ

Переворот

Этот день современники воспринимали как революционный. 28 июня 1762 года. Екатерине Алексеевне и братьям Орловым удалось привлечь к заговору цвет гвардии, а также таких ушлых политиков, как Никита Панин, Кирилл Разумовский и даже И. И. Шувалов. В канун Петрова дня гвардия открыто выступила против императора — и Пётр Фёдорович не внял совету Миниха отправиться в Восточную Пруссию и опереться на проверенную в боях армию.

В Ораниенбауме император подписал отречение от престола, а вскоре при тёмных обстоятельствах скончался. Румянцев тем временем с армией продвигался к Штеттину — за фельдмаршалским жезлом, не иначе.

В Манифесте Екатерины о вступлении на престол (его составил Г. Н. Теплов) указывались причины отстранения Петра III: неуважение к православной церкви, подписание невыгодного мира с Пруссией. Ситуация образовалась противоречивая до крайнего предела: после отречения Петра логич-

ным было бы ожидать воцарения Павла Петровича (ему шёл восьмой год) при регентстве матери. Но Екатерину в день переворота в Казанском соборе провозгласили самодержицей — и всё шло к венчанию на царство, которое и состоится 22 сентября, как положено, в московском Успенском соборе.

Румянцев не спешил присягать Екатерине после первых известий о перевороте. Есть тёмные сведения о том, что он позволил себе даже резкие отзывы о новой императрице. Не присягала, разумеется, и его армия — и такое промедление пугало новых хозяев достроенного Зимнего дворца. Только получив точные сведения о смерти (гибели!) Петра III, Румянцев присягнул новой императрице. Что это — демонстрация независимости? «Как Миних, верен оставался паденью Третьего Петра»... Возможно, Румянцев считал недостойным слишком борзо перебегать из-под знамён императора под флаги заговорщиков? Царь-голландец доверял ему, а честь и самолюбие — не последние понятия для Румянцева. Но есть и другая причина, не забудем: перед нами — политик. Он не знал, насколько прочна власть Екатерины, и помнил о череде дворцовых переворотов в доелизаветинские времена. Присягнул, когда власть Екатерины не вызывала сомнений. Эта заминка стоила Румянцеву доверия императрицы, зато наследник, а в будущем — император Павел Петрович, узнав через несколько лет о почтительности Румянцева по отношению к Петру III, проникнется доверием к полководцу.

Пётр Александрович всё ещё пребывал при армии далеко на Западе, а Никита Панин уже замыслил широкую коалицию — так называемый «Северный аккорд». Пруссии отводилась в ней роль важного союзника России. Панин намеревался сыграть на

британской щедрости и британском же честолюбии. После петровского переворота в финале Семилетней войны Франция и Австрия относились к России без доверия. Панин рассчитывал, что британцы, в пику Парижу и Вене, финансово и политически поддержат союз России, Пруссии, Польши, Швеции. Главной удачей Панина станет разрыв намечавшегося союза Франции и Швеции. Скандинавы должны были стать союзниками России.

Русские генералы быстро привыкли играть судьбами европейских монархий. В первые годы правления Екатерины эта тенденция прервётся, да и вообще в политике премудрой Фелицы почти не уделялось места авантюризму. Османская империя, Крымское ханство, Польша, Швеция — вот зона непосредственных интересов России в то время. И — никакой Пруссии, никакой Дании. Но, сосредоточившись, Россия стала сильнее — и оказывала ещё более сильное влияние на расстановку сил в Европе. Отныне полководец должен был становиться дипломатом, знатоком международной политики. Румянцев — сын выдающегося дипломата — и по этой части выделялся. Ни один из канцлеров Российской империи не был для него бесспорным авторитетом. И к расчётам Никиты Панина Румянцев подчас относился критически. Понимал, что рано или поздно найдутся противоречия в отношениях, например, со Швецией. Наверняка России придётся ещё не раз повоевать с этой скандинавской страной — как во времена Петра Великого. Да и польский вопрос стоял остро: России было что делить с ближайшими соседями. Румянцев лучше других знал, как притесняют в Речи Посполитой православное меньшинство — это происходило даже при лояльном к России правительстве. Знал, что право-

славные подданные польской короны надеются на Россию. Как тут обойтись без войны? К тому же хитроумному Панину явно не удавалось найти общие политические интересы с Британией. Панин не был сторонником имперской экспансии — и умел выжидать, выстраивая оптимальные схемы. Он и внешне производил впечатление медлительного увальня. Хотя панинская мысль петляла энергично. Екатерина не зря называла Панина *энциклопедией*: он походил на французских просветителей, не уступал им ни в эрудиции, ни в смелости преобразовательных проектов. Чего стоят его конституционные мечтания!

Румянцев, как и любой амбициозный молодой генерал, не представлял жизни без сражений, а значит, и без войн. В те годы никто не сомневался, что Российской империи предстоит ещё десятилетиями сражаться, расширяя границы. И стратегических целей было сразу несколько — их предстояло сформулировать идеологам времён Екатерины. Но и при Елизавете, и при Петре Фёдоровиче Румянцев предполагал сражаться в Западной Европе, сокрушая как лучшую в мире армию Фридриха, так и относительно небольшие, но недурно обученные армии германских и скандинавских государств. Можно было ожидать целое десятилетие войн на севере Европы, войн с германским оттенком, в которых немцы должны были быть и нашими союзниками, и противниками. Екатерина нарушила эти планы. Она переместила завоевательную активность империи на юг, хотя и с беспокойной Польшей предстояло иметь дело.

Но вернёмся к первым неделям правления будущей Северной Семирамиды. Сразу после Манифеста о вступлении на престол новой императрицы Румянцев получил от неё распоряжение сдать ко-

манду генерал-аншефу Петру Панину и незамедлительно отправиться в Петербург. Панину для этого пришлось торопливо ехать из Кёнигсберга в Поме- ранию. Румянцева эта поспешность оскорбила.

Он выполнил только первую часть распоряже- ния: в столицу Румянцев не торопился. В своём письме, ссылаясь на нездоровье, он просил у Ека- терины отставку и, не дожидаясь ответа, поселился в Данциге как частное лицо. Не хотел Пётр Алек- сандрович оказаться под надзором, не желал и при- нудительной отставки. Ответ Екатерины удивил его обстоятельностью:

«Господин генерал Румянцев! Я получила пись- мо ваше, в котором пишете и просите об отставке. Я рассудила, что необходимо мне пришло с вами изъясниться и открыть вам мысли мои, которые вижу, что совсем вам неизвестны. Вы судите ме- ня по старинным поведением, когда персоналит- тет всегда превосходил качества и заслуги всякого человека, и думаете, что бывший ваш фавор ныне вам в порок служить будет, неприятели же ваши тем подкреплять себя имеют. Но позвольте сказать: вы мало меня знаете, приезжайте сюда, если здоровье ваше вам то дозволит, вы приняты будете с тою от- менностию, которую ваши отечеству заслуги и чин ваш требуют. Не думайте же, чтоб я против желания вашего хотела сама принудить вас к службе, мысль моя от того отдалена. Не токмо заслуженный гене- рал, но и всякий российский дворянин по своей воле диспонирует о службе и отставке своей, и не то чтоб я убавить оный прерогатив хотела, оный па- че при всяком случае подкреплю, а сие единствен- но пишу, дабы мы друг друга разумели и вы могли бы ясно видеть мое мнение. Если тогда, как вам на

смену другой был прислан, обстоятельства казались и были действительно конфузны, что, может быть, и вам поводом служило к подозрению о моей к вам недоверенности, то оное приписать должно случаю тех времен, кои уже миновались и которых и следу в моих мыслях не осталось».

Долго раздумывал Румянцев над этими словами, так и не проникся полным доверием, но оценил незаурядный ум правительницы. Такова была политика начального периода царствования великой императрицы: она старательно обманывала худшие ожидания вельмож, привыкших к самоуправству. Давала понять, что отныне только личные (мы бы, наверное, сказали: профессиональные) заслуги станут причиной фавора.

К тому же Екатерина, как рачительная хозяйка, умела разбираться в людях даже по слухам. В Румянцеве она (как и её покойный муж) видела многообещающего генерала. Разбрасываться такими героями не следует. А Румянцев вторично попросил об отставке и возвращаться на родину не намеревался.

Тем временем Григорий Орлов — один из вождей недавнего заговора — показал себя дальновидным политиком, первым открыв диалог с Румянцевым. Он (по-видимому, убедившись в отсутствии у Петра Александровича мятежных настроений) стремился сгладить наметившиеся противоречия: «Хотя ваше сиятельство персонально меня знать не изволите, однако же я несколько как по слухам, так и делам о вашем сиятельстве знаю. При сем посылаю письмо от всемилостивейшей моей государыни к вашему сиятельству, в котором, я чаю, довольно изъяснены причины и обстоятельства тогдашних времен и что принудило ея величество ваше сия-

тельство сменить, которое я главной, так [же] как и все, почитаю причиной отсутствия вашего из отечества. Зная б мой характер, не стали дивиться, что я так просто и чистосердечно пишу. Ежели вам оно удивительным покажется, простить меня прошу в оном. Мое свойство не прежде осуждать людей в их поступках, как представляя себя на их место. Я не спорю, что огорчительно вам показалось, но и против того спорить не можно, что по тогдашним обстоятельствам дело было необходимо нужное, чтоб вы сменены были. Кончая сие, препоручаю себя в вашего сиятельства милость и желаю, чтоб я мог вам персонально [дать] объяснения причин тогдашних обстоятельств вашему сиятельству».

Никакого бахвальства нет в этих строках — Орлов старался найти подход к Румянцеву, устанавливая уважительный тон.

В те же дни императрица предпринимает такой манёвр: приближает к себе мать полководца, даму, уважаемую в свете. Знакомство Марии Андреевны с Екатериной было давним, его осложняли и деликатные обстоятельства: во времена Елизаветы мать Румянцева возглавляла придворный штат молодой невесты наследника престола, Софии Фредерики Августы. Екатерина, не помня зла, назначила её гофмейстериней — то есть возвела в придворные генералы. Румянцева к тому времени потеряла здоровье, но не утратила азарта: по-прежнему бойко играла в карты, по-гусарски разбрасывалась деньгами и всё ещё любила танцевать. Просто пушкинская Пиковая дама, не иначе.

Она перетанцевала едва ли не со всеми русскими императорами, от Петра Великого до Александра Благословенного. И придворная слава Марии Андреевны подчас перекрывала громы побед её сына.

Румянцева! Она блистала
Умом, породой, красотой,
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам семерым служила,
Носила знаки их честей, —

напишет Державин на смерть графини. Нечасто он удостоивал пожилых придворных дам таким поэтическим вниманием. Румянцева — явление особое. И она умела влиять на сына, хотя человека своенравнее, чем Пётр Александрович, и вообразить непросто.

Вполне вероятно, что Екатерина намёком, жестом попросила Марию Андреевну отговорить сына от отставки. Румянцева опасалась, что нынешняя императрица припомнит ей прежнюю строгость, — и бросилась убеждать сына подчиниться монархине и вернуться в Россию. Он вроде бы отмахивался от материнских советов, но исподволь, спустя некоторое время, следовал им. Так Екатерина получила славного полководца, а Румянцев смирился с новой участью: служить тем, кто отстранил от власти Петра III, кто пугал его непредсказуемостью.

Но случилось это не в одночасье. Пауза затягивалась. Екатерина ожидала генерал-аншефа, а тот как будто гнушался повелительным приглашением. Гофмейстерина оказалась в двусмысленном положении: почти заложницей. В марте 1763-го она укоряет сына: «Ты пишешь, болезнь тебя удержала, а другие видели письма, что ты свое намерение совсем отменил... Ты сам писал к ней (императрице. — А. З.), что будешь, а так поступаешь? Никто в свете твое упрямство не похвалит... Таперича пуше через свои поступки делаешься подозрителен...»

На одно из писем Румянцев ответил резко — о чём мы можем судить по следующему материнскому посланию: «Петр Александрович, свет мой, здравствуй! Письмо твое я получила и с сокрушительным сердцем вижу, что ты обо мне так рассуждаешь. Какая бы я такая злая мать была, чтоб в твое состояние не входила. Прости, друг мой, не имей обо мне таких мыслей...»

И всё-таки он явился в Петербург — пред очей новой императрицы и её победительных «орлов».

Приехал в Петербург Румянцев, можно сказать, холостяком. Жена за это время потеряла Петра Александровича. Она ещё цеплялась за их супружество, писала разобиженные письма — ведь он даже о своём приезде в Петербург ей не сообщил: «Батюшка мой, Петр Александрович, на прошлой почте через почтарских людей свела о приезде твоём в Петербург... Ты ко мне хотя строчку написал о своем приезде». Нет, не расщедрился граф, он уже ускакал далеко от неё и предпочитал не оглядываться... «Покорная верная жена Катерина Румянцева» его более не интересовала. Разве что подчас он использовал её энергию в хозяйственных делах.

Жили они розно. Она — по преимуществу в Москве, он — в Петербурге и повсюду, если того требовала служба. Не раз в письмах Катерина Михайловна просила его сжалиться и позволить ей приехать в Петербург — повидаться. Ответ один — отказ. Осталась графиня Румянцева «титularной женой» — то есть номинальной, а на самом деле брошенной. Она не обольщалась по поводу супружеской верности: конечно, Пётр Александрович не коротал вечера в одиночестве. Предпочёл супружеству связи кратковременные, яркие, ни к чему не

обязывающие. Краткая встряска чувств — и можно возвращаться к делам. А там, по старинной офицерской присказке, сколько городов — столько и женщин. Есть в этом известная закономерность: выдающиеся полководцы сплошь оказывались людьми несемейными. Даже если учесть тайный брак Потёмкина и Екатерины — вместе они продержались недолго, а далее — расставание и свободное плавание для обоих. Тут же и вечные лихие холостяки Багратион, Милорадович и Скобелев, любвеобильный Ермолов, не знавший законного супружества. Суворов, которого отец чуть не силой принудил к поздней женитьбе, провёл в браке ещё меньше дней, чем Румянцев, после чего со скандалами расторгнул сии узы. Только для Кутузова жена стала истинным сердечным другом — и даже многочисленные амурные увлечения Михаила Илларионовича не разбили их союз. Но это — то самое исключение, которое подтверждает правило. Если Суворов, несчастливый в личной жизни, был аскетом, то все остальные, включая Румянцева, в вольной жизни находили время для разнообразных удовольствий, снимающих переутомление и тоску. Что скрывать — нравы нравами, а природа во все времена «берёт своё». И, представьте, даже в те ханжеские годы никто не смел упрекать наших генералов в аморальности. К концу XIX века пришло время военачальников семейных и чинных, только не хватало им румянцевской мудрости и суворовского гения. А те полководцы — вольные стрелки, вечные кочевники, которым не до усадебного уюта, всё отдавали службе. Ну а мимолётные связи добавляли им куража. Кстати, холостяками останутся и трое сыновей Петра Александровича — хотя все они изберут не походный стиль жизни.

Для официального церковного развода не было причин, да и не любил Румянцев выносить сор из избы. Катерина же Михайловна и вовсе противилась разрыву — готова была даже к унижительным формальным отношениям, лишь бы сохранить хотя бы видимость семьи. «Нахожу последнее уже сказать: коли хочешь жить и любить по-прежнему — так оставь езду свою к водам и приезжай сюда... или я с охотою к тебе поеду и ничего в жизни, ниже живота своего, не пожалею, буде же к водам намерения не переменишь, я... не хочу этого более. Ты будешь ездить со своею полубовницею да веселиться, а я здесь плакать да кручиниться, да в долги входить». Пётр Александрович ответил отказом, без пощады.

Несколько лет Катерина Михайловна не стеснялась ронять себя в жалобных письмах неверному мужу, даже пыталась продемонстрировать ему гордость его победами, а потом отчаялась и перешла на более деловой тон, хотя слёзы время от времени прорывались и в последние годы. Эти письма нашли издателя: ради суетного интереса публики их выпустили в свет в 1881 году. Вдова полководца доживала свои дни в подмосковном имении, названном — конечно, не случайно! — Троицкое-Кайнарджи. Таковы топонимические результаты румянцевского триумфа: одна из близлежащих ферм получила название Кагул. Всё это — по милости императрицы, побывавшей у Румянцева как раз после подписания Кючук-Кайнарджийского мира — тогда ещё просто в Троицком. Там долго шло строительство усадьбы и храма, устройство парка и дорог. Румянцев нехотя оплачивал счета, а собственной персоной в подмосковные края не навещался десятилетиями.

Вместе с женой Пётр Александрович забросил и детей, надолго отвернулся от них. И не побоялся

оказаться недругом для династии Голицыных. У них были причины ненавидеть знаменитого родственника — ведь красавица, гордость знаменитого рода «до того пренебрежена своим супругом и так худо трактована им, что николи ни о чём не говорил, что она после ни о чём не хотела ему советывать».

...Летом 1763-го Румянцев наконец-то приехал на берега Невы. При дворе его приняли не столь триумфально, как при Петре Фёдоровиче, но вполне достойно. Но пришлось вести светскую жизнь, а нелюдимый генерал не любил маскарадов.

Зато он с воодушевлением немедленно включился в работу Военской комиссии, в которой быстро приобрёл решающее влияние. Тогда-то и обновлялись воинские уставы — армейская основа основ. Кольбергская операция потрясла всех, кто хотя бы немного понимал в военном деле. Румянцеву стремились подражать — и полковники, становившиеся отцами для солдат, в тихих российских уездах уже грезили о наступлении колоннами, о подразделениях стрелков.

Охота к составлению теоретических трудов захлестнула в те годы многих военачальников. Румянцев письменно сформулирует свои взгляды несколько позже, но и в 1763-м его переполняли идеи. На заседаниях комиссии истина рождалась и хирела в спорах. Салтыков вёл себя миролюбиво. Не отмалчивались П. И. Панин, П. И. Шувалов, В. И. Суворов.

Воинскую комиссию возглавил фельдмаршал Салтыков. С учётом румянцевского опыта — в особенности это касается Кольбергской операции — подготовили новый пехотный устав, вышедший в свет в 1763 году, а разработанный непосредственно во время боевых действий. Тогда же вышел Устав

воинский о конной экзерциции, а ещё через год — Инструкция полковничья пехотного полку, а также аналогичная инструкция по конным полкам. К этим документам Румянцев имел непосредственное отношение, хотя ему и не удалось чётко узаконить в уставах все свои тактические новинки. Так, новый пехотный устав не подчёркивал решающее значение в бою штыковой атаки. Зато кольбергские «колонны» вошли в канон. Примерно в те же годы Суворов работает над своим так называемым «Суздальским учреждением», которое много лет оставалось неизвестным широкой публике. Румянцев к своему главному теоретическому труду ещё не приступил, но служил примером и для Суворова.

Главное достижение тогдашней российской армии — появление к началу 1760-х годов лёгкой стрелковой пехоты — охотников, егерей. Этим нововведением Россия обязана главным образом инициативам Румянцева. Вторым энтузиастом егерских соединений был генерал Панин — извечный соперник и сослуживец нашего графа. После первых же сражений, в которых участвовали егеря, генералы оценили достоинства этой новинки.

А Румянцев грезил о едином управленческом центре армии — и в мирное время, и тем паче, в военное. И чтобы ворочали делами в этом центре не профаны, пороку не нюхавшие, а опытные (даже если и молодые) генералы. Это — так называемое единое (главное) военных дел правительство. Идея, так и не осуществлённая, хотя отчасти воплощённая и в Генеральном штабе, и в министерствах. В то же время Румянцев понимал, насколько важна полномощная власть главнокомандующего, а в действенность коллегиального (тем более — заочного) командования не верил. В годы сражений

и походов власть военных дел правительства над главнокомандующим нелогична: «Военные дела... по своим следствиям более всех иных требуют осмотра и осторожности, а всякий полководец не иначе учреждать может как релятивно его понятию и дел соображению». Равенства генералов перед уставом не было: многое зависело от личного авторитета полководца.

Екатерининский орёл

*О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали:
Их смелым подвигам, страшась, дивился мир...*
А. С. Пушкин

Летом 1764 года Румянцев отбыл к берегам Балтийского моря. Дивизия, командиром которой он стал, располагалась в районе Ревеля (Таллина) — и Румянцев с молодецким усердием принялся обучать войска. Тут пригодилась и боевой опыт Семилетней войны, и раздумья последних месяцев относительно бездействия. Ему предстояло выдержать ответственный экзамен: сама императрица в сопровождении знатных русских и иностранных вельмож, послов и генералов намеревалась посетить показательные учения румянцевской дивизии. То было одно из первых познавательных и пропагандистских путешествий императрицы. Эстляндия и Лифляндия — места стратегически важные: неподалёку Швеция, с которой Россия уже воевала — и не в послед-

ний раз. Поблизости и воинственная Пруссия, и Польша, входившая в сферу российского влияния. Подобных поездок по разным краям России Екатерина предпримет несколько: эта традиция будет продолжаться на протяжении всего её царствования. Поездки сопровождалась щедрыми пожертвованиями, наградами, но и на недостатки Екатерина не закрывала глаза, высматривала, чтобы позже принять меры.

Императрица стремилась на всю Европу продемонстрировать непарадную выучку и удаль русской армии, мастерство генералов. Неспроста на роль «визитной карточки» нашего воинства был избран Румянцев — здесь подразумевается и признание боевых заслуг, и знак высочайшего доверия, на которое Пётр Александрович, возможно, и не рассчитывал.

Дивизия выстроилась перед гостями: пять пехотных полков, два кавалерийских. Обмундирование и выправка оказались безукоризненными. Но главное — учения. Для спектакля дивизия разделилась на две половины — и началась военная игра, вполне серьёзная и даже опасная для участников. А день-то был знаменательный: 27 июня (по старому стилю), день Полтавской виктории. Никто не забыл эту дату! И образ Петра Великого реял над эстонской землёй, над войсками Румянцева. И войска Румянцева повторяли расположение войск при Полтавской битве. Публика впивалась глазами в захватывающую живую картину, а в ушах гудел гром орудий.

Войска действовали умело и вдохновенно. Ни у кого не возникло сомнений: Румянцев не осрамился, учения произвели должное впечатление. После военной игры полки бравым парадным строем, под развёрнутыми знамёнами прошли перед императрицей и её гостями. А командовал парадом он, генерал-аншеф Румянцев. Многие увидели в этом пол-

тавском празднике знак: если быть войне — этот генерал сыграет в боевых действиях главную роль. С тех пор на второстепенных ролях образцово-показательный генерал Румянцев не пребывал. От первоначальной настороженности к любимому полководцу Петра III не осталось и следа. Он стал наиболее приближённым к императрице генералом, исключая фаворитов. А ведь перед «полтавскими» учениями у Румянцева не было и месяца. Конечно, дело тут и в том, что грамотных и бывалых офицеров в армии насчитывалось куда поболее, чем до Семилетней войны. Румянцев не был одиночкой, но первым среди равных считался по праву.

А генералов, окружавших Екатерину, вполне устраивала ситуация, когда Пётр Александрович служит подальше от столиц, поближе к границам. Там, где армейская выучка особенно потребна. Сам генерал-аншеф не стремился к придворным успехам. Но осень 1764 года ему пришлось провести в Петербурге, и, разумеется, в официальных мероприятиях недостатка не было.

Управленческая система самодержавной России пребывала в двусмысленном положении: правление Екатерины многие всё ещё воспринимали как временное. Считалось, что, достигнув совершеннолетия, Павел Петрович должен стать императором. 20 сентября 1764 года ему исполнилось десять лет. На празднике в Зимнем дворце присутствовал и Румянцев.

Судя по запискам воспитателя будущего императора Семёна Андреевича Порошина, Григорий Орлов, бывая у Павла, рассказывал ему о военных победах Румянцева. Уважительно относился к Румянцеву и сам Порошин — и неудивительно, что наследник, интересовавшийся армейскими делами, захотел познакомиться со славным генералом.

И встреча состоялась. Именитого полководца пригласили на обед к наследнику. Пётр Александрович рассказывал о сражениях и беседовал с царевичем как со взрослым, как с опытным воином — и, конечно, как с сувереном. Павел считался шефом русского флота — и Румянцев ловко подчеркнул искушённость Павла в военно-морских делах. Русский Гамлет держался несколько нервно и, по обыкновению, запальчиво, но Румянцев ему понравился. Когда придёт время Павлу ехать в Берлин за невестой — сопровождать его будет именно Румянцев. Наследник увидит, с каким почтением принимает русского полководца Фридрих Великий.

Чего ждал Румянцев в Петербурге той осенью? Конечно, нового назначения. После кратковременного налёта на Ревельскую дивизию его репутация улучшилась, но с назначением императрица почему-то не спешила. Причина её промедления открылась вскоре: она уже приготовила для Петра Александровича службишку по способностям. 10 ноября вышел именной указ Сенату о возрождении Малороссийской коллегии. Её когда-то учредил Пётр Великий, но проработала коллегия всего лишь пять лет, и в 1727 году её упразднили. Нашлись другие рычаги управления Малороссией. Екатерина решила не просто возвратиться к петровской задумке: она планировала замирение очагов бунта и окончательное превращение Малороссии во внутри-российское географическое понятие. К тому же те края в случае войны с Турцией будут граничить с театром военных действий.

Держать Румянцева в Петербурге смысла не имело, а скромная резиденция в Глухове раскрывала перед ним огромные возможности. Малороссов — и дворян, и крестьян — следовало приучить к службе.

Не гетман, но президент

Есть легенда: после смерти Румянцева в его бумагах нашли несколько секретных документов — в одном из них Екатерина предлагала ему гетманскую булаву. Румянцев предусмотрительно отказался от такой привилегии: он и так станет правителем Украины, но без атрибутов символической самостоятельности.

А Разумовский, помня о своих заслугах во дни борьбы против Петра III, обратился к Екатерине с просьбой ввести наследственное гетманство. Разумеется, такая монаршая милость закрепила бы его власть. Но Екатерина стремилась к обратному: к упразднению гетманства. И Румянцев угадал её намерения. Да он и не грезил о булаве. Другое дело — фельдмаршальский жезл.

Поссорить великороссов и малороссов, русских и украинцев не раз пытались и честолюбцы, и геополитические противники, и обстоятельства. Во времена Ломоносова на политический климат в казачьих краях воздействовали и поляки, и турки, и крымские татары. Проявлялись и межрелигиозные столкновения — хотя с XVII века православная церковь, с помощью государства Российского, уверенно отвоевывала позиции. На православное братство опирался и Румянцев — а как иначе? Сколько бы бурь ни пролетало над славянскими народами — более близких родственников, чем русские, у малороссов нет. И у русских нет никого ближе, чем сыны Украины. И по генетике, и по исторической судьбе, и по церковным традициям, и по культуре. Есть ли нужда напоминать, что у трёх нынешних восточно-европейских народов единый корень — Русь Киевская, Русь Новгородская? Братьев и соседей не

выбирают, и поменять судьбу невозможно: в этом убеждались все противники единого русско-украинского государства. Однако в самоубийственном угаре наследники Древней Руси не раз обнажали оружие — и шёл брат на брата. К румянцевским временам ещё не зарубцевались раны войн XVII века, в которых принимали участие многотысячные армии — и, на радость врагам, малороссы сражались с великороссами. Румянцев не позволял себе думать о возможном расколе империи: только укрепление, только умиротворение и накопление сил.

У политика в арсенале два вечных оружия: кнут и пряник. Тех, кто заигрывался с нагайкой и не заботился о репутации справедливого судьи и заботливого попечителя, — след простыл, если пуля не догнала. Румянцев управлял Малороссией как дивизией, разросшейся во все стороны.

Предшественник Румянцева — гетман Кирилл Григорьевич Разумовский — как-никак был коренным казаком. «Ея императорского величества гетман всея Малыя России, обоих сторон Днепра и войск запорожских, действительный камергер, Академии наук президент, лейб-гвардии Измайловского полку подполковник» — так титуловали любимца императрицы Елизаветы Петровны, который в юности, как поговаривали, из волопасов взлетел во графы. В столицах Гетманщины — Глухове и Батурине — он держался с царским размахом. Наладил придворные ритуалы, завёл театры. В окружении гетмана всё бойчее зазвучала французская речь и замелькала французская мода. Бог весть, откуда находились деньги на это великолепие — по крайней мере местные крестьяне от этого не стали зажиточнее.

На политику Екатерины в отношении Украины усиленно влиял Григорий Николаевич Теплов —

он проехался по Малороссии ещё в начале правления Разумовского. Теплов оставил немало записок, посвящённых обустройству Малороссии, — и они пришлись по нраву новой императрице, ибо не было более яростного борца с самостийщиной, чем Теплов.

Теплов — фигура занятная, полузабытая, он заслуживает отдельного разговора. Фамилия говорит сама за себя: будущий тайный советник родился в семье истопника. Не аристократ, но мужик, один из выдвинутых Феофана Прокоповича. Такие, как Теплов, должны были продолжить петровский прорыв империи — но жизнь немилосердно рассеяла ретивых. Проявить себя на государственном поприще сумели немногие — и Григорий Николаевич в первую очередь. Учёный, агроном, наконец, музыкант-любитель, он умел произвести выгодное впечатление на вершителей судеб. Теплов поладил и с Разумовским, всесильным при Елизавете. Гетман всегда тянулся к просвещению, а в Теплове он разглядел чуть ли не идеал выучившегося русского человека.

Недрузи, как водится, упрекали Теплова в корыстных устремлениях, даже в половой распущенности, а он служил одновременно просвещению российскому, империи и собственной выгоде.

С Петром III Теплов не поладил, даже угодил под надзор. Сблизился с Орловыми, участвовал в перевороте против нелюбимого монарха. После воцарения Екатерины он, несмотря на низкое происхождение, утвердился в узком кругу наиболее влиятельных советников императрицы — наряду с Никитой Паниным. Малороссийское направление политики Теплов курировал до последних дней, хотя Румянцев и не думал ему подчиняться. Теплов влиял на него через императрицу.

Инструкции, которые Екатерина направила генерал-прокурору Александру Алексеевичу Вяземскому и Румянцеву, составлены под влиянием Теплова.

Капитальная записка «О непорядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии» составлена ещё в елизаветинские времена, но Екатерина изучала её усердно.

«Значительное помешательство и непорядок в народе и от того происходит, что козаки, которые особые привилегии имеют от мужиков и особливый труд несут, а именно: отправляют Государеву службу с своих грунтов в походах, а поселение свое имеют по всей Малороссии в посполитых деревнях, как духовных, так и мирских, помещикам принадлежащих, — писал Теплов. — Все Малороссийские города, местечки, села, деревни, слободы и хуторы с пахотными и сенокосными землями, как в лесных, так и в степных полках, не имеют никакого обмежевания; а понеже живут старинными будто займами и фальшивыми по большей части крепостями, а иные ни займом старинным, ни крепостью, но грабежом и наездом сильный на бессильного; к тому же козаки во всех деревнях, селах, местечках и городах перемешаны с мужиками: то из того последовал различный вред, как собственно самому народу, так и в интересе вашего императорского величества превеликий ущерб: 1) Помещики Малороссийские, живущие по большей части ни у каких дел, по своим хуторам или деревням, праздно, в том главное упражнение имеют, что за леса, за тростники, за степи, за мельницы, за подтопы плотин, друг на друга наезды делают вооруженною рукою, и из того рождаются многие смертоубийства. 2) Вступивши в процесс, волочатся лет по десяти и двадцати в разорение до-

му своему, судьям в несказанную корысть, а главному суду по апелляциям в бесконечное обременение ябедническими процессами, и сие есть собственное их разорение. 3) Ущерб вашего императорского величества интереса есть главный тот, что козаки живут в великом беспорядке, яко разбросанные по разным местам от своего сотника, и находящиеся в руках у разных помещиков, яко крестьяне; почему сотник, имея их поселение на великом расстоянии, и в порядке содержать их не может; ибо, хотя всякому помещику в универсалах гетманских, при надаче деревни, писывалось прежде и ныне пишется, что помещикам до козаков и их грунтов в деревне, селе и местечке том, которое помещику принадлежит, дела никакого нет; однако же, как возможно, чтоб козак бедный и беспомощный воспротивился сотнику в сотне, а сильному помещику в том селе, или деревне, где он козачествует? Всякий сотник не успеет только на сотню свою приехать, то козаки первые строители дому бывают, первые сенокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочих разорениях. 4) Первый промысел козачий, которым они себе малые деньги в год промышляют, есть тот, что козаки, по снятии с поля хлеба, перецеживают его на горячее вино, и то продают у себя по домам, чего ради всякий козачий дом не что иное, как шинок. Последовательно то самое причиною и бедности их; ибо козак, запившись, не много уж помышляет о хозяйстве, и сеет, и жнет хлеба не более, как лишь бы стало ему на зиму с детьми; а хотя бы земля плодородная и принесла свыше трудов его что излишнее, но он, привыкши к плодородию земли, не чувствует, и хлеба с поля не больше снимает, как сколько ему про всю его хату надобно до нового, а временем за леностию и того

не умеряет; и гетман временем принужденным себя находит особливые ордеры о снятии хлеба, без успеха в том, посылать; чего ради иногда малый народ, или саранча, то есть мужики, остаются без пропитания и мрут с голоду, или отдаются в работу и подданство тем, которые на таковые случаи, не редко бываемые, с запасом живут; а это наиболее делают старшины и их свойственники. 5) Живущие козаки в деревнях, местечках и селах помещичьих и земли свои имеющие в одной границе, исчезают и перерождаются на мужиков, следующим образом. Помещик столько у себя выщеживает вина, что всегда вышинковать в своих маетностях не может, чего ради большую часть раздает из известной части вышинковать козаку в своей деревне, а ищет к такому делу из таких козаков, которые бы удобнее у него забраться и замотаться могли; напоследок, когда столько козаку задаст, что уже козак не в состоянии все вино прошинкованное выплатить помещику того же села, то помещик, вымучив у него облик, то есть правным обязательством удостоверение, бьет челом на козака о уплате долгу. Козак, будучи не в состоянии уплатить по облику, то есть по обязательству, судим бывает...» И далее в том же духе — практично и сердито.

Екатерина начала воплощать программу Теплова.

Указ об упразднении гетманского достоинства вышел 21 ноября 1764 года. Разумовский — не имевший армейского опыта — в утешение получил чин генерал-фельдмаршала, которого и Румянцев в то время не имел. Но он стал человеком прошлого — и, подобно другим видным елизаветинцам, надолго отбыл в Европу. Хотя умер всё-таки на родине, в Батурине.

В любой империи хватает геополитических противоречий, унифицировать все области обширного государства непросто. Но Екатерина упрямо стремилась к немецкому порядку... Как относиться к малороссам? Народ православный, несомненно, родственный русскому, с общими историческими корнями. Раздробленность и татарский напор некогда прервали общую судьбу русских славянских племён. Екатерина неплохо знала историю Киевской Руси, даже пьесу написала о легендарном Рюрике — первом нашем князе. Весьма примечательная пьеса! Императрица ощущала необходимость в государствообразующей мифологии. Не она первая, не она последняя. Но немногие монархи находили время на создание историософских концепций или — тем паче — мистерий.

«Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями, и нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было; однако ж и называть их чужестранными и обходиться с ними на таковом же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью, глупость. Сии провинции, также Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб и имя гетмана исчезло, не токмо б персона какая была произведена», — писала Екатерина генерал-прокурору Вяземскому. Схожие инструкции (весьма подробные и обстоятельные) получил и Румянцев.

«Наставление, данное графу Петру Румянцеву, при назначении его Малороссийским генерал-гу-

бернатором» предписывало следующее: «Прежде всего должны знать порученную вам губернию по всем положениям ея околичностям и для того иметь верную карту в такой подробности, чтоб полки, города, местечки, села, деревни, хутора, отхожие и монастыри, пустыни, заводы и всякие, какие бы ни были селения, также реки, озера, болота, леса, пашенные земли, степи, проезжие дороги и как прилежащие внутренние рубежи с великороссийскими и новороссийскими губерниями, как государственная граница с Польшею и Турецкою областью в ней обозначены были. Сверх такой генеральной карты всей малороссийской губернии, надобно вам иметь разные специальные... Из таких карт, планов и чертежей составляемая книга может скоро сделана быть...» Предписывалось обратить особое внимание на «великое тамошней земли плодородие, а напротив того о прямом устройении оной общее земледельцев нерадение заслуживает також особого примечания вашего. Трудом своим полагают земледельцы уже избыточным награждением, когда могут только от одного лета до другого прибавиться нужным содержанием своим и временно удовольствовать алчбу свою к пьянству; большая же часть помещиков, по пропорции почти равным последуя праздности нерадения правилам, и не пользуются, как бы надобно было, плодородными землями своими и многими другими благорастворенного климата тамошнего преимуществами... разные продукты употребить в обращение как внутреннего, так и заграничного торгу...». За этими словами чувствуется политическая хватка, очевидны и сложность задачи, и конфликтный характер её выполнения.

Тогда, в 1764 году, Румянцев не понимал твёрдо — милость это или опала? Вроде бы его — само-

го прославленного генерала Семилетней войны — устраняют подальше от столицы. С другой стороны, Малороссия — стратегически важная территория, близка к Турции и Польше — к будущему театру военных действий. Война с османами назревала. Да и жить там Румянцеву нравилось.

Он стал президентом Малороссийской коллегии, располагавшейся в Глухове, и заодно был назначен малороссийским генерал-губернатором. После упразднения гетманства это была главная должность в тех краях. А последним гетманом так и остался вплоть до XX века непосредственный предшественник Румянцева по управлению Малороссией — Разумовский.

В пространных наставительных рассуждениях особо подчёркивалась своекорыстная роль пресловутой малороссийской старшины, которая старалась разжечь ненависть к империи (а то и попросту к великороссам) среди простого люда. «И как та ненависть особливо примечается в старшинах тамошних,— подчёркивала императрица,— кои, опасаясь видеть когда-нибудь пределы беззаконному и корыстолюбивому их своевольству, более вперяют оную в простой народ, страшая его сперва нечувствительностью, а со временем и совершенною утратою прав их и вольности, то нет сомнения, чтоб они при настоящей правления их перемене тем паче не усугубили тайно коварство свое, что пресечение прежних беспорядков и установление лучших учреждений не будет согласовываться с их прихотями и собственной корыстию».

Наставления не пропали даром. Румянцеву придётся долго взвешивать на аптечных весах качества и повадки разных социальных слоёв Малороссии. Он обживал, познавал эти края. Румянцев, впро-

чем, всегда чувствовал себя в Малороссии своим человеком — даже местное певучее наречие любил и знал. Во-первых, он не стал устранять всех сотрудников Разумовского — со многими даже наладил добрые отношения. Во-вторых, показал себя защитником экономических малороссийских привилегий — и быстро снискал уважение общества.

Весной 1765-го Румянцев с основательным багажом прибыл в Малороссию — и тут же принялся объезжать вверенные ему области. Практические соображения и наблюдения он изложил в «Записке о усмотренных в Малой России недостатках, о исправлении которых в Малороссийской коллегии трактовать должно».

Что представляла из себя Малороссия в 1764 году? Она мало чем напоминала привычную современную Украину. Твёрдых границ не было. Казачество — некогда воинственное — переживало не лучшие дни. Деревня не процветала, хотя, пожалуй, и не отставала от губерний срединной России. Любя этот край, Румянцев ненавидел главный местный недостаток — разболтанность.

В первые полтора года малороссийской службы Румянцев действовал активно, оживлял местное чиновничество свежими идеями. После первой поездки по краю предложил коллегии произвести генеральную опись Малороссии. Цель этого предприятия — увеличение податей в казну, разграничение казаков и крестьян, определение имущественного состояния малороссийских подданных империи. Заботилась Екатерина и о закреплении малороссийских крестьян. Екатерина строго наказывала Румянцеву бороться с крестьянскими переходами.

Малороссийские старшины должны были стать полноценными крепостниками. Беглых то наказывали, то призывали вернуться к хозяевам, обещая прощение. Недаром в своей сатирической «Русской истории от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстой писал про Екатерину: «И тотчас прикрепил / Украинцев к земле». Крестьянские волнения не прекращались до кончины Румянцева, продолжились и при новых правителях Малороссии. Серьёзную угрозу эти выступления не таили, но несколько раз для тушения социальных пожаров пришлось применять армию.

А опись шла своим чередом — год за годом. Ревизоры отправились по городам с писарями и солдатами. Переписывали не только людей, но и имущество — вплоть до свиней. Опись содержала сведения и о болезнях, и о распространении ремёсел, о пожарной безопасности, о нищих. Начиналось всё резво, но в результате работа затянулась на несколько лет и прервалась с началом Турецкой войны, в 1768-м. Румянцевские ревизоры успели описать три с половиной тысячи населённых пунктов.

Когда опись только начиналась — полководец уже определил первую проблему местного казачества и крестьянства: пьянство. В нём — корень бедности и отсталости, не говоря уже о разболтанности.

Ежедневно сталкивался правитель Малороссии с казацким вопросом. Загадочное происхождение запорожских казаков порождает немало фантастических легенд. Исследователь М. К. Любавский в конце XIX века утверждал: «Как в Великороссии, так и в Малороссии казак является сначала отхожим промышленником, ищущим заработков на стороне, чаще всего на степном приволье. Это степное приволье притягивает к себе выходцев из разных мест-

ностей Руси, чаще всего из окраинных. Выходцы, в видах самозащиты, группируются в вооружённые товарищества, вокруг отдельных вожаков — атаманов. С течением времени степи начинают колонизоваться этими выходцами, которые устраиваются в них на постоянное житьё, сохраняя свою военную и общинную организацию. В степях появляются казацкие хутора, казацкие слободы, являются домовитые казаки, начинается земледелие. Так было и в бассейне Днепра, так было и в бассейне Дона. Казаки — не остатки каких-то древнеславянских вольных общин на пограничье русской оседлости, а вооружённые артели промышленников, вытянутых из пределов этой оседлости пустотой степей. С пограничья шло в степь больше всего народа, но и внутренние области государства давали в казачестве известный процент. Весьма вероятно, что самоё слово “казак” зародилось в тюрко-татарской сфере и отсюда перешло и в генуэзские колонии, и на Русь, для обозначения добычника, степного промышленника, человека, живущего отхожими промыслами. С течением времени оно стало прилагаться к тому разряду людей, которые в наших летописях и венгерских грамотах называются бродниками... Как казацкое землевладение не было исконным фактом, а развивалось с течением времени, так и казацкая автономия, казацкая политическая свобода не была исконным фактом, а развивалась с течением времени».

До Румянцева русские полководцы относились к казакам опасливо, а то и пренебрежительно. Считалось, что они не способны воевать по правилам — и догматиков это ставило в тупик. Румянцев к правилам относился без лишнего почтения, выработал собственное мнение о роли кавалерии в современ-

ной войне — и практика показала, что именно казаки могут стать решающей силой, например, для разведывательных операций. Считалось, что русская конница уступает и пруссакам, и австрийцам, и французам. Это мнение сохранится в Западной Европе и ко времени Наполеоновских войн. Разумеется, русские полководцы, при всём уважении к гусарам Фридриха, с такой оценкой не согласились бы. Служа под командованием Румянцева, Суворов детально разработает боевую тактику для казачьей конницы. Да и в сражениях, которые дал Пётр Александрович, казаки участвовали непременно — и на прорывных участках. Казачьи разъезды — гроза вражьих арьергардов, лучшие разведчики и неукротимые храбрецы — стали незаменимы в любом походе именно с румянцевских времён.

Превратившись в империю, Россия нуждалась в логичной светской идеологии: Церковь уже не исчерпывала общественную потребность в нематериальной мотивации. Проблемы накапливались десятилетиями, по принципу «при Петре — прореха, при Екатерине — дыра». Неудивительно, что в екатерининские годы зародилось сразу несколько идеологических проектов. И будущая Украина оказалась на перекрёстке всех геополитических схем. Двадцать лет Румянцев был хозяином земли Малороссийской — дольше, чем Владимир Щербицкий возглавлял компартию Украины. После первой екатерининской Русско-турецкой войны он станет фельдмаршалом и богачом. Авторитет Румянцева тогда вознёсся до небес.

«Украинская старшина в большинстве своём удовлетворялась предоставленными ей сословными правами и выгодами и примирилась с утратой автономии», — признаёт теоретик украинского нацио-

нализма Грушевский. Румянцев привил малороссам служебные амбиции имперского масштаба. Мудрец, остроумец, всё знавший о человеческих слабостях, Румянцев играл на шляхетском честолюбии как на балалайке.

В политических делах Пётр Александрович не был столь энергичен, как на поле брани. Частенько относился к обязанностям по-фамусовски, барственно и равнодушно. Его куда сильнее волновали философские вопросы, таящиеся в книгах, чем хозяйственные неурядицы и вечные тяжбы помещиков... Постарев, Румянцев окончательно отгородился от головолomной суеты. Много читал и размышлял, выглядел заправским мудрецом. При этом почти все вокруг уважали его.

Главное — он умел ладить с людьми, в том числе и с жёнами влиятельных господ. Многим нравилась обходительность Румянцева — радушного, учтиво-го хозяина. Частенько Румянцев дипломатически заболел. Но спеси не допускал, со всеми держался с аристократической простотой, которая во все времена редка и ценится на вес золота.

О приступах меланхолии и мизантропии знали только родственники полководца. Он не ужился с жёнами, годами не общался с сыновьями, держался с ними как скупой рыцарь. Столь строгое воспитание оказалось действенным: поколение сыновей фельдмаршала не посрамило род Румянцевых.

Конечно, во всех начинаниях помогала громкая полководческая слава. Он жил-поживал на проценты с Ларги и Кагула. Даже отпетые наглецы не решались беспокоить фельдмаршала житейскими мелочами: понимали, что он причастен к делам истинно славным.

А под боком у малороссийского правителя в суицидальном припадке демократии маялось некогда могущественное Польское государство. С удовлетворением полководец наблюдал за тем, как некогда опасный соперник России превращался в «больного человека» Европы. Польша впала в зависимость от России. Разумеется, гордых поляков это не устраивало — и в стране бурлили революционные настроения. Движение Тадеуша Костюшко было попыткой революции не против монархического строя, но против внутренней слабости королевства и, конечно, против грозного восточного соседа. Удивительно: Пётр Александрович вроде бы олицетворял уничтожение малороссийской самостийности! Но украинские националисты вспоминают его незлым тихим словом... Знать, века не развеяли чары его обаяния. Да и возникло среди малороссов благодарное чувство по отношению к знаменитому герою, который полюбил Украину и не покинул её. Румянцев добился, чтобы к малороссийской шляхте в Петербурге относились как к дворянам. До этого их ведь и в Кадетский корпус не принимали... Эта мера была полезной для всех: способные, талантливые малороссы отныне служили России. А Россия их за это награждала — в имперских масштабах. Как-никак, страна великих возможностей!

А скольким малороссам — честолюбцам и служакам — Румянцев помог в карьере! Самый известный из выдвиненцев Румянцева — будущий граф (и даже князь) Безбородко, крупнейший дипломат и администратор, влиятельнейший «екатерининский орёл», не утративший первостепенных позиций и при Павле.

Малороссом был и любимец фельдмаршала Пётр Васильевич Завадовский — сын казацкого старши-

ны. К Румянцеву он всю жизнь относился с сыновней благодарностью, был его агентом при дворе Екатерины. Карьера Завадовского блистательна: он побывал фаворитом императрицы и долгие годы возглавлял большие просветительские проекты. При Александре I он заслуженно стал первым министром просвещения империи.

Когда в 1782 году на Малороссию были распространены обычные порядки Российской империи в смысле административного управления — никто даже не охнул. Казачьи полки были переформированы в регулярные — и без серьёзных эксцессов. Как будто Румянцев загипнотизировал потенциальных бунтарей. Или доказал большинству, что совместное существование выгоднее? Вот так, по мнению историка Н. И. Ульянова, Малороссия «из рассадника смут превратилась в опору трона».

В Ташани Румянцев выстроил себе внушительный дворец, в котором, однако, жил скромно. Удил рыбку и философствовал. Замаливал грехи и страдал от недомоганий. Так прошли закатные годы полководца, десятилетиями не покидавшего надолго пределов Малороссии.

Когда-нибудь на Украине ещё появится памятник Румянцеву — и никто не свергнет его с пьедестала.

Глава четвёртая
РУССКИЙ ЦЕЗАРЬ

*Во турецкой славной области
Зачинался славный праздничек.
На турецкий славный праздничек
Злые турки соезжались,
Сладкой водки напивались,
Что сами собой похвалялись.
«Всю Россиюшку насквозь пройдем,
Уж мы графа-то Румянцева
Во полон возьмем,
Во полон возьмем,
Во поход пойдем».
Как возговорит Румянцев-граф:
«Вы служивые солдатушки,
Сослужите верой-правдою
Что за веру христианскую
Самому царю особенно».*

Из солдатской песни

Первую екатерининскую Русско-турецкую войну от века называют румянцевской.

Давнее противостояние продолжалось: империи стали ближе друг к другу, и Россия постепенно перехватывала инициативу. Нетрудно было предсказать, что новая большая война с турками станет для России удачнее предыдущих. Хотя у османов появились новые козыри: осязаемая международная поддержка и неуверенность императрицы Екатерины в военных делах. Ведь первые годы её царствования прошли под знаком миролюбивого Просвещения. Ей не хватало опыта управления полководцами, действующей армией, а передавать всю власть в руки доверенного вельможи Екатерина не собиралась. Опыт накопился как раз во дни первой Русско-турецкой — и оказался блистательным.

Вторая армия

В середине 1760-х войну с Турцией в России считали неизбежной. Слишком много противоречий накопилось во взаимоотношениях двух стран. Россия видела себя единственной крупной причерноморской державой, стремилась ликвидировать крымскую проблему, превратив давнего врага в зависимого союзника, а то и поглотить солнечный полуостров, который в те времена ещё не считался райским местом. Турки грезили об Астрахани и Приазовье и даже Малороссию считали сферой своих интересов.

Российская империя медленно, но верно стремилась к «естественным границам», которые — заметим! — стали для наших предков естественными только потому, что им удалось разглядеть личные интересы в государственных. А иначе охотники скорее бы превратились в дичь. Объединив Владимирскую Русь с Новгородской, Москва принялась устранять соперников в долгой войне за наследство Золотой Орды. Решающие удары пришлось на годы правления первого русского царя — Ивана Грозного. Были уничтожены Казанское, Астраханское и Сибирское ханства... Борьба с Крымским ханством оказалась куда более длительной. Даже Петру Великому не удалось ликвидировать этого опасного противника. Дело в том, что за крымчаками стояла сверхдержава того времени — Османская империя. Ни у казанцев, ни у сибирских татар такой поддержки не оказалось. Крымское ханство не было самостоятельной политической силой, подчинялось султану, хотя подчас робко заигрывало и с Россией.

От набегов крымских татар веками страдала даже срединная Русь, не говоря уже о южныхokra-

инах государства. Но к 1760-м годам плод созрел. Есть у нас лукавая традиция: мы так стыдимся «имперских амбиций», что придумываем нелепые отговорки и не признаём, что Россия вела завоевательные войны. Вела, и ещё как! Без озверения, без расправ над обывателями и пленными, но — вела неуклонно. И для сопредельных армий стала грозой именно при Румянцеве.

Наступление — лучший способ защиты от иноземных захватчиков, лучший метод обороны. Это утвердили наши предки после противостояния с кочевыми ордами, после многолетней зависимости от ханов...

Стремление к экспансии — вполне естественное проявление державной зрелости. Проявление силы. Не проявишь силу — проявишь слабость, таков закон истории. Это иллюзия, что можно закрыться от соседей железным занавесом, не вмешиваться в их дела, вести миролюбивую внешнюю политику — и всё будет благостно. От постоянной конкуренции не скроешься. Не отгородишься солженицынской концепцией «сбережения народа». Сбережение обернётся гниением, а в итоге и коня потеряешь, и счастья не сыщешь. Имперские амбиции России — во все не чья-то блажь, это целенаправленное развитие, стремление к естественным границам, к неуязвимости нашего «детинца» — срединной Руси. Которая столько страдала в доимперские времена...

Историческая заслуга Румянцева, а также лучших полководцев и администраторов его поколения — в том, что они сломили силу Оттоманской Порты и утвердили власть Российской империи на Дунае и Чёрном море.

Прочных победных традиций у русской армии ещё не было. Турция тогда ещё не стала «больным

человеком Европы» — эта формулировка из середины XIX века. Турецкая армия считалась вполне боееспособной — главным образом, конечно, благодаря необозримым людским ресурсам. Мы увидим, что во всех операциях двух екатерининских Русско-турецких войн турки обладали значительным численным превосходством. Да и вообще Османская Порта была более населённым государством, чем Российская империя. К тому же османы начинали войну, заручившись поддержкой двух крупнейших европейских государств — Англии и Франции.

Румянцев видел, что гарнизоны приграничных турецких крепостей укрепляются, и не сомневался, что противостояния не избежать. В Османской империи, как и в Российской, не всё спокойно: начались, не без российского влияния, восстания христианских народов. Их жестоко подавляли.

Важнейшим обстоятельством в пользу турок была и беспокойная ситуация в Польше. В Речи Посполитой шла война против Барской конфедерации — по существу война против притеснения некатолических подданных польского короля. Конфедерация объединила крупных шляхтичей, боровшихся против российского влияния, — Пулавских, Красинских, Потоцких. Франция поддерживала их финансами и военными советниками. Россия, относившаяся к Польше по-хозяйски, активно выступила против конфедератов в поддержку польского короля Станислава Августа. Осенью 1768 года отряд, состоявший из восставших против конфедерации православных жителей Правобережной Украины и запорожских казаков, в погоне за конфедератами вторгся на территорию Османской империи. А именно — в город Балту.

Султан Мустафа III счёл этот инцидент веской причиной для начала открытого противостояния. Турецкие власти, заключив союз с польскими конфедератами и заручившись поддержкой Австрии и Франции, объявили войну России 25 сентября 1768 года.

Заметную роль в политическом прологе к военным действиям сыграл дипломат Обресков — личность, заслуживающая внимания.

Питомец Шляхетского корпуса, Алексей Михайлович Обресков, попал в Константинополь совсем молодым человеком: ему шёл двадцать второй год. Было это аж в 1740 году! А начал он дипломатическую службу под руководством Александра Румянцева, став его доверенным сотрудником.

За десятилетия, проведённые в Османской империи, Обресков выучил турецкий язык и неплохо изучил местные нравы. После смерти А. И. Неплюева в феврале 1751 года Алексей Михайлович был назначен поверенным в делах в Константинополе и произведён в чин надворного советника, а в ноябре 1752 года назначен резидентом. Перед ним ставилась задача добиваться заключения договора с Турцией о свободе торгового мореплавания России по Чёрному морю. Умнейший дипломат, ловкий, изобретательный разведчик, Обресков своими талантами способствовал многим победам русской дипломатии. Он хорошо изучил особенности султанского двора и умел найти подход к нужным людям. «А ревность искусства и усердия Обрескова довольно похвалить не можно. Да благословит Господь и впредь дела наши тако» — таков был вердикт императрицы, начертанный на реляции усердного посла. Его способности высоко ценил и глава Коллегии иностранных дел Никита Иванович Панин.

Главным противником Обрескова в предвоенные месяцы был французский посланник — опытный царедворец маркиз Вержен. Оба дипломата во взаимоотношениях с турецкими политиками умело использовали старинный приём подкупа — незамысловатого и действенного. Осенью 1768 года турецкий султан потребовал от русского посла немедленного вывода русских войск из Подолии. Опытный дипломат пытался сгладить противоречия, не жалел для этого золота — но тут пришлось отвечать прямым отказом. Нет у него таких полномочий — выводить войска. После той аудиенции Обрескова и его товарищей — всего 11 сотрудников русского посольства — арестовали и поместили в Едикуле — знаменитый Семибашенный замок.

Когда-то, во времена Византии, здесь чеканили монеты. Турки устроили в башне тюрьму, в которую не раз попадали русские дипломаты. Там, в подвале, Обресков и члены русского посольства провели несколько мучительных недель. В марте 1769-го всех их вывезли в ставку великого визиря, после чего Обрескову пришлось принять участие в походе. Русских дипломатов унижали и запугивали, а перед палаткой Обрескова «водрузили в землю копия с торчащими на них почернелыми уже и смрадными головами». После этих мук — снова заключение. Только 17 мая 1771 года с помощью прусских и австрийских дипломатов Обрескова освободили, и вскоре он вернулся в Петербург. Екатерина II пожаловала Алексею Михайловичу орден Святого Александра Невского и 200 тысяч рублей. Вскоре он возвращается к службе, участвует в бесконечных переговорах с османами.

...К началу боевых действий 1769 года Россия сосредоточила на главном Днестровско-Бугском

театре военных действий две армии: Первую в районе Киева и Вторую на Днестре, ниже Кременчуга. В Петербурге для руководства ведением войны учреждён был Военный совет при высочайшем дворе. Своим прообразом он имел Конференцию времён Семилетней войны, хотя теперь командующие армиями пользовались большей самостоятельностью.

Командовал Первой и главной армией генерал-аншеф Александр Михайлович Голицын — давний соратник и родственник Румянцева, родной брат оставленной супруги. В молодые годы он служил у Румянцева-старшего, находился в его свите во время Константинопольской миссии. К 1744 году, в мирное время, он достиг чина генерал-поручика. В Семилетнюю войну ярко проявил себя при Кунерсдорфе: командовал тогда левым флангом, выдержал мощный удар прусских войск. Раненый, отступил с высоты Мюльберг, измотав противника. После того сражения — раньше Румянцева — Голицын получил чин генерал-аншефа, хотя так и остался в большей степени дипломатом, нежели воином. Никаких противоречий с Екатериной и Орловыми у него не возникало: после восшествия на трон Екатерины Голицын получил орден Святого Андрея Первозванного, был приближен к престолу... Румянцева невысоко оценивал полководческие дарования родственника — и, вероятно, кручинился, что главная роль в кампании 1769 года отведена именно Голицыну. Даже Украинскую дивизию, которую Румянцева вышколил в предвоенные годы, вверили Голицыну. Ему предстояло командовать наступлением на Днестре.

Чего ждали от Второй армии Румянцева, по меньшей мере вдвое уступавшей главным силам по численности? Уже в январе 1769 года она приняла

удар крымской конницы. Румянцеву удалось отразить наступление крымчаков и наладить подвижную систему защиты от новых набегов.

Война начиналась вяло, в старом стиле — ни шатко ни валко, с радостными реляциями о занятых без боя территориях, которые вскоре будут оставлены — уже без победных реляций. Голицын берёт солдатские жизни — а заодно и собственные нервы, от генеральных сражений и напористого наступления уклонялся. Не рисковал.

Все усилия Первой армии были направлены на взятие Хотина. Румянцев (и не он один) считал эту тактику ошибочной, предлагал иной план — наступление на Очаков и Перекоп. Если бы удалось овладеть этими крепостями — русская армия расколола бы силы союзников — Турции и Крымского ханства. Расположив на этой линии Вторую армию, можно было бы с основными силами атаковать турок, которые остались бы без помощи союзников, без крымской конницы. Но Голицын наступал на Хотин, а Румянцев с его Второй армией прикрывал действия главных сил. «Жалеть только остается, что время и труды всей нынешней кампании тратятся тщетно по устремлению на один объект, то есть Хотин, всех сил, которые другим образом употребивши, можно было произвести лучшие успехи», — писал Пётр Александрович.

Несколько раз Голицын приближался к легендарной крепости — и в нерешительности отступал. При этом удавалось разбивать достаточно многочисленные турецко-крымские отряды, выманивая противника на удобную для русских позицию.

29 августа, когда 80 тысяч турок во главе с великим визирем Молдаванчи преодолели реку Днестр и атаковали всю русскую армию, Голицын возгла-

вил войска и прижал турок к водной преграде. Турки понесли ощутимые потери — до семи тысяч человек убитыми и ранеными, потеряли 70 орудий и весь свой богатый обоз. Теперь уже русский генерал не проявлял медлительности — но к этому времени императрица задумала рокировку полководцев. Голицына должен был заменить Румянцев, Румянцева — Пётр Панин. А Александра Михайловича императрица видела генерал-губернатором Петербурга.

9 сентября Голицын без сопротивления занял опустевшую крепость Хотин, а вскоре — и Яссы. Турецкий гарнизон бежал заранее. Русской армии достались 160 орудий османов. Победа не менее очевидная, чем та, что состоялась в этих же краях под командованием Миниха. Но бывалые вояки шутили по адресу Голицына. Рассказывали, что фельдмаршал Салтыков, принимая нового фельдмаршала в Москве, пригласил его посетить Успенский собор. Вошли они в древний кремлёвский храм в неуточный час и оказались его единственными посетителями. Пётр Семёнович лукаво, по-стариковски улыбнулся и шепнул Голицыну: «Пусто здесь. Как в Хотине...» И Румянцев не преминул покритиковать хотинское дело Голицына: «Никто не покорял города, не разделавшись прежде с силами, его защищающими».

Но на златоустов взятие крепости произвело не-слабое впечатление.

Какой разит, Хотин, ты страх?
Пред россом руки опускаешь;
Бездушно тело кроет прах,
Дух прежде бою испускаешь.
Рушитель наш покойных дней! —

так приветствовал А. М. Голицына поэт Фёдор Козельский. В ореоле славы князь с чувством облегчения передал армию Румянцеву. А в Петербурге получил за успешную кампанию фельдмаршальский жезл. Своей знаменитой фамилии он не посрамил, а излишняя ответственность тяготила его... После подписания победного Кючук-Кайнарджийского мира Екатерина вспомнит о Голицыне, его наградят шпагой с алмазами и надписью — «За очищение Молдавии до самых Ясс». Во время войны и после неё Голицын не без блеска исполнял обязанности генерал-губернатора Санкт-Петербурга.

В августе императрица написала письмо Румянцеву. Собственноручно!

«Граф Петр Александрович! Обстоятельства, в коих я поручаю вам команду над первой армиею, требуют с моей стороны некоторых объяснений. Армия, перешед реку Днестр 2 ч. августа, по недостатку в фураже, несомненно подала повод неприятелю, хотя без причины, возгордиться. Но я надеюсь от вашего искусства и военной поворотливости, что вы недолго позволите неприятелю пользоваться таким пустым тщеславием тогда, когда вы имеете под вашею командою армию, коя уже действительно в пять месяцев шесть раз обратила в бег беспорядочную толпу бесчисленного неприятеля, но наипаче стараться будете всячески возвратит не токмо оставленные аванжаи, но еще и не упустите нам приобрести новые, чрез что исполните желание мое и себе приобретете новую славу и приумножите чрез то мою к вам без того уже известную благосклонность».

Румянцев весь год страдал от бездействия, пытался выторговать у Петербурга право на полководческую инициативу. Отчасти это ему удалось. 18 сен-

тября 1769 года он вступил в должность командующего Первой армией. Но кампания заканчивалась, армии располагались на зимних квартирах. Генерал разработал план кампании следующего года. Он предполагал вести боевые действия на территории Молдавии и Валахии, намеревался поднять знамя освободительной войны, взывая к патриотизму порабощённых христианских народов. Его планы выглядели смелее осторожных намерений Голицына. Прибыв в армию в середине сентября, Румянцев нашёл неудовлетворительным состояние полков, отметил нехватку лошадей...

В осеннее-зимнюю кампанию Первая армия вторглась в Валахию. Румянцев решился на редкую по тем временам активность в зимние месяцы. Рейды генералов Штофельна, Потёмкина и Подгоричани заслуживают отдельного исследования. В январе—феврале в наступательных операциях приняло участие от 14 до 20 тысяч солдат — немалая часть армии Румянцева.

Румянцев понимал, что безопасность главных сил можно обеспечить, только предупредив набеги крымчаков и турок. И в январе приказал генерал-поручику Штофельну занять Галац и Бухарест. Турки в ответ перешли Прут, двинулись навстречу русским войскам. 4 января войска Потёмкина и Подгоричани разбивают турок у Фокшан — и рейд продолжился. Взять приступом и с малыми силами Браиловскую крепость не удалось, но Штофельн выжег окрестности укрепления. 4 февраля войска Штофельна взяли Журжу. Действовал генерал жёстко, наказывал не только турок, но и непокорных бессарабских господарей, однако молдаване встречали русские войска доброжелательно. Христофор Фёдорович Штофельн вскоре умер от моровой язвы,

подхваченной в одном из занятых городов. Служил Штофельн усердно — даже во дни болезни вникал в ход событий, отдавал приказы из Ясс.

Его упрекали за жестокость по отношению к покорённым обывателям, но Румянцев выгораживал Штофельна перед императрицей. И после смерти генерала назвал его в письме императрице «благоразумным полководцем из рабов ея императорского величества, который из усердия наивеличайшего к службе, пожертвовал собой, держась тех мест, от коих он ему многократно для собственной его безопасности приказывал удаляться».

Зимний рейд 1770 года прославит Григория Потёмкина, который добровольно присоединился к отряду Штофельна. В те дни Румянцев доверял ему, выделял рослого и распорядительного храбреца. С Потёмкиным обращался менее строго, чем с другими генералами. Поговаривали, что не только из-за боевых заслуг будущего светлейшего князя, но и потому, что знал о придворных связях Григория Александровича и безошибочно разглядел в нём многообещающего вельможу.

В феврале 1770-го граф отправил в Петербург захваченные трофеи, предварительно определив, что они не несут чумной заразы. А весной, в теплынь, армия Румянцева переправилась через Днестр. В начале мая войска собрались у Каменец-Подольска, а оттуда начали поход. Им противостояли многочисленные турецкие и крымские войска, сосредоточенные на нижнем течении Дуная.

Начиналась одна из самых славных кампаний в истории нашей армии. Летом 1770 года Петербург получит воистину фантастические новости с фронта, а Румянцева станут восторженно сравнивать с Юлием Цезарем.

За Могилою Рябою...

А начинался этот славный год с крупнейшей военно-теоретической победы Румянцева: он создаёт «Обряд службы», ключевой труд в истории русской военной мысли. Пётр Александрович возжелал дополнить существующие уставы и инструкции — и создать краткий, но действенный кодекс, учебник для офицера, лучшее руководство по боевой подготовке. С введением румянцевского «Обряда» преодолевался разноречивый в обучении и воспитании войск. Через 18 лет, в ходе потёмкинской военной реформы «Обряд» станет обязательным уставом русской армии. В подзаголовке сказано: обряд «дан в главной квартире в городе Летичеве» в марте 1770-го.

Конечно, этот труд складывался не в одночасье: Румянцев полагал приобретение Дуная и Крыма жизненно необходимым для России: в противном случае соседство с османами сулило постоянную опасность набегов. Для такой войны требовалась армия дисциплинированная, хорошо обученная. «Обряд» — это рациональное, продуманное руководство по взаимодействию родов войск и вспомогательных сил. Здесь даны точные и ясные сведения о самых важных вещах — о маршах, о карауле, о пикетах, о лазарете и устройстве обоза, о фуражировании. Офицер, вникнувший в румянцевский «Обряд», получал недурное военное образование.

Румянцев постигал суть войны не только как генерал, но и как политик, предвосхищая мыслителей XIX века: «...искусство военное... состоит в одном том, чтоб держать всегда в виду главную причину войны, знать, что было полезно и вредно в подобных случаях в прошедших временах, совокупно положение места и сопряженные с тем выгоды и труд-

ности, размеряя противных предприятия по себе, какое бы могли мы сделать употребление, будучи на их месте».

Весной, накануне наступления, Румянцев рассылал «Обряд службы» по частям с такой инструкцией: «Полковым командирам рекомендую накрепко своим штаб- и обер-офицерам подтвердить, дабы мною изданный “Обряд службы” не довольно прочесть, но и всегда в крепкой памяти иметь. Для лучшего же знания иметь всегда в кармане при себе». Румянцев отучал офицеров от благодушного барства, от привычки окружать себя усадебным комфортом, несовместимым с походными условиями. В те времена в армии ходил анекдот, отражающий вполне реальный эпизод. Как-то на рассвете Румянцев вышел из палатки и заметил офицера, который пробирался между шатрами... в халате. Фельдмаршал подозвал его. Офицер смутился, ожидая строгой взбучки. Но Румянцев затеял с ним добродушный разговор, этакую светскую беседу. Когда офицер попытался вернуться в палатку, чтобы привести себя в порядок, граф схватил его за локоть: «Куда же вы спешите, друг мой? Ещё рано. Продолжим беседу у меня». В своей палатке Румянцев предложил молодому человеку присесть и битый час не прекращал приветливые речи. «Ваше общество доставляет мне удовольствие. Поговорим, друг мой». В палатку с докладами заходили другие офицеры — все одетые, как положено. А утренний гость восседал в халате, места себе не находил. Нескоро закончилась эта изошрённая пытка. Но после этого халаты в армии исчезли из употребления. Война — так по-военному!

К кампании 1770-го русская армия пришла тактически образованной.

Ну а далее — наступление по долине Прута. Топонимика этого края в истории русской армии представлена щедро. Вот и курган Рябая Могила памятен по истории походов Петра Великого. Тогдашние россияне помнили строки Феофана Прокоповича:

За Могилою Рябою
над рекою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день недельный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришел турчин многолюдный.
Пошли навстречь козацкие,
пошли полки волоские,
пошли загоны донские.
Легкий воин, делав много,
да что был числа малого,
не отнял места лихого.

Это про 1711 год, про петровские времена. А войска Румянцева подошли к кургану в начале июля 1770-го. Тем летом Румянцев намеревался изменить ход кампании, проверить теоретические наработки, взбодрить русскую армию и сломить дух османов. К тому же следовало предотвратить соединение турецких и крымских сил. В последний раз русский полководец был столь решительно настроен под Кольбергом.

Корпус генерала Репнина — авангард румянцевской армии — уже несколько недель держал позиции возле Рябой Могилы. В войсках лютовала чума. Началась эпидемия, которая станет проклятием нашей армии в той войне и, как мы знаем, повлияет на судьбу одного из боевых товарищей и учителей Румянцева — фельдмаршала Салтыкова, московского генерал-губернатора.

Корпус хана Каплан-Гирея, состоявший преимущественно из крымской кавалерии, терзал войска Репнина. Под рукой у крымского владыки было 70 тысяч воинов. Как раз в 1770-м Каплан-Гирей стал крымским ханом — через несколько месяцев он оставит престол, а ещё через полгода скончается от той же чумы. Уже состоялась краткая стычка крымского отряда со вторым русским авангардом, которым командовал генерал Баур. Татары с потерями отступили к основным силам хана, к Рябой Могиле.

Румянцев прорвался к Репнину 16 июня — и решил атаковать крымскую лаву несколькими отрядами, которые бы действовали во многом самостоятельно, но поражали бы врага с разных сторон одновременно. С утра 17 июня кольцо вокруг лагеря Каплан-Гирея начало сжиматься. Хан понял, что окружение означает для него гибель. Ответить контратакой он побоялся — и предпочёл отступить, огрызаясь кавалерийскими вылазками против атакующих войск Румянцева. Генерал-аншеф ошарашил неприятеля новинками: он отказался от рогаток — громоздких заграждений, которыми традиционно прикрывали пехоту от вражеской конницы. Вместо рогаток заговорила артиллерия, отпугивая и поражая лошадей и всадников. В результате побитый хан отступил к реке Ларге, потеряв около 400 бойцов. Потери русских — 46 человек. Корпус Репнина был спасён — он браво проявил себя в атаке, наступление дивизионными каре доказало состоятельность.

«Сражение представляло образец редко применявшегося вообще и ранее совершенно необычного для русской армии действия группами, имевшими

самостоятельные цели, подчинённые общему плану. Армия показала хорошую способность к маневрированию, а её главнокомандующий сумел к наиболее острому моменту сконцентрировать почти все свои силы на осуществление операции», — признаёт профессор Коробков. Ценители военного искусства никогда не забудут румянцевской кампании 1770-го — и Рябая Могила стала скромным по масштабу, но блистательным по исполнению началом.

Румянцев доказал правоту своего положения: «Я того мнения был и буду, что нападающий до самого конца дела всё думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе всегда страх, соразмерно деланному на него стремлению». Летом 1770-го он показал всему миру, что такое наступательная тактика, в которой главное — разгром армии противника.

В журнале военных действий так сказано о кульминации сражения: «Как только генерал-квартирмейстер Боур вышел на первую ему предлежавшую высоту и приказал устроить впереди из пушек и единорогов батарею для прикрытия войск, туда всходивших, то неприятель и сие, и от всех сторон увидев на себя движения, весь бросился в лагерь и сорвал поспешно оной. Приметив купно с таковым действием и его наглой бег, его сиятельство главнокомандующий тотчас всю тяжелую кавалерию под предводительством генерал-порутчика и кавалера князя Репнина послал от армии на бегущего неприятеля. Между сим немедленно с двумя гранодерскими ротами подполковника графа Воронцова генерал-квартирмейстер Боур взошел на гору к ретранжаменту, так как и князь Репнин всходил же на противную высоту; но неприятель, поспеш-

но удаляясь и прикрывая свою ретираду отборными людьми, которые временем принуждали к отступлению и наши легкие войска, в то время на них посланные, вскоре вышел из расстояния, чтоб пехоте нашей можно его было достигнуть; познав то, генерал-поручик князь Репнин приказал генерал-майорам графу и кавалеру Подгоричани и Текели атаковать и преследовать неприятеля, кои с полками гусарскими: Сербским, Ахтырским и Харьковским не замедлившись то исполнили, а первым храбрым ударом наши гусаре и опрокинули неприятеля, и пошли за ним вдогонку. Оставляя свой лагерь, приметил неприятель на себя движение из-за Прута генерал-майора Потемкина, который, повидевши его бегство, спешил только с одними егерями, да легким войском на погонь. Посему неприятельской конницы до двух тысяч человек бросились с превеличайшим жаром на сей деташамент; удачи однакож им не было, ибо подполковник и ордена святого Георгия кавалер Фабрициан, установя при егерях батарею, производимую из пушек пальбою не только отбил неприятеля, но и подкрепил гусар корпуса князя Репнина, которые тем паче напустили на неприятеля».

Дальше — преследование удиравших турок. Румянцев сетовал, что турецкие лошади быстрходнее наших. То ли к местному ландшафту лучше привыкли, то ли от природы такие скорые. Двадцать вёрст продолжалось бесплодное преследование. А турки отступили на тридцать вёрст — и там расположились на скорую руку.

Храбрый, но ещё не всероссийски известный генерал Григорий Потёмкин в том бою отличился: его войска захватили турецкое знамя. Он, как и Завадовский, сопутствовал Румянцеву.

«Достигши равного положения с урочищем на той стороне Прута, называемым Цецора, переправил я все тяжелые армейские обозы, кинув понтонные мосты, за Прут 9-го июня, и находя уже себя в состоянии взять меры на поражение неприятеля, противостоящего на Пруте корпусу генерала-поручика князя Репнина, отрядил из сего места свой авангард, который составляли пять гренадерских баталионов, и именно: подполковников графа Воронцова, князя Меншикова, Нейбоша, Аршеневского, Пеутлинга, один также егерей и команды пикетные, состоявшие до трех баталионов мушкатер, да кавалерии 12 эскадронов, придав к ним 14 полевых орудий, при коих просил употребиться генерал-майор Мелиссино. Так как генерал-квартирмейстер Боур больше других сведущ был об окрестностях тех мест, коими проходить надлежало до неприятеля, то в надежде сего, а не меньше отличного его искусства, препоручил я ему быть предводителем сему корпусу даже до лагеря неприятельского, где и произвести над ним атаку, тем надежнее, что я по его следам шел с армией в готовности ко всякой помощи. Распоряжение наше было к атаке, чтоб генералу-квартирмейстеру Боуру зайтить в тыл неприятелю, сделав марш ночью против 11-го числа сего месяца», — докладывал Румянцев императрице.

В грядущих кампаниях географическое наименование «Рябая Могила» сызнова будет мелькать в реляциях. Но самое важное сражение в здешних местах случилось в 1770 году, 17 июля — по старому стилю, разумеется.

Румянцев ошпарил турок, но поход только начинался. А девиз прежний — «искать неприятеля, уничтожить все его покушения и чрез то доставить защиту и безопасность занимаемому краю».

Ларга

Вообще-то Пётр Александрович не любил торопиться. Но вальяжность мигом слетала с него, когда требовалось спасти армию.

Пришла весть о Чесменской победе русского флота под командованием Алексея Орлова и адмирала Григория Спиридова. После разгрома турецкой эскадры удалось взять под контроль Дарданеллы, сковав османские коммуникации. Считалось, что не за горами освобождение Греции. Алексея Орлова прославляли в Петербурге, как никого и никогда. Он стал графом Орловым-Чесменским. Воевать в те дни приходилось и в Польше, и в Грузии. И Румянцев не собирался отдавать инициативу Каплан-Гирею, который укрепился на берегу Ларги.

Перед наступлением на Ларгу на военном совете Румянцев заявил: «Слава и достоинство воинства российского не терпят, чтобы сносить неприятеля, в виду стоящего, не наступая на него».

Турки и крымские татары построили четыре укрепленных лагеря на прибрежных высотах. Конные отряды крымчаков проводили разведку. Но Румянцев решился на скрытую переправу через Ларгу и неожиданную молниеносную атаку. Свои силы он разделил на четыре группы. Одну возглавил сам, другие поведут в бой Племянников, Бауэр и Репнин. Главный удар предполагалось вести по правому крылу противника, а шеститысячная дивизия генерал-поручика Племянникова должна была ударить по туркам слева, сковать их действия, отвлечь от наступления основных сил. От линейного построения Румянцев снова отказался: атака производилась малыми каре, которые в бою превращались в рассыпной строй.

Под рукой у Каплан-Гирея было 80 тысяч, из них 65 тысяч — крымчаки. У Румянцева войск было в два с лишним раза меньше. Оставив в своём лагере горящие костры, ночью русские войска быстро и организованно переправились через Ларгу.

Против наступающих русских Каплан-Гирей бросил лёгкую кавалерию. Орды конников сковывали действия наступавших сил Племянникова и Репнина на левом фланге. Артиллерийские батареи остановили вражескую конницу, и, отбив две атаки, гренадеры Племянникова решительно пошли в штыковую и ворвались в лагерь. Турецкая пехота дрогнула первой, за ней в бегство обратились и крымские кавалеристы. Вся артиллерия, обоз и восемь знамён достались победителям. «Хотя неприятель... устремлялся давать отпор, но ни сила орудий, ни персональная его храбрость, которой в сем случае надлежит отдавать справедливость, не постояли против превосходного мужества наших солдат, которые коль скоро коснулись поверхности горы, то и сделались мы победителями, а неприятель с превеликим уроном в наглой обратился бег», — отписывал Румянцев в Петербург.

Под Ларгой окончательно подтвердилось превосходство армии Румянцева в воинской выучке. Об этом красноречиво свидетельствует статистика потерь: неприятель потерял более тысячи убитыми, не меньше — ранеными. А русские — 90 человек, из которых погибшими — 29. Сказывалось и превосходство в артиллерии — качественное и количественное. Конечно, турок и крымских татар не сравнить с немцами, сражавшимися под дланью Фридриха Великого. Но у османского султана имелись свои козыри: неограниченные мобилизационные возможности и религиозный фанатизм. Если

в разгаре сражения турки входили в религиозный экстаз — они сражались куда упорнее, смело глядели в лицо смерти. При Ларге Румянцеву удалось быстрыми действиями предупредить эту вспышку фанатизма: Каплан-Гирей слишком быстро проиграл сражение.

В Петербурге в честь победы при Ларге палили орудия.

Екатерина повелела провести благодарственный молебен в старой церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте. Почему именно в этом скромном храме? Ответ знаменательный: здесь пребывала особо почитаемая во все времена икона Казанской Божией Матери — символ и залог победы России над любым противником. Именно эта икона сопровождала ополчение Минина и Пожарского при освобождении Москвы от поляков. Историческая память сохранила эти обстоятельства. После основания Петербурга, в разгар войны со шведами, Пётр I распорядился перевезти святыню в новый город — этот жест не остался незамеченным. Значит, прочно стоим мы на берегах Невы.

Императрица, можно сказать, приобщила чудотворную икону к победе над турками и приобщила Ларгу к сокровенной летописи русской славы.

Молебен прошёл на следующий день после получения известий о победе. Не только колокола звонили, но и пушки били в честь Румянцева.

Славный генерал-аншеф получил из столицы письмо «с изъявлением благодарения за победу при Ларге»: «Граф Петр Александрович! Вы легко себе представить можете, с коликим удовольствием я получила известия чрез полковника Каульбарса о совершенно вами одержанной победе над неприятелем при речке Ларге. На другой день я со всем народом приносила Всевышнему достодолжное бла-

годарение при пушечной пальбе в церкви Казанской Богоматери. Но наивящше чувствовала цену сего происшествия, когда 25 числа сего месяца усмотрела из привезенных поручиком гвардии Хотяинцовым и подполковником Мордвиновым писем обстоятельные описания сей славной вам и всем в сражении бывшим войскам баталии, при которой высшее воинское искусство предводителя было поддержано храбростью и неустрашимостью подчиненных ему воинов. Что более услуги к отечеству, то менее цены оным можно определить настоящее время. Одно потомство означает степени славы знаменитым людям всякого рода».

Незадолго до Ларги, в 1769 году, Екатерина II учредила высшую военную награду России — орден Святого Георгия Победоносца. Только в 1769-м — а кажется, что этот орден существовал всегда... По статуту орден имел четыре степени. Первый орден Святого Георгия первой степени императрица возложила на себя в день его учреждения. Вторым обладателем первой степени стал граф Пётр Александрович Румянцев! Орден Святого Георгия вручался только за полководческие победы, за боевые действия. В отношении себя самой Екатерина это правило нарушила, а Румянцев стал первым истинно боевым кавалером высшей степени Георгия. Он же — единственный кавалер ордена, коему первая степень была вручена сразу, без последовательного награждения нижними степенями. И этот факт помешал Румянцеву стать полным кавалером всех российских орденов... Слишком яркими оказались победы 1770 года для четвёртой или третьей степени Егория... В то лето Румянцев действовал столь блистательно, что биографы иногда путают — за какую победу он получил Георгия? За Ларгу, всё-таки за Ларгу.

Императрица окружила это награждение изысканной словесной вязью: «Вы займете в моем веке несумненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного. За долг почитаю вам отдать сию справедливость и, дабы всем известен сделался мой образ мысли об вас и мое удовольствие о успехах ваших, посылаю к вам орден Святого Георгия первого класса. При сем прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно Сенату указом повелено будет вам отдать вечно и потомственно».

Впервые Екатерина осыпала такими милостями «чужака» — не фаворита, но генерала, не имевшего отношения к перевороту, к тому же — любимца Петра III. Особенно величественным был такой жест императрицы: «Как я вспомнила, что в Молдавии золотошвей статься может мало, то посылаю к вам кованую георгиевскую звезду, какую я сама ношу». Лестная приписка, в духе галантного века! Нет, сердце генерала растопить не удалось: Румянцев был глуховат к сантиментам. Но столь изобретательное награждение осталось в легендах, чего и добивалась Екатерина.

В звучных стихах воспел Румянцева Михаил Никитич Муравьев:

Не се ль при Ларге низлагают
Несчетны россы рать врагов?
Румянцев грянул — и в пределы
Пустил молниевидны стрелы
И степь наполнил их голов.

Виват, ларгская виктория! Но, несмотря на чувствительные потери, турецко-крымское войско не было разбито, и Румянцев за недосугом не купался в лучах славы. Напротив: русская армия попала в ещё более опасное положение.

Кагул

*Чугун Кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы...*

А. С. Пушкин

Румянцев уже приучил Петербург к победам, но Россия ещё помнила и о поражениях, и о полуудачах прежних кампаний. А битому неймётся. Турки намеревались объединить рассеянные силы, значительно подкрепить их — и сбить спесь с Румянцева, нанести ему урон.

Противник Румянцева — великий визирь Османской империи Ивазаде Халил-паша. Об этом визире можно сказать словами Державина (адресованными, впрочем, другому человеку): «Сын роскоши, прохлад и нег». Да, он был опытным и удачливым полководцем, хорошо знал специфические качества турецкого воина и умел влиять на своих бойцов как мало кто из тогдашних пашей. Но красиво пожить этот османский генерал любил пуще всего на свете. Это он окружал себя неслыханной роскошью даже в дальних походах. Это он охоч был до утех плотских и гастрономических... Как-никак потомственный полководец и вельможа. Ведь он родился в доме великого визиря Хаши Ивазаде Мехмед-паши, был любимцем властного отца и никогда не знал нужды. Богатый избалованный генерал. Именно такого соперника судьба подбросила Румянцеву в решающие дни той войны.

Приезд вождя к армии был обставлен с театральной пышностью. 16 июля 40 пушечных выстрелов в турецком лагере у Кагула возвестили о прибытии визиря. Его встречали в религиозном экстазе.

Объединённые силы османов достигли 150 тысяч бойцов (не менее 100 тысяч конницы и 50 тысяч пехоты). Левее озера Ялпуха держался хан со своей восьмидесятитысячной конницей, делавшей попытки прервать сообщение русских с Фальчами и, переправившись через Салчу, ударить в тыл русских.

Правой рукой Румянцева в те дни стал генерал-квартирмейстер Фёдор Васильевич (он же — Фридрих Вильгельм) Бауэр (Боур, Баур). Военный историк Богданович так охарактеризовал его: «Этот генерал, образовавшийся под знамёнами славного Фердинанда Брауншвейгского, был главным помощником, правую руку нашего великого полководца. В то время, когда люди, специально приготовленные к военному делу, встречались весьма редко, Баур обладал вполне искусством соображать диспозиции маршей и сражений, строить мосты, вести осады; его военный глазомер заменял недостаток в хороших топографических картах; его верный взгляд обнимал всё пространство полей сражения». Именно ему Румянцев поручит «осмотреть аккуратно прежний лагерь неприятельской: выведены ли оттуда все войски и не маскируют ли в оном одне только караулы да палатки».

Между тем визирь получил точные донесения о состоянии армии Румянцева — немногочисленной, изнурённой. И спешил истребить неприятеля. Каплан-Гирей гарантировал визирю поддержку: его потрёпанная конница готова была атаковать русских с тыла.

К тому времени поход и впрямь переутомил Первую армию. Дело не только в эпидемии: критически не хватало продовольствия. Сераскир Голод трепал русскую армию сильнее турок. У Румянцева было

немало причин отступить, прервать поход. Слава победителя при Ларге не пострадала бы. А на берегах глубоководного Кагула враг приготовил Румянцеву ловушку. Турки на судах переправились через Дунай, после чего поклялись не отступить, пока не разобьют неверных. 150-тысячная армия готова была атаковать врага.

Румянцев ожидал провианта. Русский лагерь был зажат между двумя озёрами. С фронта и с тыла — наступал враг, имевший значительное численное превосходство. В критической ситуации генерал вполне владел собой, демонстрировал спокойную насмешливость.

Сохранился исторический анекдот: «Перед утром, прославившим навсегда войска российские, турки переменили выгодное свое местоположение, и показывая вид, что готовят к сражению, остановились и хотели располагаться станом. Румянцев, смотря в сие время в зрительную трубу, сказал бывшим с ним чиновникам: “Если турки осмелятся разбить в сем месте хотя одну палатку, то я их в ту же ночь пойду атаковать”». В то лето он был решителен как никогда — ни до, ни после 1770-го.

Румянцев чувствовал: пришёл его звёздный час. Выстояв при Кагуле, мы надолго приучим противника к незавидной роли. Чтобы одолеть турок, нужно заставить их бояться. Легко рассуждать об этом после победы, но не забудем, что этот порыв случился в крайне опасной ситуации. Тут и до бесславного разгрома русской армии недалеко, да и сам генерал-аншеф ходил под дамокловым мечом: окажись турки порасторопнее — его могли ждать гибель или плен. Если бы не Рябая Могила и Ларга — быть может, Румянцев и не решился бы на наступление. Но к августу 1770-го он познал науку побе-

ды и не сомневался: если своевременно повторять пройденное — успех никуда не убежит. А солдаты и офицеры привыкли и к рассыпному строю, и к наступлению колоннами.

Румянцев располагал 17-тысячной армией, ещё шесть тысяч прикрывали обоз. Но он не стал ожидать турецкой атаки, назначенной на 21 июля.

В час ночи русские войска покинули позиции и приблизились к турецким укреплениям на расстояние пушечного выстрела. Заметив нападающих, турки отрядили им навстречу многочисленную лёгкую конницу. Её остановили огнём. Сработал принцип Румянцева: сдерживать напор вражеской кавалерии не рогатками, но артиллерией, пулями да штыком.

Непрестанно гремела канонада — и русская артиллерия показала превосходство и над конницей, и над артиллерией противника. Когда воины Племянникова и Олица готовились штурмовать вражеские окопы, туркам удалось ошарашить их внезапной атакой. Янычары выскочили из лощины, пролежавшей поперёк линии окопов. Они врезались в каре Племянникова и сумели привести в замешательство наступавших молодцов. Колонны Репнина и Олица едва не попали в окружение. На левом фланге дело обстояло лучше: колонна Бауэра прорвала оборону и овладела турецкими батареями.

А войска Племянникова потеряли строй, запаниковали, пытались укрыться в строю солдат Олица. Это не входило в планы генерал-аншефа. Румянцев наблюдал за сражением в компании герцога Брауншвейгского. Он невозмутимо бросил: «Теперь настало наше дело». Резво оседлал коня — и поскакал туда, где было горячее, в самую гущу потрёпанного каре Племянникова... Одного румянцевского воз-

гласа оказалось достаточно: «Ребята, стой!» Тут же русские герои встряхнулись, сомкнули ряды, мужество вернулось к ним — и «наши начали палить, с турок головы валить». Переломил ситуацию 1-й гренадерский полк бригадира Озерова. С зычным криком: «Да здравствует Екатерина!» (который, однако, едва ли мог перебить турецкого рёва) они бросились в штыковую атаку — и опрокинули турецкие полчища. Про них и песня сложена:

В то же время с гренадерами
Сам Румянцев ли ударил в них;
Тут познали турки гордые
Руку тяжкую гренадерскую,
Предводительство Румянцево.

А Бауэр, овладев турецкими пушками, бросил в атаку егерей. Янычары оставили укрепления и побежали. Когда они увидели атаку корпуса Репнина, наступавшего с тыла, — отступление стало паническим и повальным. Турки не вспоминали о клятвах драться до победы: «животолюбие» взяло верх над фанатизмом. Визирь с саблей в руках пытался остановить бегство, заклинал их именем пророка — напрасно! Подоспевший отряд анатолийских воинов, состоявший главным образом из курдов, не сумел помочь визирю. Напротив: в панике начались распри между турками и курдами. В результате даже денежная казна визиря досталась победителям вместе с другими трофеями.

После Кагульского сражения Румянцев добился, чтобы 1-й гренадерский полк стал гвардейским: «Гренадеры опрокинули с великою храбростию последние и наипаснейшие стремления янычар и сопротивным на них ударом подали начало к одержанной победе».

Вот как этот подвиг описал поручик лейб-гвардии Н. Рославлёв: «Внимая повелению своего храброго полкового командира, бригадира Озерова, и видя бегущее к каре генерала Племянникова, преследуемого лютыми янычарами, бесстрашные лейб-гренадеры с редким самоотвержением ударили в штыки на громадную и стремительную атаку янычар так храбро, так дружно и отважно, с такою удивительной скоростью, что янычары в один момент были приведены из атакующего в оборонительное положение. В этой стычке, можно сказать положительно, что штыки храбрых лейб-гренадер решили дело и дали перевес русским над турками. Между тем расстроенное каре генерала Племянникова тотчас оправилось, выстроилось и вслед за лейб-гренадерами устремилось на ретирующегося неприятеля... Последствием такого неожиданного переворота было совершенное рассеяние несметных сил неприятеля и славная победа, доставшая русским весь лагерь, обоз, 140 пушек и 60 знамен. Турки бежали за Дунай, потеряв убитыми, ранеными, пленными и потонувшими в Дунае до 40 000 человек».

Тут-то и дрогнул визирь: «Видя свой великий урон, бросил весь обоз и побежал толпами во все ноги к стороне Дуная, где было до трехсот судов больших, которые послужили к его переправе, но не безбедственной, а затем завладели войска турецким полным лагерем, получили в добычу всю артиллерию во сто сорок хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажом... Посреди сего изобильного лагеря, прошедши в порядке, преследовали неприятеля верст до четырех, а далее итить за ним усталость солдат не позволила, поелику продолжался непрерывный и жестокий бой с начала пятого до половины деся-

того часа поутру, в котором свершили уже нашу победу, а в кавалерии за отделением ее к прикрытию запасного магазина имели недостаток».

Преследование неприятеля организовали как никогда споро. Погоня, которую возглавил Бауэр, несла смерть и полон сотням турок. 23 июля остатки турецких войск были застигнуты на переправе через Дунай у селения Картал. Короткая схватка показала преимущество русского оружия: турок обращали в бегство и захватывали в плен уже практически без потерь...

Во всей операции русские потеряли не более тысячи человек: и это при том, что пришлось поначалу идти в атаку, которую многие считали безрассудной. Визирь не испытывал иллюзий: для него Кагул стал безоговорочным крахом. В России же многие сомневались в румянцевских победных подсчетах, казалось невероятным, что столь мощная армия не смогла сопротивляться натиску русских. Но, как говаривал Пётр Великий, «небываемое бывает».

Петру Ивановичу Панину Румянцев в те дни писал уже без пиетета, с тайным осознанием собственного превосходства. И описывал детали сражения — кто знает? — может быть, в первую очередь для потомков:

«Неприятель, за которым я шел от реки Ларги, наконец у Дуная соединился с самим верховным везирем Халил-беем, который со 150 тысячами пехоты и конницы переправился на сей берег. При лутчем их воинстве были и знатнейшие их полководцы купно с везиром, как то: яничар-ага, Капикиран, топчи-паша, то есть главной командир над артиллериею, Гистанли-паша и прогнанные до сего от нас три паши — Абды, Абаза и Измаил. Третьего дня на вечер везирь с своею армиею перенес-

ся лагерем к устью реки Кагула по левую сторону, где она впадает в озеро, вливающееся в Дунай. Сие движение было в виду нашем и разстоянием не более 7 верст. Я проникнул, что турки хотят меня атаковать, и пленные утвердили, что с тем приготовились они к вчерашнему дню. Положение мое было поне сколько критическое, ибо впереди я имел толь многочисленного врага, а неменьший же в силах хан крымский, не соединившийся с турками, от речки Салчи, обошед меня со своею ордою в тыл, чинил уже нападение на идущий к армии провиантский транспорт, против коего должен я был обратить знатную часть пехоты и лутчей своей кавалерии, кои с ним сражались, чем весьма оскудил со мною бывшие войски. Но дознавши не раз, что не числом, да храбростию и усердием приобретаются военные успехи, и в последнем полагаясь на войски, коими щастие имею командовать, решился я не дожидаться на себя везирской атаки, но предупредить его оною с своей стороны».

Румянцев кланялся солдатству — несломленным героям кровавой сечи: «Я прошел все пространство степей до берегов Дуная, сбивая перед собою в превосходном числе стоявшего неприятеля, не делая нигде полевых укреплений, а противопоставляя бесчисленным врагам одно мужество и добрую волю вашу, как непреоборимую стену». А солдаты его подвиг не забудут, не забудут это: «Стой, ребята!» В армейском журнале военных действий тем же вечером появилась запись: «...не неприлично изъяснить тут, что плоды своего отличного мужества в день сражения главнокомандующему тем были наиприятнее, когда его сами солдаты, видевшие, в какой огонь и опасность он себя ввергал на сей баталии, поздравляли словом “Ты прямой солдат”, ибо всяк,

прямо видевший дело, не мог иного говорить, что его храбрость и бодрость духа произвели. Но его сиетельство, по обыкновенной скромности своей, не принимал на себя одного славы победы, но всякого признавал участие к тому споспешествовавшим».

После Кагула в Румянцеве видели вождя, который способен освободить Царьград и восстановить великую православную империю от Ледовитого океана до греческих морей. Несколько раз эти смелые планы были близки к реальности, но, как известно, Стамбул так и остался турецким.

Донесение о виктории привёз в Петербург бригадир Озеров — герой наступления. В тот же день он стал генералом. Слава Румянцева достигла апогея:

«Граф Петр Александрович! Вчерашний вечер получила я чрез мною тот же час пожалованного генерала-майора и кавалера Святого Георгия третьего класса Озерова хотя неожиданное, но весьма приятное известие о славной вам и всему воинству российскому победе при речке Кагуле над армиею вероломного султана, под предводительством самого визиря. За первый долг я почла принести всемогущему Богу за бесчисленные его к нам милости и щедроты коленопреклонное благодарение, что сего утра со всем народом при пушечной пальбе в церкви Казанской исполнено было, и весь город зело обрадован. Потом, возвратясь во дворец, сев за стол и вспомя подающего нам причины радости и веселия своим искусством, усердием и разумом, при пушечной пальбе, пила я здоровье господина фельдмаршала графа Румянцева, с которым вам новопожалованным и весьма вами заслуженным чином вас поздравляю и должна вам засвидетельствовать, что у меня за столом не было человека, который бы не был тронут до слез от удовольствия, видя, что я

справедливость показала их достойному согражданину. Несравненной армии моей успехи и победы кто с толиким удовольствием видеть может, как я? Но коль велика радость моя, сие легче чувствовать можно, нежели описать. Одним словом, от малого до великого могут быть уверены в моей к ним милости, благоволении и благодарении, что прошу им сказать. Благодарю я вас и за то, что вы то самым делом исполняете, что про римлян говорят, и не спрашиваете, многочислен ли неприятель, но: где он? Я уверена, что вы не оставите мне тех назвать, кои себя отличили, дабы я могла им воздать справедливость. Графа Воронцова и господина Елчанинова я по вашему представлению пожаловала полковниками. В прочем остаюсь, как и всегда, к вам доброжелательна».

Даже по официальному рескрипту видно, с каким восторгом встретила Екатерина весть о победе. Она знала и о личном подвиге Румянцева: «Одно ваше слово “стой!” проложило путь новой славе, ибо по сие время едва ли слыхано было, чтоб в каком-либо народе, теми же людьми и на том же месте вновь формировался разорванный однажды каре, в виду неприятеля, и чтоб еще в тот же час, идучи вперед, имел он участие в победе».

Некоторые проницательные вельможи уже видели Румянцева влиятельным политиком, первым сановником империи. В высших кругах у победителя нашлись поклонники и сподвижники. Все отмечали, что императрица без светлой улыбки не вспоминала о Румянцеве, о его победах. И Пётр Александрович вроде бы обладал всеми качествами царедворца, стоило ему принять почести, поселиться после побед в Петербурге — и... «это многих славный путь». Но — не манили новоявленного

фельдмаршала дворцовые паркеты, а особенно угнетала публичность.

Интересный сюжет сохранила молва. В победном сражении при Ларге генерал-майор Григорий Потёмкин сражался храбро и стойко. Потёмкин небезосновательно ожидал награду. Но Румянцев после боя укорил молодого генерала за то, что его войска слабо преследовали беспорядочно отступавшего противника. При Кагуле Румянцев не доверил Потёмкину наступательных операций. Жаждавший славы генерал-майор остался в тылу... Впрочем, он выполнял важное поручение командующего: прорывался к обозам, рискуя встретиться с крымчаками. «Доставьте нам пропитание на конце вашей шпаги» — таков был приказ Румянцева. И всё-таки, когда гремели победные трубы — Потёмкин грустил. Он понимал, что не заслужил награды. Но Румянцев неожиданно внёс его в длинный список представленных к орденам... «Это тебе не за Кагул, а за Ларгу», — с улыбкой уточнил главнокомандующий. Такой вот урок.

В сентябрьской реляции Румянцев не без дальнего прицела нашёл для Потёмкина добрые слова: «Ваше величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сия причина преклонила меня при настоящем конце кампании отпустить его в Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам вашего величества». Намёк многозначительный, в стиле Румянцева. В Петербург Потёмкин явится с рекомендацией фельдмаршала: «Сей чиновник, имеющий большие способности, может сделать о земле, где театр войны стоял,

обширные и дальновидные замечания, которые по свойствам своим заслуживают быть удостоенными высочайшего внимания и уважения, а посему и вверяю ему для донесения вам многие обстоятельства, к пользе службы и славы империи относящиеся...» С этих пор Григорий Потёмкин ни в чьих рекомендациях уже не нуждался. Но Румянцев надеялся превратить его в собственного «агента влияния».

Отличился при Ларге и Кагуле и ещё один молодой, но уже опытный генерал, который начал воинскую школу с ранения при Гросс-Егерсдорфе, — Оттон Иванович фон Вейсман. Лифляндский дворянин, он самозабвенно служил России. Румянцеву нравился этот расторопный и удивительно храбрый генерал. Вейсман получил орден Святого Александра Невского — «За оказанную 7 июля 1770 года, во время сражения с неприятелем при реке Ларге, неустрашимую храбрость, при овладении батареями и неприятельским лагерем». При Кагуле бригада Вейсмана снова теснит противника, действуя с той поспешностью, которую добивался от атакующих войск Румянцев. И вновь достойная награда — орден Святого Георгия 3-й степени. После того знаменитого похода Вейсман станет клинком Румянцева. По замыслу фельдмаршала он будет действовать против неприятеля самостоятельно, оглушивая его неожиданными нападениями.

Можно представить себе торжество Румянцева, получившего письмо и от недавнего противника — Фридриха Великого. Старый Фриц — фанатик военного дела — умел ценить полководческую доблесть, но мало кто достаивался его похвалы. А тут пруссак расщедрился вовсю: «Полная победа, которую одержали вы над турецкой армией, приносит вам тем более славы, что успех её был плодом вашего мужества,

благоразумия и деятельности. Мне весьма приятно, что племянник мой (принц Брауншвейгский. — А. З.) и мои чиновники могут под руководством вашим воспользоваться теми достопамятными примерами, которые вы подаёте им. Моё уважение и дружество к вам совершенны».

Фридрих, как ушлый стратег, не замыкался в своём закутке Европы. Он понимал, что каждый акт Русско-турецкой войны косвенно влияет и на судьбу Пруссии. Военно-политическое затворничество — это дорога поражений, дорога унижений для любого амбициозного государства. Фридрих стремился к экспансии и придирчиво следил за экспансией России. Да, в ту пору среди глав наиболее влиятельных государств было сразу несколько гроссмейстеров.

Как часто после больших побед предводители впадают в опрометчивую апатию! А энергия Румянцева от крупных викторий удваивалась. Отдых ему не требовался.

Румянцев почувствовал возможность — а значит, и необходимость! — действовать самостоятельно, не дожидаясь чьих-либо указаний. Гнать врага на Дунай и утверждаться на отвоёванной территории, привлекая симпатии местных жителей. Петербург (за неимением телеграфа и Интернета!) не мог уследить за новыми победами и наступательными манёврами Румянцева. Он видел себя победителем не в сражении, но в войне. Но чтобы развить успех, требовалось подкрепление, с которым можно пуститься в длительный поход, вторгнуться в турецкие владения. Петербург не мог помочь: чумная эпидемия и неурожаи уравнивали военные успехи кампании.

Активизировался тем летом и старый боевой товарищ Румянцева, вечный его соперник, не менее

честолюбивый генерал Пётр Иванович Панин, командовавший Второй армией. Румянцев частенько писал ему, покровительственно, хотя и дружески сообщая об успехах главной — Первой — армии. Трудненько было Панину читать такие сообщения: «Теперь вновь вашему сиятельству поспешаю сообщить, что посланный от меня корпус, под командою ген.-поручика князя Репнина, вчера покорил город Измаил и в оном утвердился. Неприятеля он нашел было в сем городе тысяч более 20, который, уклоняясь от дела, верст за четыре пред нашими войсками, убрались из города и потянулись к Килии. Он в такой дистанции всегда был, коль ни старался преследовать его князь Репнин; легкие войски и кавалерия полонила несколько сот да с 100 убила турков. Пушек до 30 взято. Но обстоятельного уведомления я дожидаюсь с часа на час, что в сем городе найдено, ибо с кратчайшим токмо известием первый курьер оттуда прискакал и уверяет, что избилует во всем как город, так и окрестности оного. Я велел князю Репнину свои легкие войски обратить к вершине Салпуха и против Килии и оными беречь, чтоб неприятель в мой зад не пролез. А по поводу сему и еще повторю вашему сиятельству сим мою просьбу: не соизволите ль вы свои легкие войски, по настоящему положению, когда все покоряется оружию ея императорского величества, послать к стороне Килии, где они вящие успехи приобрести бы могли, и притеснить татар мятущихся, а мне Измаил, как нужный пост, надобно удерживать. Вчера я послал к вашему сиятельству турка из жильцов бендерских, чтоб его препроводить в Бендеры ради возвещения, что претерпели здесь турки, и надеюсь, что отчаяние против вас у обороняющихся смягчится, коль скоро узнают, что их пала вся надежда на помощь от сей стороны. Везирь

в Исакче запер остатки войск и не выпускает, чтоб салтана не сразить нечаянным известием, что он все потерял. И сказывают, будто сам хан крымской поскакал в Цариград, чтоб приготовить салтана к принятию несчастных уведомлений.

Р. С. Я осмеливаюсь вашему сиятельству мой совет подать, чтобы на настоящей случай обратить большую часть на Телигуле стоящих войск к Килии. Сокруша сии неприятельские пункты, легко можно достигнуть живущих в стороне Очакова».

Как реагировать на такие послания? Панин не скрывал амбиций, яростный был человек и целеустремлённый. Слушать советы не любил — тем более что в прежние времена порой обгонял Румянцева...

Между тем Панин в той кампании тоже не оплошал. Две крепости — Бендеры и Аккерман — заняли его войска к концу сентября. Сумароков приветствовал героя в народном стиле:

О ты, крепкий, крепкий Бендер-град,
О разумный, храбрый Панин-граф!
Ждет Европа чуда славного,
Ждет Россия славы новья:
Царь турецкий и не думает,
Чтобы Бендер было взяти лъзя.

За Бендеры Панин получит Георгия 1-й степени — третьим после Румянцева и Алексея Орлова. Пётр Панин ожидал, что Петербург снова возвысит его — в том числе и над Румянцевым. И прежде всего — за взятие Бендер. Он открыто выражал притязания на фельдмаршальский жезл. Но... въедливая императрица была недовольна разрушением Бендер и — главное! — указывала на недопустимо крупные потери. При штурме войска Второй армии потеряли до шести тысяч. Заметно ослабели к тому времени и политические позиции Никиты Панина. Словом, и

в армии, и при дворе повторяли фразу, которую будто бы произнесла императрица: «Чем столько потеть и так мало получить, лучше бы совсем не брать Бендер».

У Фонвизина в «Недоросле» Стародум рассказывает Правдину свою печальную историю: «Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был на службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особый случай научиться тому, что в наше воспитание ещё не входило». Пострадал за правду честный вояка! Современники без запинки прочитывали «намёк» на соперничество Панина и Румянцева. Денис Иванович Фонвизин был самым талантливым среди верных и самым верным среди талантливых сотрудников Никиты Панина. «Сын случайного отца» — это, конечно, про Румянцева сказано. Ведь его отец был «в случае», считался фаворитом, любимцем тогдашней императрицы и первоначальным продвижениям беспутный молодой Румянцев обязан этому «случаю». Ну а дальше Фонвизин лукавит, а точнее — смотрит со своей «кочки зрения».

Панин позволил себе прогневаться — и вскоре заслужил репутацию «персонального оскорбителя» Екатерины. Сказался больным, вытребовал отставку. Словом, на одного способного генерала в русской армии стало меньше. Вдали от столичных паркетов Румянцев сумел опрокинуть панинскую партию — разумеется, не в одиночку. Разумеется, в этом ему невольно помогали могущественные Орловы. Но на ратном поле он самолично доказал своё превосходство. Недругам рты не заткнёшь, они по-прежнему говорили о фортуна, которая сопутствовала Румянцевым — выдвигенцам Петра и Елизаветы. Кагул превратил недругов в посмешище. А с

Паниным Румянцев милостиво продолжил дружескую переписку и после его отставки.

Главное — после кампании 1770 года боевой дух турок иссяк. О широком наступлении они более не задумывались. Великий визирь Халил-бей сделал ставку — и проиграл. За свои поражения он вполне мог бы поплатиться головой. Но султан из уважения к семейству визиря ограничился отставкой и ссылкой — даже в Османской Порте единовластие не было абсолютным, султану приходилось считаться с влиятельными и родовитыми семействами. Позже Халил-бей дорвётся до хлебных административных должностей в разных областях империи, а к военным делам не вернётся. Его любовь к расточительному образу жизни превратит бывшего визиря в первого должника империи... Но он будет считать себя счастливым: как-никак спасся и от Румянцева, и от султана... Русский урок Халил-бей не забудет никогда. За несколько часов русский дворянин излечил его от самонадеянности. Но Турция велика, нашлись и новые искатели счастья.

...22 декабря 1821 года Пушкин, пребывавший в бессарабской ссылке, проехал вдоль поля Кагульской битвы. Возможно, тогда в его мыслях родились строки, записанные в следующем году:

Чугун кагульский, ты священ.
Для русского, для друга славы —
Ты среди торжественных знамен
Упал горящий и кровавый,
Героев севера губя...

Но и современники Румянцева поторопились воспеть Кагульскую победу. Одной из наиболее заметных была звучная ода М. Н. Муравьёва:

Собрав вождей, визирь вещает
Вождем, пришедшим в сень его,
Речет — и льсти не ощущает
У стен и сердца своего.
«Доколе солнце не восстанет, —
Речет, — под сим мечом увянет
И не спасется росс ничем!»
Исполн кичения, ругался,
На многу силу полагался,
Уснув в безумии с мечем.

Но солнце мрак не одолело
И не сиял еще восток,
А росско воинство гремело
И полился кровавый ток.
Румянцев рек: и только стали —
Уже срачины смерть сретали
На ложах, где вкушали сон;
Пустились долом янычары,
Но вопль и тщетны их удары
Предвозвещали их урон.

Пространную оду посвятил Кагульской победе и Иван Хемницер — друг Державина, прославившийся в большей степени как баснописец. В честь Румянцева он сменил язвительный жанр на трубы:

О день, геройством освященный!
О беспримерный день в веках!
День, славою неизреченный!
Величественный день в делах!
Который показать вселенной
Триумф каков сей несравненный,
Поднесь, как чудо, сохранил;
Дабы героям предоставить
Российским, коих бы прославить
Премудрость, мужество и сил.

Так битва осталась не только в учебниках истории и военной науки, но и в хрестоматии русской

героики. Иногда это важнее. Просветители вообще относились к Румянцеву восторженно, Денис Фонвизин в их ряду — редкое печальное исключение. Беспутная юность полководца исчезла в тумане лет — и перед восхищёнными литераторами явился победитель мудрый и великодушный, остроумный и несгибаемый. Особенное уважение снискал вольнолюбивый характер Румянцева, который не суетился перед фаворитами императрицы, хотя никогда не становился фрондёром. Словом, вёл себя с подлинным достоинством. Старый приятель по Кадетскому корпусу, помнивший Румянцева шалопаем, не откликнулся на Кагульскую победу, а позже объяснил своё молчание с тёплой иронией:

Румянцов! Я тебя хвалити хоть стремлюся,
Однако не хвалю, да только лишь дивлюся.
Ты знаешь, не скажу я лести ни о ком,
От самой юности я был тебе знаком,
Но ты отечество толико прославляешь,
Что мя в безмолвии, восхитив, оставляешь.
Не я — Европа вся хвалу тебе плетет.
Молчу, но не молчит Европа и весь свет.

Конечно, это Сумароков — самый популярный и влиятельный из тогдашних русских литераторов. Румянец почитывал его оды и песни не без удовольствия.

И Василий Петров — в скором будущем преданный сотрудник Потёмкина, приближенный к престолу — исправно воспевал Румянцева:

В груди ведуша их героя
Геройства россы черпля дух,
Несут сомкнута ужас строя,
Стеной палящей движась вдруг;

Горами трудностей преляты,
Воспять не обращают пяты;
Ни чел, ни персей не щадят,
Смертьми дождимы, смерть дождят;
Сквозь вражьи проломашь засады,
Их топчут, как скудель, преграды.
Ни крепки и на брань рожденные чресла,
Ни тела страшный рост, ни множество числа,
Ни изощренный меч как бритва,
Ни в Мекку теплая молитва —
Не может их спасти.

Писал он высокопарно и витиевато, зато основательно: как будто симфонию создавал. И если уж пел о Румянцеве, не жалел строф.

И всё-таки куда ярче просвещённых поэтов показали себя безымянные народные таланты. Песни о Румянцеве звучали и в армии, и в сёлах, куда иногда всё-таки возвращались бывалые солдаты. Искренние, невымученные строки:

Ах ты поле, поле чистое,
Ты чисто поле бугжацкое,
Уж когда мы изойдем тебя,
Все бугры твои перевалимся?
Как давно пора сойтитися
Что со той ордой неверною,
Что со той силою турецкою,
Нам исполнить волю царскую,
Нашей мудрой государыни.
Что не облаки подымались,
Не грозны тучи соходилися,
Собирались тмы неверных враг,
Что острили мечи черные,
Мечи черные, булатные.
И хвалилися, наехавши,
Не срубити, но отрезати
Буйны головы солдатские.
Не громка труба воскликнула,

Как возговорил Румянцев-граф:
«Добры молодцы, товарищи,
Наши храбрые солдатушки!
Не дадим врагам хвалиться,
Пойдем сами против злости их».
За ним двинулась вся армия,
Воскликая: «Мы пойдем с тобой!»
На рассвете было в середине
На дороге на Трояновой,
Подошли мы близко к лагерю,
Окружили нас агаряне,
Отовсюду с равным бешенством
Янычаров тьма ударила,
На пехоту вдруг российскую,
Буйны головы валилися
Что от зверства их и множества.
То увидя, с кавалерией
Где ни взялся Долгоруков-князь.
С мечем острым так, как с молнией,
Он пустился в кучу вражию,
Где мечем сверкнет, тут улица;
Где вернет коня, тут площадь тел.
В то же время с гранодерами
Сам Румянцев ли ударил в них,
Руку тяжку гранодерскую.
Предводительство Румянцево
Тут познали турки гордые.
Они бросились бежать тогда,
Но и мосту не нашли уже,
А увидели позадь себя
Храбра Боура со егерями,
С легким войском, со гусарами.
Полилась тут кровь турецкая
Не ручьями — рекой сильною,
Их остатки потопилися
Во глубокой во Дунай-реке,
А другие с визирем своим
За ним скрыли стыд и ужас свой.

Подробный и эмоциональный рассказ, прочитаешь — и как будто кино посмотрел. Вот по таким

песням можно изучать историю в народном восприятии: это своеобразный поэтический учебник. Всё это — основа пропагандистского сопровождения войны, нет ничего постыдного в этом понятии: дело необходимое.

У солдат создавалось впечатление, что генерал каждого из них знает по имени. Этим — если верить Фуксу — восхищался и Суворов: «Румянцев знал не только число своего войска, но и имена солдат. Чрез десять лет после Катульского сражения узнал он в городе Орле сторожа, служившего на той славной битве рядовым; остановил его, назвал по имени и поцеловал».

Императрица тоже отметила победу разнообразно. Одними церковными службами дело не обошлось.

2 августа 1770 года Екатерина в письме Вольтеру писала с очаровательной интонацией скромницы: «Дней десять тому назад я извещала вам, что граф Румянцев разбил татарского хана, соединившегося с турецким корпусом, что он у них отнял палатки и артиллерию на речке, называемой Ларга.

Ныне имею удовольствие вам сообщить, что вчера вечером курьер от помянутого графа привез мне известие, что в тот самый день, когда я к вам писала, т. е. 21 июля, моя армия одержала полную победу над султанскими войсками под командою визиря Галиль-бея, янычарского аги и семи или восьми пашей. Они опять были разбиты в своих окопах; артиллерия их в количестве ста тридцати пушек, их лагерь, обоз и запасы всякого рода достались в наши руки. Потери их значительны, наши же так ничтожны, что опасаюсь говорить о них, дабы случившееся не показалось баснословным.

Нет ни одного значительного лица, даже никакого офицера главного штаба, раненого или уби-

того. Бой, однако, длился пять часов. Турки стреляют плохо и годны только для одиночных схваток.

Граф Румянцев мне доносит, что, подобно древним римлянам, моя армия не спрашивает: сколько неприятелей, но только — где они? В этот раз турки были в количестве ста пятидесяти тысяч человек, окопавшихся на высотах по берегу ручья Кагула, в 25 или 30 верстах от Дуная, и имея у себя в тылу Измаил.

Но этим, государь мой, не ограничиваются новости: у меня есть верные известия, хотя и не прямые, что мой флот разбил турок пред Наполи ди Романия, рассеял неприятельские корабли и многие потопил».

Да, этот афоризм точно характеризует Румянцева образца 1770 года: «Русские подобно древним римлянам, никогда не спрашивают: сколько неприятелей, но: где они?» Как и другое крылатое выражение Румянцева: «С малым числом разбить великие силы — тут есть искусство и сугубая слава». Так и было при Ларге и Кагуле. В ту кампанию русский воевода действовал как Цезарь: «Пришёл. Увидел. Победил». И в Петербурге высоко оценили его прыть.

Не в XX веке было установлено: для полной победы необходимы не только воинские доблести, но и талант пропагандиста. Екатерина была наилучшим агитатором за российские победы. Кому рассказывать о подвигах румянцевского воинства, если не всеобщему властителю дум — Вольтеру? Тот, конечно, без восторга относился к экспансии Российской империи, но выбросить из головы труднопроизносимые русские фамилии уже не мог. Не то чтобы он стал союзником России, но поклонником императрицы — безусловно. Если до этого письма Вольтер почему-то не запомнил фамилию Румянцева — после Кагула, будьте покойны, он её не позабудет. Пожалуй, в те годы не было в мире монарха

или полководца, который бы не слышал имени Румянцева.

Через шесть лет Румянцев приедет в Берлин: будущий император Павел Петрович тогда знакомился с невестой. Умерла первая жена наследника престола — и на династическом горизонте возникла принцесса Софья Доротея Вюртемберг-Штутгартская. Румянцева тайно пригласили в Петербург и поручили сопровождать Павла Петровича. Фридрих устроит фельдмаршалу торжественную встречу на свой лад. «Приветствую победителя Оттоманов!» — воскликнул король вполне серьёзно. Пруссаки собрали весь потсдамский гарнизон и представили примерное Кагульское сражение. Почёт невиданный, а до Кагула непредставимый. Но Румянцев отнёсся к этому с усталой иронией.

Странные кампании

Главные сражения войны состоялись в 1770-м. Но после него прошли три боевые кампании и один год тревожного перемирия. За исключением последнего, 1774 года, то были странные кампании. Войска топтались возле Дуная, масштабных сражений избегали.

После Кагула было логичным прошупывать турок по дипломатическим линиям: всё шло к тому, что они согласятся на мир, выгодный для России. Но первые переговоры начнутся позже — и 1772 год станет временем перемирия. Переговоры о заключении мира на Фокшанском и Бухарестском конгрессах зашли в тупик.

В кампании 1771 года Румянцев должен был удерживать дунайский рубеж. Вторую армию после Па-

нина возглавил генерал Василий Долгоруков — ему рекомендовалось активно действовать против крымчаков. После сражений 1770 года Крымское ханство оказалось отрезанным от Османской империи — и 35-тысячная армия должна была беспрепятственно войти на полуостров. В июне войска Долгорукова овладели перекопскими укреплениями, после чего заняли Крым. В 1772 году Россия заключила с ханом Селим-Гиреем договор, по которому Крымское ханство становилось независимым от Турции и переходило под российское покровительство.

А сам Румянцев переменялся — как будто истратил, выжег себя в сражениях прошедшего года. То ли фельдмаршальский жезл давил на него, то ли прославленный полководец боялся омрачить блистательную репутацию... А скорее — за зрелостью на него неожиданно свалилась старость. Румянцев лихо сидел в седле, выглядел богатырём, но выносливость утратил. В следующих кампаниях осторожностью он напоминал Голицына. Стремился утвердить победы Российской империи дипломатическим путём, не предпринимал масштабных наступательных операций, берёт армию. Ссылался на потери, на злокозненную эпидемию — и тщетно требовал от Петербурга пополнения. В то же время он испытывал себя в роли мудрого главнокомандующего, посылающего на разные направления небольшие корпуса, предводимые честолюбивыми генералами.

Год 1771-й прошёл в сражениях вокруг Журжи. Крепость не раз переходила из рук в руки. Генерал Эссен не оправдал румянцевского доверия. В сражении под Журжой он потерял больше двух тысяч, позволив туркам ощутить вкус победы. Екатерина утешала Румянцева: «Бог много милует нас, но иногда и наказует, дабы мы не возгордились. Но как

мы в счастье не были горды, то, надеюсь, и неудачу снесем с бодрым духом. Сие же несчастье, я надежна, что вы не оставите поправить, где случай будет».

Несколько удачных поисков на правую сторону Дуная провели генералы Вейсман и Озеров. Были взяты крепости — Тулча, Исакчи. Но главной задачей Румянцева было держать растянутый фронт с небольшой армией. Генеральные сражения были бы выгоднее России, а в войне позиционной численное преимущество турок сказывалось подчас роковым образом.

Боевые действия возобновились в 1773 году. Румянцев наконец-то получил подкрепление (хотя, по его мнению, недостаточное) и с 50-тысячной армией должен был в сражениях принудить турок к выгодно для России миру. А в Петербурге рождались фантастические проекты: например, Алексей Орлов предлагал ударить в сердце Османской империи — штурмом взять Константинополь. Освобождение Царьграда — давняя мечта российских политиков, а в екатерининские времена Греческий проект волновал умы с особой остротой. Но Румянцев только усмехался: у него под рукой — 50 тысяч, с натяжкой можно набрать ещё такую же армию. Для царьградской же операции необходимо вдвое больше. Вообразить, что можно решить вопрос одной Средиземноморской эскадрой Орлова, — это уж совсем наивный авантюризм. И флот к такому походу не готов. Пришлось Орлову свой план откладывать в долгий ящик. А Румянцев продолжил войну в реалистическом духе.

Из Польши на Дунай прибыл генерал-поручик Александр Суворов, завоевавший славу в войне с конфедератами.

...Кто бросит камень в Николая Полевого — писателя, журналиста, неутомимого популяризатора

истории Отечества? Грустно, что его главные исторические труды всерьёз не переизданы в наше время. Писал он доходчиво, страстно, бойко. В те годы (как и нынче) нужно было втолковывать публике, что русская история — не пыль под ногами, что могущество империи создавали великие герои. Этой миссии Полевой послужил достойно, но Румянцевым отчего-то решил пожертвовать. О причинах такой антипатии можно только строить предположения. Логические объяснения тут ни при чём.

Страстно влюблённый в Суворова, он превратил Румянцева в злого гения, который только и делал, что ставил палки в колёса великому воину земли Русской. Для композиции ему был необходим антипод истинно доблестному полководцу — и он приписал Румянцеву все пороки. «Русский Нестор» у него оказывается завистливым, трусоватым и ленивым. Неужели Полевой не исследовал хотя бы мнения о Румянцеве самого Суворова? Книги Полевого расходились приличными тиражами, по ним судили о прежних героических временах.

Военные бросились опровергать Полевого, но ничего не могли поделать с популярностью его творений. Лёгкое перо преодолевало все препоны. Правда, Полевому всё-таки не удалось надолго превратить Румянцева в историческое пугало. В новых изданиях он даже несколько смягчил карикатурный образ кагульского героя.

Разумеется, отношения двух полководцев не могли быть безоблачными. Румянцев постарше Суворова, но незначительно — всего лишь на пять лет. Однако чинами Пётр Александрович долгое время заметно превосходил Александра Васильевича, а потому относился к нему покровительственно, несколько свысока. Суворов дорожил расположением Румянцева, но затаивал и обиды. И всё-таки для

Александра Васильевича Румянцев был прежде всего старшим, мудрым наставником. И он, безусловно, преклонялся перед Кольбергской победой и Кагулом.

Любивший аналогии с гомеровским эпосом, Суворов с удовольствием называл Петра Александровича Нестором Российским. Красавец Румянцев к пятидесяти годам выглядел сановито, а Суворов долго сохранял моложавость. Румянцев рано остепенился, держался торжественно, без суетливости. Подвижный Суворов казался моложе своих лет и куда моложе Румянцева.

Крепость Туртукай (нынешний болгарский город Туртукан) прикрывала переправу через Дунай. В мае, отвлекая турок от переправы главных сил в районе Силистрии, Суворов совершил поиск на Туртукай. Отряд из семисот человек стремительно атаковал крепость, перебил четырёхтысячный гарнизон и разрушил турецкие укрепления. При молниеносной атаке Суворов применил румянцевскую находку времён Кольбергской операции — сочетание рассыпного строя егерей с колоннами. Суворов торжествовал, презрительно забывая о полученной контузии. Через месяц он вторично занимает туртукайские укрепления, вновь разбивает турок в неравном бою. Румянцев представил Суворова к Георгию 2-й степени.

Одновременно с Суворовым через Дунай переправился и генерал Вейсман. С небольшим отрядом у Карасу он разбивает 12-тысячный турецкий корпус. После этого Румянцев с 20-тысячной армией не спеша форсирует Дунай и осаждает Силистрию — крепость, в которой пребывала 30-тысячная армия. Румянцевское предложение капитулировать турки отвергли — и неспроста. Пробная попытка штурма не удалась.

На выручку Силистрии из Базарджика шла свежая армия Нуман-паши, грозившая ударить Румянцеву в спину. Вейсман спешно выступил против Нуман-паши. Пять тысяч против тридцати. Возле Кайнарджи русские атаковали войска Нуман-паши. Генерал сам повёл дрогнувшие войска в атаку — и получил пулю в сердце. «Не говорите людям!» — проговорил он, умирая. И русские довели битву до победного исхода: Нуман-паша с большими потерями отступил. Армия Румянцева была спасена. Пётр Александрович принял решение прервать осаду Силистрии. Поводом был недостаток фуража и продовольствия, но истинной причиной — гибель Вейсмана. Румянцев осознавал, что отступление на левую сторону Дуная Петербург воспримет нервно. Императрица давно требовала от него перенести боевые действия за Дунай.

Но ощущение опасности, желание сберечь армию перевешивало, пришлось отступать. Тщательно подготовленная операция наступления на Силистрию и Шумлу сорвалась. Екатерина не скрывала разочарования. Румянцев объяснял неудачу скупостью Петербурга: для наступательной войны нужно больше средств, больше солдат. После Кагула прошло почти три года — и императрица всё чаще упрекала фельдмаршала... А на его жалобы отвечала просто: если вы сумели разбить армию великого визиря с семнадцатью тысячами — почему бы не повторить успех?

Быть может, в 1770 году Румянцеву удалось бы и занять Силистрию, и разбить визиря в Шумле, но в 1773-м выполнить эту задачу не представлялось возможным. И Румянцев стал осторожнее, и турки. Как будто фельдмаршал берёт собственную славу. Война продолжалась мучительно, а Румянцев чувствовал себя недооценённым, обижался, что на его просьбы Петербург отвечает отказами или полумерами.

В октябре Румянцев предпринял вторичную осаду Силистрии. На этот раз он отрядил для этой цели корпус Потёмкина. Одновременно отряды Долго-рукова и Унгерна направились к Шумле и Варне. Но и эта попытка наступления захлебнулась, снова пришлось отступать на левый берег Дуная. Последним русским плацдармом на правом берегу оставалось Гирсово — крепость, в которой обосновался Суворов. В начале сентября ему удалось отбить атаку 10-тысячного турецкого отряда. Турки с потерями отступили — и Гирсово осталось русским.

Год 1774-й начинался для России тревожно: в столицах всё чаще с ужасом повторяли имя Пугачёва. От Румянцева ждали побед. Он намеревался принудить турок к капитуляции на болгарской земле — и наконец-то выторговал у Петербурга большую самостоятельность в командовании действующей армией и какое-никакое пополнение. Полководца не стесняли инструкциями. Это вошедший в великую силу Григорий Потёмкин отдал Румянцеву должок за недавнюю протекцию.

Румянцев рассчитывал, что в 1774-м, пропустив несколько чувствительных ударов, турки станут сговорчивее. Ведь султан Мустафа III умер, а его набожный и нелюдимый преемник Абдул-Хамид впал в зависимость от великого визиря Мухсина-заде. И значит, визирю следовало закреплять свою власть в Константинополе, а не кочевать по фронтам. Расчёт оправдывается, хотя и не сразу.

В той летней кампании генералам Суворову и Каменскому предстояло тесно взаимодействовать, совместно противостоять крупным силам турок. Поклонник прусской системы, да ещё и горячий, необузданный Каменский был не лучшим соратником для Суворова. А Александр Васильевич стремился подкрепить новое воинское звание очередной побе-

дой — ведь его недавно произвели в генерал-поручики! В конце мая войска Суворова выступили в поход совместно с армией строптивного генерал-поручика Каменского.

Граф Михаил Федотович Каменский (1738—1809) был личностью примечательной. Суворов уважал его за знание тактики, за солдатскую храбрость. Многие современники отмечали бесстрашие Каменского... Особенно ценил его Павел I, к возмущению многих произведший Каменского в графы и возвысивший над генералами.

В жизни графа Каменского было немало взлётов и падений. Несмотря на несносный нрав, порой ему сопутствовало везение, и он попадал в фавор, узнав, между прочим, и милость графа Задунайского... Каменский в конечном итоге испортит отношения и с Румянцевым, и с Потёмкиным, и, позже, с императором Александром Павловичем.

Два генерал-поручика — горячие головы — съехались на военный совет, на котором было решено начинать совместное наступление на Базарджик и Козлуджам. Каменский начал марш на Базарджик, Суворов должен был прикрывать его наступление со стороны Силистрии. Но Суворов, под предлогом ожидания полков, задержал наступление на два дня и изменил маршрут. Каменский не преминул пожаловаться Румянцеву на неподчинение Суворова, который «неизвестно где находится».

Румянцев занял двусмысленную позицию. Можно подозревать, что он рассчитывал на эффективность самостоятельных действий Суворова и потому не подчинил его напрямую Каменскому. В свою очередь, Каменскому Румянцев рекомендовал брать инициативу и руководство в свои руки, не обращаясь к посредству командования главной армии...

Ордер Каменскому «русский Нестор» составил с дипломатическим красноречием:

«...Я удивляюсь, что ваше превосходительство, имея мой ордер от 30 мая, в конце коего власть ваша ознаменена изранием, чтобы вы предписывали исполнять г. генерал-порутчику Суворову, да и прежде того в ордере моем от 21 мая сложил я на благоучреждение старшего предводителя по предстоящим случаям и по надобности разделить свои части из обоих корпусов, уменьшая или прибавляя от одного к другому, как действия и самоположение для которой части того востребуют, вопрошаете еще меня о подчинении вам реченного генерала с его частью.

Можно ли вам при таких предписаниях и, зная обряд военной службы, считать его более независимым от себя? Но к вящему удостоверению я вам сообщаю тут копию моего ордера, посланного ему по поводу вашего рапорта от 31 мая, и ожидаю, что вы за сим свое право взять над младшим не упустите, а от сего обратимся наипаче к делу...

...Господин Суворов рапортовал, что он намерен напасть в Караче на стоящего там, по показанию пленных, с войском Осман Пашу. Если бы сие случилось, послужило бы, конечно, такое дело к умножению вящему наших успехов и на облегчение достижения оных; но когда ваше превосходительство в соединенных силах пойдете к Шумле, то часть некоторую войск из резервного корпуса для наблюдения Силистрии не безнужно оставить, которая бы сообщалась и свое подкрепление иметь могла от двух полков пехоты и одного кавалерийского, которые я сей день предписал генерал-порутчику князю Репнину переправить за Дунай и расположить на противоположном берегу при Гуробале, о чем он, я считаю, и сам вас уведомит, а между тем к достижению

желаемых успехов и все полки, назначенные к операциям, переправятся у Гуробал...»

Суворову же Румянцев написал суровее:

«Рекомендую вам вследствие того, по повелениям и учреждениям г. генерал-поручика Каменского точно поступать тем образом, как долженствует генерал, один другому подчиненный. Я ожидал быть уведомлену в сем рапорте вашем, датированном от 30 числа из Рисоваты, о перемене вторичной вашего предположения, по которому вы расположили свой марш, и что вы о неприятеле открыть уже могли, как при подобных отправлениях о сем, яко главном пункте, то есть ссылаясь на прежние известия, ежели сверх оных ничего не прибавилось бы, или же какие вновь об оном имеете, должно всегда уведомлять».

Старшинство Каменского всё же было чётко определено.

При соединении 8 июля у деревни Юшанлы дивизия Каменского состояла из двух гренадерских и одного егерского батальона, пяти пехотных полков, двух конных, одного гусарского и шести казачьих. Резервный корпус Суворова состоял из двух егерских батальонов, четырёх пехотных полков, одного гусарского, одного пикинерного, одного казачьего полка и двух тысяч запорожских казаков.

Корпус Суворова изначально численно превосходил дивизию Каменского (14 тысяч и 14 орудий против 10 850 при 23 орудиях). К тому же значительная часть дивизии Каменского не приняла участия в бою, отстав при переходах.

Итак, в Юшанлах войскам был дан отдых, а лёгкие кавалеристы из корпуса Суворова под командованием секунд-майоров Фёдора Козлянинова и Василия Арцыбашева совершили разведку боем. Они стол-

кнулись с турецким отрядом, завязался бой, о котором тут же было доложено Суворову. Генерал-поручик немедленно послал подкрепление — кавалерию, с приказом биться до подхода пехоты. Превосходящие силы турок потеснили русскую кавалерию. Отступление конницы затрудняло марш пехотных батальонов. Судьба сражения висела на волоске, следовало немедленно перехватывать у турок инициативу. Суворов знал, сколь важна в бою скорость, набрав которую, войско становится непобедимым.

Умение действовать быстро проявилось в тот день — 12 июня 1774 года — сполна. Сражение началось в полдень. Вскоре к месту сражения подоспели три батальона — два егерских и гренадерский. Суворов с марша построил их в боевом порядке: в центре — гренадеры подполковника Х. И. Трейдена, на левом фланге — егеря подполковника И. Г. Рёка, на правом — егеря подполковника И. Е. Ферзена. Кавалерию Суворов отодвинул под прикрытие батальонов.

Турки попытались атаковать отступающую утомлённую боем кавалерию, но своевременный и точный огонь егерей Рёка остановил их. Русские пехотинцы отбили ещё две атаки, обратили турок в бегство. Тогда в атаку полетела кавалерия. Она преследовала и рубила отступавшего противника. В наступление пошла и пехота в четырёх каре: в первом — Суздальский и Севский полки под командованием бригадира Мачабелова, во втором — батальон Трейдена, в третьем и четвёртом — егеря Ферзена и Рёка. Батальон Рёка шёл во второй линии.

Войско приблизилось к турецкому лагерю, укреплённому на высоте у Козлуджей. Турки открыли пушечный и ружейный огонь; русская полковая артиллерия ответила незамедлительно. Изучив расположение турецких войск, Суворов совершил не-

ожиданный манёвр: батальон Рёка из второго ряда был перемещён в первый, укрепив позицию между каре Трейдена и Ферзена. Турецкие атаки были отбиты шквальным трёхчасовым огнём. Когда же противник «приведён был в рассыпку», русские батальоны, при поддержке огня, начали организованную атаку. Новый бой окончательно обратил турок в бегство. В штыковой атаке равных русским не было. Преследовать турок была отправлена кавалерия, превосходно выученная Суворовым.

Но эндшпиль выдался непростой — он не был похож на недавнюю победную рубку под Гирсовом. Суворов писал:

«Уже турки всюду бежали; но еще дело конечно не было. За их лагерем усмотрел я высоту, которую одержать надлежало. Пошел я сквозь оной с подполковником Любимовым и его эскадронами, кареи ж оной обходили и тем нечто замешкались; по занятию мною той высоты произошла с турецкой стороны вдруг на нас сильная стрельба из больших пушек, и, по продолжению, заметил я, что их немного, то приказал от себя майору Парфентьеву взять поспешнее и скорее три Суздальских роты, их отбить, что он с крайней быстротою марша и учинил; все наше войско расположилось на сих высотах, против наступающей ночи».

Восьмичасовое сражение продолжалось до двадцати часов. Турки сражались не слишком упорно, избегали рукопашных столкновений — и потому убитых оказалось сравнительно немного. В контратаках турки старались взять своё «числом». Безуспешно! Зато Суворов собрал богатые трофеи: знамёна, орудия, турецкий лагерь... Отмечалось, что среди трофеев были 23 «новые медные хорошие пушки». Такие отливались для турецкой армии усилиями французского барона Франсуа де Тотта.

Нет сомнений, что победы добились именно войска Суворова, ведомые своим генералом. Приказы Суворова, его вера в испытанных офицеров, наконец, суворовская тактика прицельного огня — вот причины славной победы при Козлуджах. Вся инициатива принадлежала Суворову: и первоначальная разведка Козлянинова и Арцыбашева, и брошенные им на помощь войска, в составе которых сам Суворов возглавил сражение. О каком же «равном» участии войск Каменского и Суворова можно говорить, если в восьмичасовом бою Каменский попросту не принял участия?

Войска, измождённые после быстрых переходов и сражения, получили отдых. Драться-то пришлось в июньскую жару, в южном краю... Обессилел и Суворов, после боя прихрамывавший. Надо сказать, что в реляциях Румянцев преуменьшил заслуги Суворова — и достойной, желанной награды за Козлуджи победитель турок не получил. Зато много лет спустя городок Козлуджи переименовали в Суворово.

Победа при Козлуджах оказалась решающей в кампании 1774 года, и Румянцев воспользовался ею. Войска Каменского направились к Шумле, лишая манёвренности главные турецкие силы. Одновременно корпус Салтыкова осадил Рушук, а Румянцев снова подошёл к Силистрии. В турецкий тыл был заброшен отряд генерала Заборовского.

Триумфатор

Год 1774-й Петербург встречал в тревогах. Победно завершить войну с турками в 1773-м, несмотря на старания Румянцева, не удалось. Кампания оставила двойственное впечатление. По-видимому,

Пётр Александрович скрывал от публики недомогания, но претерпевать лишения ему было трудно. Он превращался в усталого медлительного льва. Уклонялся от личного участия в сражениях, с переменным успехом пытался дирижировать относительно самостоятельными действиями генералов. В январе 1774-го Румянцев снова посылает к императрице Потёмкина — на этот раз встреча станет началом их супружеских отношений. Как командующий, Румянцев потерял Потёмкина. Приобрёл ли сильного союзника — покажет время. Энергичные действия русских полководцев — и прежде всего Суворова — перевернули ситуацию, сделали турок сговорчивее.

И вот уже будущий граф Задунайский, не скрывая торжества, отписывал в Петербург: «Я донес предыдущую, что верховный визирь, против наших корпусов, вступающих в глубину земли сего берега под команду генерал-порутчиков Каменского и Суворова, из Шумли обратил свои силы, потому реченные генерал-порутчики, ища встретить и атаковать оные, соединили оба корпуса и в 9 день июня дошли до местечка Козлуджи, вступая пред оным и тут в жестокий бой с неприятелем, который сильно ополчался, имея по показанию пленных до пятнадцати тысяч конницы под предводительством Абдул Резака рейс-ефендия Оттоманской Порты, бывшего послом на Букорестском конгрессе, а пехоты до двадцати пяти тысяч под команду янычар аги и при пяти двубунчужных пашах, между коими были Абдул-Черкес и Дарь. Турки превосходным числом своего войска сначала было замешали часть нашей кавалерии по неудобности тамошнего места, яко лесного и в дифилеях, действовать оной, сохраняя свои строи, и по случаю взятой им поверхности над передовыми легкими войсками; но удар от пехоты и

артиллерии нашей, учиненной наступательно, решил победу так, что неприятельской сильной сей корпус был разбит совершенным образом...»

Румянцев всё сделал для того, чтобы диктовать туркам условия мира с позиций силы. Верховный визирь Мусун-заде Мехмет-паша обратился к фельдмаршалу с предложением заключить перемирие.

Румянцев ответил на редкость красноречиво — видимо, напало на него риторическое вдохновение. К визирю он обращался почтительно, но со скрытой иронией: «Ваше сиятельство собственным просвещением достаточно испытываете, сколь малые причины отдаляют тут совершение дел великих. По истине, мы находимся в таком точно положении, что малейшие искры осталось только вам изъять из среды полного и искреннего обоим державам расположения к миру, претящие им вкусить уже оной, а напротив, возжигать могущие широту пагубного пламени, толь свойственно продолжением войны растущего.

Я не сомневаюсь, что ваше сиятельство в отвращение крови разлития и всех тех зол, которые по образу враждующих и по предстоянию нынешней поры для действий оружия неминуемы, воспримете наискорейшие и кратчайшие способы к одержанию обоюдно желаемого и полезного мира, плодом коего главным было бы возвращение обоим державам прежней их дружбы и взаимного между собою согласия. Я надеюсь, что попечения его величества короля прусского, яко искреннего обоим сторонам доброжелателя, устремляются к сим единственно видам. Во мне же должное рачение будет вашему сиятельству свидетельствовать, сколь лестна для меня слава общего с вами служения в таком деле, которое к благоугодности наших государей и на пользу их скипетру подвластных народов относится. В ожида-

нии на сие дружеского вашего ответа, я пребываю, как и всегда был, с непоколебимым почтением».

Во дни побед легко произносить миролюбивые речи! А Румянцев был тонким знатоком этикета...

Визирь предлагал открыть новый мирный конгресс — на это будущий граф Задунайский ответил так: «О конгрессе, а еще менее о перемирии, я не могу и не хочу слышать. Ваше сиятельство знаете нашу последнюю волю, естли хотите миру, то пришлите полномочных, чтоб заключить, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уже столь много толковано и было объяснено, и доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не престанут. Между тем предаю и то уважению вашего сиятельства, что легко можно в одно время совершить, того в другое вовсе не удобно сделать, и напоследок самая умеренность, коль бы не велика была, истощится; однакож я и по сей час тот же, который желает пощадить пролитие крови неповинной, и ежели ваше сиятельство в таком, как и я, расположении, то сие полезное дело без замедления совершится. Пребуду в прочем с отличным почтением...»

Румянцева уполномочили вести переговоры. Панин заметил, что для турок именно он олицетворяет мощь империи. Ему оказали честь — и пришлось, перебарывая приступы малярии, завершать войну и проявлять дипломатический напор.

Румянцев без рывков, но уверенно сжимал кольцо, давил на нескольких направлениях. И не прервал боевых действий, когда начались переговоры. Свою ставку фельдмаршал перенёс в деревню Кючук-Кайнарджи (в переводе с турецкого — Малый горячий источник). Турецкую делегацию возглавляли дипломат Ресми-Ахмед-эфенди и рейс-эфенди Ибрагим-Мюниб. Три часа продолжались перего-

воры в ставке Румянцева. Фельдмаршал держался величественно, скрывая признаки болезни. Турки увидели победителя, могущественного вельможу. Подписали договор по-походному, на барабане. Во владение России переходили Керчь и Еникале в Крыму и Кинбурн на побережье Чёрного моря, степь между Днепром и Бугом, кроме крепости Очаков. Южная граница России к востоку от Днепра была передвинута к речкам Берда и Конские Воды. Россия получала право укрепить Азов и брала под покровительство Молдавию и Валахию. Крымские и кубанские татары получили независимость — и было ясно, что вскоре Россия их поглотит. Кроме того, турки обязались выплатить контрибуцию.

С известием о долгожданном мире фельдмаршал послал к Екатерине II старшего сына Михаила — как в своё время он сам был послан отцом к Елизавете Петровне после завершения русско-шведской войны 1741—1743 годов. Михаил Петрович в той войне достиг высоких степеней, хотя не намеревался целиком посвящать себя ратному труду. Его — молодого поручика — в 1771-м назначили генерал-адъютантом при отце, командовавшем Первой армией. Но Пётр Александрович не захотел держать сына при себе секретарём, отослал, что называется, на передовую. Поручик Румянцев участвовал во взятии Журжи и Базарджика, в осаде Браилова и Силистрии. Карьерный взлёт Михаила Петровича получился ещё более резким, чем у отца. После перехода войск через Дунай фельдмаршал Румянцев именно сына посылал в Петербург с этим известием. Молодца тут же пожаловали в полковники, хотя России вскоре пришлось отступить от Силистрии. Не прошло и года — и Михаила Петровича посылают к императрице как вестника Кю-

чук-Кайнарджийского мира. Результат — чин генерал-майора и чуть позже, во дни праздника по случаю славного окончания войны, — орден Святого Александра Невского. Но Михаил Петрович не сумеет развить успех, служба быстро ему наскучит, да и здоровье не позволит служить не щадя живота своего. Сын фельдмаршала превратится в заметную фигуру в придворной, армейской и статской жизни, но ровней отцу не станет.

«Сей день почитаю из счастливейших в жизни моей, где доставлен Империи покой, ей столь нужный», — отвечала Екатерина фельдмаршалу.

Это был личный триумф императрицы и её удачливого полководца, но и, несомненно, это был масштабный триумф империи — первый после петровского времени. Теперь уже сомнений не было: Россия сломала мощь Османской империи. С этого времени Россия станет откусывать от Турции по куску. Планомерно и неумолимо. На усилившуюся Северную империю поглядывали с ужасом. Императрица благодушно присматривалась к дипломатам.

«Я видела в Ораниенбауме весь Дипломатический корпус и заметила искреннюю радость в одном Аглинском и Датском министре; в Австрийском и Прусском менее, — писала Екатерина Штакельбергу, российскому посланнику в Варшаве. — Ваш друг Браницкий смотрел Сентярем. Гишпания ужасалась; Франция, печальная, безмолвная, ходила одна, сложив руки. Швеция не может ни спать, ни есть. Впрочем, Мы были скромны в рассуждении их и не сказали им почти ни слова о мире; да и какая нужда говорить о нем? Он сам за себя говорит».

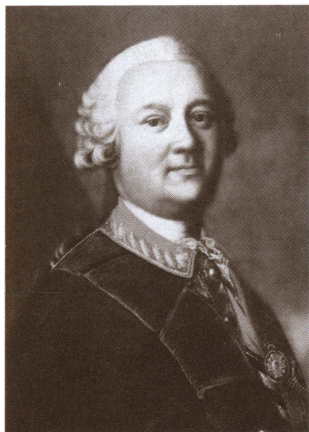
В первый день пышных торжеств по случаю заключения мира в 1775 году заслуги Румянцева были отмечены особо. В Москве, в Грановитой палате,

публично было оглашено следующее пожалование императрицы: «Господину генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву похвальная грамота с прописанием службы его в прошедшую войну и при заключении мира, со внесением различных его побед и с прибавлением к его названию проименования Задунайского; за разумное полководство алмазами украшенный повелительный жезл или булава; за храбрые предприятия шпага, алмазами обложенная; за победы лавровый венец, за заключение мира масличная ветвь, в знак Монаршего за то благоволения крест и звезда Святого апостола Андрея, осыпанная алмазами; в честь ему, фельдмаршалу, и его примером в поощрение потомству медаль с его изображением; для увеселения его деревня пять тысяч душ в Белоруссии; на построения дома сто тысяч рублей из Кабинета; для стола его сервиз серебряный, на убранство дома картины».

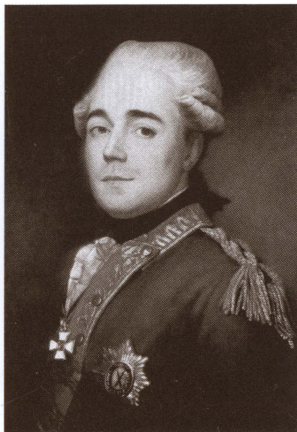
Москву стали готовить к празднеству ещё в конце 1772 года, задолго до окончательной победы. Город преобразился. Устоявшийся быт Белокаменной подвергли беспощадной перекройке. На Ходынке возводились крепости, напоминавшие те, что отбил у турок Румянцев. На деньги московского дворянства и купечества построили Триумфальные ворота у Тверской заставы. На пьедестале возвышалась статуя: воинственная богиня Афина Паллада с вензелем Екатерины на щите. Внутри ворот, позабыв о московских ревнителях православия, устроили подобие античного храма, посвящённого Победе. По замыслу императрицы, фельдмаршал Румянцев должен был на римской колеснице проехать в Кремль через всю Москву, в том числе и через Триумфальные ворота. Видимо, эта экзотическая церемония показалась Румянцеву неуместной. Он наотрез отка-



Генерал-фельдмаршал
граф Пётр Александрович Румянцев-Задунайский

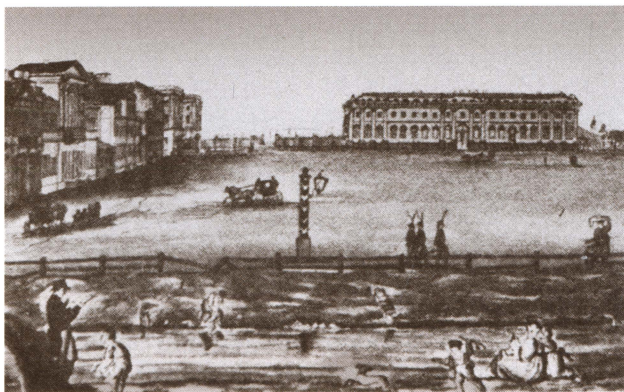


Граф Пётр Иванович
Панин



Граф Семён Романович
Воронцов

Дом Румянцева на Марсовом поле в Санкт-Петербурге.
*Фрагмент гравюры «Вид Царицынского луга из Верхнего сада»
по рисунку И. Иванова. 1814 г.*





Императрица Екатерина Великая

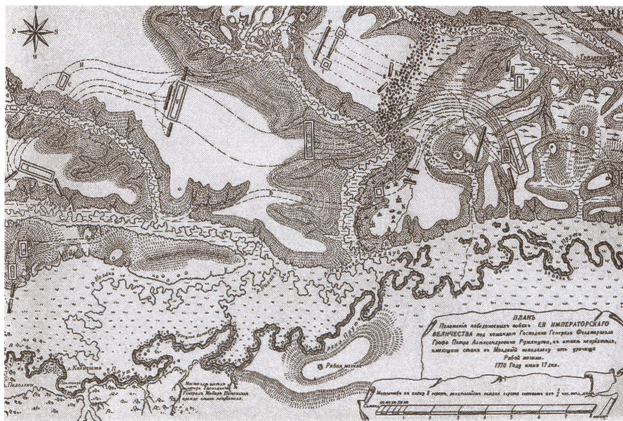


Князь Николай Васильевич
Репнин



Князь Василий Михайлович
Долгоруков-Крымский

План сражения при урочище Рябая Могила в Молдавии



Светлейший князь
Григорий Александрович
Потёмкин-Таврический



В лагере
екатерининских солдат.
С картины А. Н. Бенуа





Медаль «За победу при Кагуле». 1770 г.

Битва при Кагуле. С картины Д. Ходовецкого



Граф Михаил Федотович
Каменский



Драгун



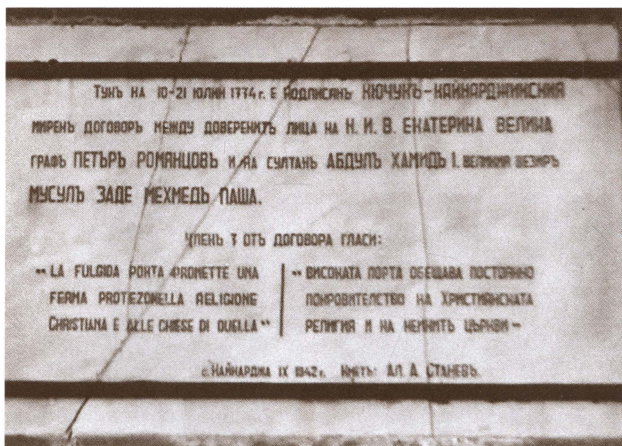
Офицер и рядовой
кирасирского полка





Настольная медаль «Победителю и примирителю»
в честь побед П. А. Румянцева. *Гравюра. 1775 г.*

Памятная доска на месте подписания Кючук-
Кайнарджийского мирного договора с Турцией.
Село Кайнарджи в Болгарии





Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами.
С. Торелли. 1772 г.



Граф
Александр Васильевич
Суворов

Штурм Праги,
предместья Варшавы.
С картины
А. Орловского





Церковь в подмосковном имении Троицкое-Кайнарджи, построенная П. А. Румянцевым в честь заключения мира с Турцией



Граф
Николай Петрович Румянцев,
сын П. А. Румянцева



Граф
Сергей Петрович Румянцев,
сын П. А. Румянцева

Румянцев, Потёмкин и Суворов на памятнике
Екатерине Великой в Санкт-Петербурге. 1873 г.



Граф
Пётр Александрович
Румянцев-
Задунайский.
*Портрет неизвестного
художника XVIII в.*



Визитная карточка
П. А. Румянцева
с его подписью





Граф Александр Андреевич
Безбородко



Гаврила Романович
Державин

Усадьба в Качановке. Дворец П. А. Румянцева



Бюст П. А. Румянцева.
Ф. И. Шубин



Дворец П. А. Румянцева
в Вишенках, в Ташани





Румянцевский обелиск в Санкт-Петербурге.
Архитектор В. Бренна. 1798—1799 гг.

зался принимать в ней участие, хотя, конечно, удостоил праздничную Москву своим посещением.

Тот всенародный праздник, состоявшийся в Белокаменной, подробно описан в камер-фурьерском церемониальном журнале. 9 июля 1775 года государыня отстояла всенощную в Успенском соборе. Утром 10 июля царский поезд торжественно прошествовал от Пречистенских ворот в Кремль. Вдоль улиц стояли войска, толпился народ. В десять часов Екатерина II в малой императорской короне и пурпурной мантии, подбитой горностаем, проследовала в Успенский собор. По левую руку шёл Румянцев, по правую — дежурный генерал-адъютант Потёмкин. Пурпурный балдахин над императрицей поддерживали четыре генерал-поручика и восемь генерал-майоров. Румянцев считался главным героем победной войны — но и значение Потёмкина, к неудовольствию ревнивого Задунайского, заметно возросло. В тот день Потёмкина пожаловали в графы, наградили шпагой и портретом императрицы, усыпанным алмазами. В романтической истории императрицы и Потёмкина то были лучшие дни.

Потёмкин ещё прислушивался к Румянцеву, в политической сфере он ещё чувствовал себя неуверенно, но быстро набирался опыта.

Румянцев — и без того не бедствовавший — становился сказочно богатым землевладельцем. В Малороссии поля его были необозримы... Много жаловала императрица, но граф и сам увеличивал владения рачительной и прижимистой хозяйственной политикой. Такие не разоряются! Если ты богат и прижимист — можно чувствовать себя независимым от Петербурга, от Потёмкина, от переменчивой фортуны. В обустроенном подмосковном имении Кайнарджи Румянцев почти не появлялся: его

убежище — подальше от конкурентов, в Вишенках, в Ташани, на земле малороссийской.

Ещё и весной 1776 года Румянцев видел в Потёмкине своего человека и даже пытался воспользоваться его возросшим до небес влиянием. Так, он писал сыну: «Граф Михаила Петрович! Петр Васильевич отдаст вам сие, и может быть, и еще два, одно к Государыне, а другое к графу Григорию Александровичу. Они, по содержанию, касаются моих владений; и вы, коли изберет он приличнее отдать вам для вручения Графу Григорию Александровичу, скажите, что я оные вам адресовал, а попросите его именем моим о свершении полезном и скорейшем, во избежание следствий разорительных, кои терпеть буду я должен, если сие не примет желаемого и скорого окончания. Благодарю при том за уведомления, к особливому моему удовольствию, о вашем благополучном пребывании, буду, как всегда, к вам с искреннею любовию».

Между тем звезда Потёмкина поднималась всё выше. Румянцев ревновал мучительно, хотя никогда не стремился к альковному успеху в отношениях с монархиней. То была ревность не кавалера, но стратега.

Но Румянцеву всегда хватало дипломатических талантов, чтобы скрывать эмоции... С Потёмкинским он держался как старый добрый товарищ. Пётр Александрович вообще был способным лицедеем — а когда ему надоедало притворяться, он просто исчезал, даже не утруждая себя сочинением предлогов.

Он ещё умел сочинять велеречивые и в то же время приятельские письма недавнему своему выдвиженцу: «В предыдущем моем, мой Вселюбезнейший Друг, я тебе сказал, что, уклоняясь от звуку и гуку городского, удалился я на уединение; но сие

не так отдалено, чтоб меня не сыскали мои близкие. Причиною сего моего к тебе — Александр Васильевич Салтыков, много меня одолживший своими услугами к моей матери; и ты мне, став посредником и надеждою окончания его весьма резонабельного искания, сделаешь наичувствительнейшее одолжение. Покажи, мой Милостивый граф, свое пособие сему человеку, доложив прозьбу его Государыне, а я все, что от тебя для него будет, прииму на счет свой.

Моим желаниям всегда противустоят разные препоны; я уже собирался ехать отсель, но была столь великая стужа, что с нуждою мог я только сидеть в избе, не выходя ни ногой из оной. Теперь стало полегче, однако вместо того новая преграда, с сильным ветром бывшая более суток метелица, поделала на всех полях престрашные горы, и такие, что уже вовсе нет удобства двинуться с места. Я потому, в ожидании лучших дней, поживу еще несколько, а после, хотя в самой вещи и печально, от стужи к теплу предприму свои меры. Но где бы я ни был, сохраню везде непреложно то истинное мое почтение и беспредельную преданность, с которыми во все дни жизни буду сердцем и душой преданнейшим и всепокорным слугою».

Они ещё повоюют вместе. После Кючук-Кайнарджийского мира Потёмкин разубедит императрицу награждать его Георгием 1-й степени: слишком велико было уважение к этому ордену, а генеральных батальев Потёмкин не выигрывал. Он удовлетворился заслуженным Егорием 2-й степени и надеялся, что главные его победы впереди.

Глава пятая
СТАРЕЮЩИЙ ЛЕВ

*Пари — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя. —
Простри твой поздний блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.*

Г. Р. Державин

Сераскир, а не визирь

В первые годы после Кючук-Кайнарджийского торжества Румянцеву пришлось бывать в Петербурге чаще, чем он привык, хотя своей епархией и отдушиной в мирное время он по-прежнему считал Малороссию. Он и к украинским делам теперь относился без былого рвения.

К середине 1780-х нельзя было скрыть: фельдмаршал постарел. Грузный, одышливый, уже не стремительный в движениях... Мысль по-прежнему искрилась в его глазах, но исчезло желание действовать, как будто полководец утолил жажду побед.

«Фельдмаршала вижу часто, езда к нему. Он еще не похож на обыкновенных стариков; но против Румянцева он чувствительно изменился. В рассуждении заслуг и своей славы он бессмертен, а по своему теперешнему положению властно как бы он умер», — писал Завадовский, приехавший к своему благодетелю в Вишенки. Словечко найдено... «Как бы умер»... «Впрочем, бодрее он духом, нежели в лучшее свое время, даже до того, что говорит часто правду,

несмотря на людей случайных», — добавляет граф. Да потому и отбросил Румянцев дипломатию, что уже не стремился к власти и даже разочаровался в политике. Хотя и послеживал, конечно, за будущим театром военных действий. А Завадовский (как и Безбородко, как и Воронцовы) всё не терял надежд на новое возвышение графа Задунайского. «Орлам случается и ниже кур спускаться», — эту басню Крылова можно применить к годам, когда Румянцев, после невиданных триумфов, оказался в империи на вторых ролях.

После Кючук-Кайнарджийского мира Россия наступала на Османскую империю планомерно и неотразимо. Дипломатия Потёмкина работала на полную мощь. Румянцев участвовал в присоединении Крыма — и именно тогда его отношения с будущим князем Таврическим обострились.

На грузинском направлении речь шла о спасении православного народа, с древности связанного с судьбами Руси. Царь Ираклий сделал ставку на союз с Россией — и не прогадал. Для турок Георгиевский трактат, по которому Картлийско-Кахетинское царство перешло под протекторат России, был пощёчиной. Русский посланник в Константинополе Булгаков прямо потребовал от Порты не тревожить границы царя грузинского...

Вторая екатерининская Русско-турецкая война положила конец борьбе за Крым, Дунай и Причерноморье. В летописи славы русского оружия не найти более ярких страниц. Сопоставимые — бывали, конечно, но более ярких и представить нельзя.

Верный согладатай Румянцева в столицах — Пётр Завадовский — в подробностях пересказывал обстоятельства, о которых малороссийский затворник не знал: «Мы пугали турок, они готовились — и нам

нечаянно войну объявили. Император [Иосиф II] за нас противу их, наверно, воевать станет. Происшествие сие здесь никого не потревожило. Соделанные успехи орудием, в ваших руках бывшим, подкрепляют надежду. Участие чужих дворов еще теперь закрыто, разве в течение его узнаем. Всякая война ненадежна, но обороняться есть необходимость, а она приключилась в голодный год. Наветы с достоинствами всегда неразлучны. Ежели есть злословящие, то напротив вся Россия — проповедник ваших добродетелей и заслуг. Общее желание, чтоб Господь укрепил ваши силы в этом нужном случае для отечественного блага. Не судите по первым видам; на дух и в руки ваши все обратится». Подтекст ясен: Завадовский надеялся, что Румянцев постепенно перехватит власть над армией у Потёмкина — и добавит к кагульским лаврам новые. Насколько искренне хитроумный Пётр Васильевич верил в такую перспективу — одному Богу известно. Но Потёмкина он боялся и не любил, а Румянцева не предал ни разу.

О ненависти Потёмкина к Румянцеву сочинено немало баек. Как всегда, прилежно проявил себя Казимир Валишевский. «Потёмкин устроил так, что он не мог ничего делать: ему не давали ни войск, ни провианта, ни боевых припасов, ни случая сражаться. В 1789 г. ему надоело командовать воображаемой армией против неприятеля, которого нельзя было открыть; он не находил возможности выйти с помощью какой-нибудь смелой импровизации из круга, в который его замкнули, и стал просить отставки. На этот раз просьбу поспешно исполнили», — бодро рапортовал польский историк в своём широкоизвестном сочинении о екатерининском времени — «Вокруг трона».

Конечно, всё это — беллетристические преувеличения. Потёмкин взвалил на себя ношу невыносимую — и разрывался на части, подчас впадая в апатию и гнев. Бывал он эмоционален и отходчив. А взаимоотношения с Потёмкиным складывались противоречиво, запутанно — как и подобает в большой политике. Румянцеву не удалось превратить Потёмкина во второго Завадовского: из Григория Александровича получился не дежурный фаворит, а политический исполин. И в период между двумя войнами он возвысился над Румянцевым. Бывший подчинённый и выдвигенец стал «полудержавным властелином», да ещё повлиятельнее Меншикова. Честолюбивый полководец не в силах был перенести такой поворот безболезненно. Румянцев не подавал виду, общался с Потёмкиным дружески, со сдержанной теплотой. Но двоим медведям в одной берлоге не ужиться — и Румянцев поселился на обочине империи, благо ореол славы над его головой не рассеивался. Чувствовал Пётр Александрович, что императрице его присутствие не слишком приятно, и среди ближайших советников она его не видит. Что ж, «на службу не навязывайся...».

Империя развивалась по потёмкинским планам — размашистым, но реалистичным. Освоение земли, для которой императрица подберёт определение Новороссия, мирное присоединение Крыма, притеснение османов за Дунаем. Стиль Потёмкина мало кому пришёлся по душе, кроме тех, кто всем был ему обязан: князь Таврический не утруждал себя заботой о собственной репутации и потому нередко производил впечатление взбалмошного временщика. Чтобы разглядеть в нём государственного деятеля, а в его смелых проектах — разумную линию, нужно было расстаться со многими предрассудками. А старе-

ющий гордец Румянцев со своими предрассудками сжился. Конфликта не было, но охлаждение во взаимоотношениях чувствовалось.

В военно-политической борьбе за присоединение Крыма Румянцев играл не последнюю, но и не первую роль. Он координировал шаги Прозоровского и Суворова, действовавших в Крыму в то — мирное — время; они посылали ему реляции, он их наставлял, но главные нити не выпускал из рук Потёмкин, с которым Румянцев тоже вёл переписку. Переписку вроде бы «на равных», но с соблюдением правил игры, в которой Григорий Александрович единственный имел право на инициативы.

Триумфальное путешествие императрицы Екатерины по югу России турки восприняли нервно. Оттоманская гордость требовала реванша. Британия обещала Константинополю поддержку, поддерживала честолюбивые мечтания османов и Франция. Европа в те годы с особенной ревностью относилась к усилению России.

В 1787 году Турция выдвинула Российской империи ультиматум с требованием восстановления вассалитета Крымского ханства и Грузии и заявила о праве досмотра кораблей в проливах — Босфоре и Дарданеллах. Незадолго до этого русский посланник Яков Иванович Булгаков — один из наиболее способных сотрудников Потёмкина — уже отвергнул требование отказа от Крыма. Дипломата арестовали и заточили в Семибашенном замке. Война! Булгакову в заточении удастся невозможное: он сумеет добывать и посылать в Россию секретные сведения о турецких морских операциях. Тому способствовала система агентов, созданная Потёмкиным во всех сопредельных России странах. На это светлейший не жалел денег и сил — и не прогадал.

Перед войной Потёмкину удалось преобразить армию — в немалой степени с помощью румянцевского «Обряда службы». Не успел светлейший построить флот, сопоставимый с турецким: на море приходилось в высшей степени воевать не числом, а умением. Но и вторая из екатерининских Русско-турецких войн будет далека от максимы: «Всё для фронта, всё для победы». Старались победить османов относительно малыми силами, без перенапряжения, — учитывая и северную опасность: ведь летом 1788 года началась война со Швецией. Завадовский навязывал высшему обществу идею о назначении Румянцева — грозы турок — командующим главными силами.

Против турок действовали две крупные армии — Екатеринославская и Украинская. В первой насчитывалось более 80 тысяч, во второй — 37 тысяч солдат. И на многочисленное пополнение рассчитывать не приходилось. Румянцев возглавил Украинскую армию — вторую по значению, вспомогательную, в которой ощущались всяческие нехватки. Преданные товарищи восхищались стоицизмом старого фельдмаршала, которого поставили явно ниже Потёмкина. Румянцев мог отказаться от унижительного назначения, но из патриотических соображений принял армию. Пётр Александрович всё ещё лихо сидел в седле, но недуги вынуждали его больше времени проводить в ставке, в удобной ясской квартире.

Империя в те годы находилась на взлёте, и во главе обеих армий встали исполины. Но и Румянцев, и Потёмкин в то время страдали от телесных недугов, обоим приходилось ежедневно преодолевать боль. Война начиналась напряжённо, турки пытались использовать своё преимущество на море.

В сентябре 1787 года Потёмкин получил сведения о гибели Севастопольской эскадры, с которой связывал немало надежд. Эскадра под командованием адмирала Войновича шла к Варне, чтобы, по приказу Потёмкина, продемонстрировать врагу наступательный порыв. Но у мыса Калиакрия случился сильный шторм — и первые вести привели светлейшего в ужас. Он писал императрице: «Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому. Верьте, что я себя чувствую; не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв; я все милости и имение, которое получил от щедрот ваших, повергаю стопам вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу, чтоб он вступил в начальство, но не имея от вас повеления, не чаю, чтоб он принял. И так, Бог весть, что будет. Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком. Но что я был вам предан, тому свидетель Бог».

Он и впрямь — подобно Фридриху после Кунерсдорфа — готов был сквозь землю провалиться. Письмо Румянцеву Григорий Александрович написал в тот же день — оно во многом повторяет те же мысли. Примечательно, что в минуту отчаяния Потёмкин обращался к Екатерине и Петру Александровичу — двоим самым уважаемым людям:

«Я с чувствительностию получил последнее ваше письмо. Сие чувствование во мне соразмерно моему почтению ваших достоинств, моей привязанности к вам и истинно сыновнему чувству. Теперь уведомляю вас о горести моей, ибо с некоторого времени я не получаю приятного... Флот неприятельский многочислен и весь теперь в Черном мо-

ре. Я и прежде намерения не знал, что они облягут берега, возможные для десанта, с разных сторон. Разные заботы к отражению, магазейны и больные, которых прикрывать должно, так разделят силы, что, наконец, выдержать не будут в силах. Я теперь отправляю курьера ко Двору, представляя все обстоятельства и доложу, чтобы из Крыма вывести войски».

Вывод войск с полуострова — крайний шаг, и на него Потёмкин готов, чтобы сосредоточиться на наступлении под Херсоном и на Кубани. Но он колебался — и, отбросив маски, обращался к графу Задунайскому задушевно и нервно:

«Граф Пётр Александрович, прошу вас, как отца, скажите мне свою на сие мысль. Что бы ни говорил свет, в том мне мало нужды, но мне важно ваше мнение. К тому же моя карьера кончена. Я почти с ума сошел. Теперь я приказал атаковать флот Очаковский, и тут игра идет на то, что корень вон или полон двор. Наступать еще не с чем, пехота тянется. Ей-Богу, я не знаю — что делать. Болезнь угнетает — ума нет. Государыня изволила мне писать, что к вам письмо придет о принятии начальства, но я получил от вас, что еще такое повеление не дошло... Прости, мой Милостивый Государь, скоро, может быть, обо мне и не услышите, и не увидите. Верно знайте, что вас душевно любил».

И Пётр Александрович нашёл в себе силы утешить Потёмкина, впавшего в отчаяние. Его ответное письмо было в высшей степени тактичным и мудрым, в нём — ни тени карьеризма или — не дай боже — тайного торжества:

«Ваша болезнь одна только меня и тревожит. ...А потому и по моей любви к Отечеству я от всего сердца желаю, чтобы ваше здоровье совершенно

восстановилось, и чтоб флот атакующий Очаковский возымел лучшую удачу, и чтоб пошедший из Севастополя возвратился с победой. Может быть, вестники, не бывшие участниками в бою и потерпевши от бури, полагают и всех иных погибшими, что нередко у нас и случалось».

И ведь прав оказался «русский Нестор»! А вслед за этим — деловым — он послал Потёмкину более личное письмо, в котором порадовался, что недоумениям между ними пришёл конец, дружба возобновилась — и сплетники, которым выгодна ссора двух фельдмаршалов, посрамлены.

Румянцев искренне не стремился к командованию над двумя армиями и флотом. Свой удел в этой войне он, возможно, видел в идеологическом руководстве армией. Императрица тоже не желала менять коней на переправе — и послала рескрипт о назначении Румянцева командующим не самому графу Задунайскому, а Потёмкину. Чтобы князь Таврический отдохнул, всё обдумал — и распорядился бумагой по своему усмотрению. «Дай Боже, чтобы ты раздумал сдать команду фельдмаршалу Румянцеву», — писала Екатерина. А тут пришла и спасительная весть: Румянцев оказался прав, вестники преувеличили потери. Уничтожен один фрегат и один корабль, почти вся команда жива.

Командующий Екатеринославской армией пришёл в себя, воодушевился и с прежней энергией вернулся к командованию. Отставка не состоялась — хотя Завадовский попытался использовать замешательство Потёмкина в своей игре. Эти действия друзей Румянцева снова настроят светлейшего против него.

В кампании 1787 года наиболее жаркие сражения произошли на Кинбурнской косе — тактиче-

ски важнейшем участке, где располагался корпус Суворова. Турки неоднократно тревожили русских с моря, а однажды, 1 октября, высадили многочисленный десант, который Суворову удалось разбить в кровавом сражении. Это воодушевило русскую армию. Но кинбурнские бои показали: за годы, прошедшие после Кючук-Кайнарджийского мира, турки вызубрили военную науку и готовы сражаться яростно, как никогда прежде.

В 1788-м в войну включилась Священная Римская империя. Австрийцы взаимодействовали как раз с армией Румянцева — в Подолии, под Хотинном. Для помощи австрийцам граф Задунайский к лету выделил корпус Ивана Петровича Салтыкова. Вместе с войсками принца Кобургского Салтыков приступил к осаде Хотина.

Румянцев к тому времени стал по-настоящему легендарной личностью. За отсутствием жёлтой прессы, о нём ходили устные рассказы — это продолжится даже после смерти полководца.

Пересуды о екатерининском фельдмаршале записывал Пушкин — ценитель исторических анекдотов. Особенно полюбился ему случай в походе, когда Румянцев преподавал урок не слишком дисциплинированному офицеру, — очередной пересказ уже известного читателю эпизода с офицером в халате. («Граф Румянцев однажды рано утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то майор в шлафроке и колпаке стоял перед своею палаткою и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его перед собою лицом к лицу. Майор хотел было скрыться, но Румянцев взял его под руку и, делая ему разные вопросы, повёл его с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный майор был в отчаянии. Фельдмаршал, раз-

гуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Майор, умирая от стыда, очутился посреди генералов, одетых по всей форме. Румянцев, тем ещё недовольный, имел жестокость напоить его чаем, а потом уже отпустил, не сделав никакого замечания».)

После Кагула Румянцева считали новым Юлием Цезарем, непреклонным завоевателем, который не считается с превосходящими силами противника. Но на кагульский поход можно решиться лишь раз в жизни — по крайней мере, так сложилось в биографии Румянцева. В дальнейших кампаниях он не без успеха переигрывал турок стратегически, но от оглушительной наступательной тактики отказался.

В новой войне о повторении Кагула Румянцев и не мечтал, хотя в прежние годы, быть может, нашёл бы возможности для атаки османских позиций. Куда там! С основными силами он прикрывал осаду Хотина, не допуская опасных стычек с многотысячными силами турок. Однажды турки попытались прорвать блокаду Хотина, затем сосредоточили значительные силы у Рябой Могилы — на местах бывлой боевой славы Румянцева. Граф неспешно, но уверенно маневрировал, турки не решились на прямое столкновение и отступили к Фокшанам. Преследовать их Украинская армия не стала. Румянцев удовлетворился тем, что вскоре после отступления турок от Рябой Могилы, в сентябре 1788-го, гарнизон Хотина капитулировал. Для австрийцев это было важное известие: после падения Хотина ви-зирь согласился на перемирие с ними, а до сентября туркам удалось потревожить «цесарцев» на их территории.

К концу лета Украинская армия расположилась между Днестром и Серетом. Штаб Румянцева нахо-

дился в Яссах. Граф недурно знал эти края, успел полюбить их, чувствовал себя в Яссах как в собственном поместье. Ему удалось прикрыть от неожиданного наступления турок Екатеринославскую армию, действовавшую под Очаковом.

Впрочем, для Румянцева 1788 год окрасился в траурные тона: 4 мая на девяностом году жизни умерла Мария Андреевна, вечная статс-дама, мать полководца. Последняя, для которой он оставался неугомным озорником.

В мае 1788-го Екатеринославская армия продвигалась к Очакову. Началась длительная осада важнейшей турецкой твердыни. «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу», — иронически комментировал Суворов долгое стояние у стен крепости. «Очаков — не Троя, чтобы его десять лет осаждать», — пустил свой афоризм и Румянцев, верно, вспоминая, с какой яростью в прежние годы сжимал кольцо вокруг Кольберга. Потёмкин предпочитал действовать методично, но вылазки турок из крепости наносили осаждавшим заметный урон. На приступ светлейший решился только зимой: штурм прошёл в ночь на 6 декабря, при 23-градусном морозе.

После Очаковской победы роль Потёмкина снова возросла. Светлейшего, Суворова и некоторых других генералов наградили в Петербурге. А действия Румянцева императрицу не устраивали. Она всё чаще указывала на его медлительность и неповоротливость во главе Украинской армии. Свидетельством тому — записки Храповицкого. В июле 1788-го, когда Румянцев объяснил свою неторопливость нехваткой штыков, императрица воскликнула в раздражении: «Он больше никогда не имел: при Катульской баталии было 15 тысяч». В конце января 1789-го — ещё резче: «Граф П. А. Румянцев-Задунайский дает

ордера с явным противоречием прежним. Лучше бы пошел в отставку».

Румянцев улавливал настроения властей — и в начале 1789-го сам написал Потёмкину: «А по моему обыкновению, не скрываясь, вам говорю, что не может лучше и пойтить наше дело в сем краю, верно как под одним вашим начальством».

А кампания началась рано: в апреле 1789-го Украинская армия уже действовала активно. На левом берегу Нижнего Дуная визирь сосредоточил немалые войска, тревожившие австрийцев. Им на помощь Румянцев посылает корпус генерала Дерфельдена, который за две недели наносит туркам три поражения.

К началу марта решение принято. «Моё мнение есть — фельдмаршала Румянцева отозвать от армии и поручить тебе обе армии, чтобы дело согласнее шло», — пишет Екатерина Потёмкину. Вскоре последовал императорский указ о соединении Екатеринославской армии с Украинской под командованием Потёмкина.

Снова начиналась дипломатическая игра: императрица намечала Румянцева для командования над иллюзорной армией, которая была бы сформирована в случае войны с Пруссией. Явиться в Петербург Румянцев отказался, попросился на лечение за границу. Императрица позволила ему выехать на воды — но Румянцев оставался в Яссах, при армии. «Его присутствие в Молдавии подает случай слухам, моим и общим делам вредный. Я желаю и требую, чтобы он выехал из Молдавии», — писала императрица, но фельдмаршал не покидал Ясс до конца кампании. К этому времени относится исторический анекдот о том, что Суворов и после отставки Румянцева — из великого уважения к учителю — демонстративно

посылал ему рапорты, как будто граф Задунайский оставался командующим. А для Суворова кампания 1789 года ознаменовалась блистательными победами при Фокшанах и Рымнике — как раз в румянцеvской епархии, на территории, где должна была действовать Украинская армия.

Только осенью, когда утихли бои, Пётр Александрович отбыл в своё поместье Жижи, а оттуда — в любимые Вишенки. Пленные турки запустили точную фразу: «В прошлую войну он был визирь, а теперь только сераскир». Могли бы добавить ещё латинскую поговорку: «Так проходит мирская слава».

О взятии Измаила и Мачина, о морской победе Ушакова при Калиакрии Румянцев узнавал уже из дружеской переписки. Как и о смерти Потёмкина 5 октября 1791 года. Не так много времени прошло после их совместных действий в кампании 1788-го...

«Вечная тебе память, князь Григорий Александрович», — сказал со слезами на глазах Румянцев, узнав о кончине Потёмкина, и, заметив недоумение своих приближённых, прибавил: «Князь был мне соперником, может быть, даже неприятелем, но Россия лишилась Великого человека, а Отечество потеряло сына бессмертного по заслугам своим!» Эту минуту запомнили многие.

Война завершилась победно. Османскую империю сломали, на Чёрном море утвердились. Блистали победами ученики Румянцева — Суворов и Репнин. Ясский мир был заключён, разумеется, без участия Румянцева.

В росписи «О пожалованных за службу и труды наградах и милостях, присвоении чинов и званий и назначениях», составленной в сентябре 1793 года, имя старого полководца стояло первым — по стар-

шинству, даже прежде более щедро награждённого Потёмкина: «Генералу-фельдмаршалу Графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, в начале войны предводительствовавшему Украинскою Армиею, за занятие части Молдавии Всемилостивейше жалуется шпага с алмазами».

Шпагу эту Румянцев получил в Ташани, уезжать откуда не желал, да и здоровье не позволяло. Увы, от болезней дипломатических Румянцев перешёл к самым настоящим, старческим.

Конец королевства Польского

Год 1794-й начинался тревожно и суетливо, хотя для Румянцева тишина украинской ночи оставалась неизменной. Другое дело — столичный «великолепный карусель», от которого голова болит и спину ломит.

Для императрицы и для империи никто не сумел заменить Потёмкина — даже высоко взлетевший Платон Зубов, о разнообразной, хотя и не слишком бурной деятельности которого малороссийский отшельник узнавал от верных друзей, не забывших его и в зкатные годы. Румянцев говорил о болезнях гораздо реже, чем они давали о себе знать. А страдал от физической немощи всерьёз — и к новой славе не стремился, да и не ожидал от «премудрой Фелицы» ни милостей, ни назначений.

Однако в апреле 1794-го Румянцев получил удивительно ласковое письмо императрицы. Такие письма переворачивают жизнь даже в неповоротливом возрасте: «Всегда я надеялась, что где идет дело о пользе службы моей и о добре общем, вы охотно себя употребите, в чем и имела уверение, как пись-

мами вашими, так и чрез детей ваших. Время к тому теперь настает, и я не сомневаюсь, что вы, приняв знаком истинной моей к вам доверенности и особого благоволения, поручение главного начальства над знатною частию войск моих по границам с Польшею и Турциею, в трудных нынешних обстоятельствах употребите ваше рвение и ваши отличные дарования, которыми не один раз доставляли вы славу оружию российскому. Знаю, что телесные силы ваши не позволяют вам снести всех трудностей военных, но тут нужно главнейшее ваше наблюдение и ваше руководство ими. При помощи Божией дела исправлены и до желаемой степени доведены будут. От вас зависит избрать место для пребывания вашего по соображению разных удобностей в получении известий и в снабдении наставлениями. Будьте в протчем уверены, что труд, вами подъемлемой на пользу отечества, принят мною будет в полной его цене и с особливым признанием. Дай Бог, чтоб вы преуспели в подвигах ваших и тем новую оказав услугу, новую себе приобрели славу».

Что это означало? Войсками, действовавшими против взбунтовавшейся Польши, командовал Репнин, но действовал он весьма неудачно и быстро утратил доверие императрицы. На южных рубежах генерал-аншеф Суворов весьма энергично приводил в порядок укрепления. Выходит, все они попадали под командование графа Задунайского.

К польским делам Румянцев относился с особенным вниманием: не только как патриот Российской империи, но и как правитель Малороссии. Соседнее государство он воспринимал как зону своей ответственности — быть может, потому и не уклонился от назначения, хотя мог бы найти уважительную причину для отказа.

Шляхетская демократия ослабила Польшу. Воинственный и в недавнем прошлом победительный народ потерял способность отстаивать свою независимость. Но в сынах Речи Посполитой ещё жил польско-литовский завоевательный дух — и духу этому было тесно между Пруссией, Россией и Швецией.

Сведения из Варшавы поступали невероятные, фантастические. Несколько лет Польское королевство пребывало в военно-политической зависимости от России. Король Станислав Август — бывший нежный друг Екатерины (тогда ещё — не императрицы) — считался ставленником России. Но счёты поляков к русским накапливались, и глубинное недовольство екатерининской опекой вылезло наружу, когда русский генерал и посол Осип Андреевич Игельстрём, командовавший войсками империи, пребывавшими в Польше, начал роспуск польских войск. Что и говорить, для польских патриотов это — щелчок по носу, оскорбление.

Игельстрёму не хватало дипломатических дарований, но польское свободолюбие и без внешних раздражителей рвалось из теснин государственного кризиса. Генерал Антоний Мадалинский не подчинился, выступил из Пултуска со своими кавалеристами. К нему присоединялись другие отряды. Мятежный корпус напал на русский полк, затем — на прусский эскадрон, разбил их и с триумфом отошёл к Кракову. Тут же в Польшу, в Краков, явился Тадеуш Костюшко, признанный вождь революции — идеолог и практик. На рыночной площади Кракова он произнёс свою клятву и был избран главным начальником восстания: это событие навсегда останется культовым в истории Польши. Военный инженер по образованию и революционер по призванию.

нию, он уже воевал против русских в рядах барских конфедератов, после чего сражался за океаном, в армии Джорджа Вашингтона, от которого получил генеральское звание.

Игельстрём пребывал в Варшаве с восьмьютысячным корпусом. Тем временем Костюшко успешно сражался с русскими армиями Торماسова и Денисова под Рославицами. Бурлила и Варшава. Инсургенты решили атаковать русских воинов в Страстную субботу. Для Игельстрёма такой поворот стал неожиданностью. Это был трагический день для русской армии, величайшее потрясение екатерининской России. Четыре тысячи солдат и офицеров было убито, остальные с потерями отступили из Варшавы к Ловичу. Прискорбные подробности того дня возмутили русское общество: говорили, что один из батальонов Киевского пехотного полка перерезали в православном храме, во время пасхальной службы. Король (напомню, всем обязанный Екатерине и России!) попытался сгладить ситуацию, предлагал выпустить русских из города, но в тот день Станислава Августа не слушала даже его собственная гвардия. 6 апреля 1794 года останется в истории как варшавская Варфоломеевская ночь.

Побоище русского гарнизона случилось и в Вильне. Гарнизон генерала Исленьева частично перебили, частично пленили: многих поляки застали врасплох во сне. Немногим удалось выбраться из города: эти войска добрались до Гродно, на соединение с отрядом генерала Цицианова. Этому неунывающему, решительному и изобретательному воину удалось предотвратить аналогичный погром в Гродно: Цицианов при первой попытке восстания ударить по городу артиллерией. Угроза возымела действие. Но гродненский эпизод был редким успе-

хом русских в первые месяцы восстания... А находчивость Цицианова превратила сорокалетнего грузинского князя и остроуслова в легенду.

До Румянцева дошёл и слух о реакции Екатерины на неповоротливые действия Игельстрёма в роковую ночь: «Счастлив этот старик, что прежние его заслуги сохраняются в моей памяти!»

Дела союзников в Польше шли хуже некуда. Костюшко, принявший чин генералиссимуса, превосходно организовал оборону Варшавы — и осада окончилась для русско-прусского корпуса провалом. Уничтожение небольших польских отрядов, суетливые марши по окраинам Речи Посполитой не приносили успеха. И дипломатия, и военные в Петербурге пребывали в растерянности: польская проблема представлялась критической, и залечить эту кровоточащую рану, казалось, было нечем. Авторитет империи был поколеблен энтузиазмом Костюшко и польским католическим национализмом. Горячие головы уже проводили аналогию с французскими событиями, а тут уж для Северной Паллады было недалеко и до сравнений с судьбой несчастного Людовика...

Затянулась война — и в случае турецкой агрессии Россия оказалась бы в чрезвычайно сложном положении. Да и без турецких шалостей ситуация потребовала поиска виноватых. Общее командование разбросанным по городам русским 50-тысячным корпусом осуществлял князь Н. В. Репнин, давний проводник русской воли в Речи Посполитой. Из столицы операциями руководил князь и генерал-аншеф Н. И. Салтыков, возглавлявший Военную коллегию — один из самых влиятельных представителей партии Зубова. Довести до ума намерение уничтожить революцию им не удавалось — и Репнина

уже бурно критиковали и царедворцы, и офицеры. Можно было ожидать, что управленческий центр тяжести переместится в усадьбу Румянцева — но добиться единовластия в такой ситуации непросто.

А Польша пылала. Восставшие не могли забыть, как безропотно король следовал высокомерным предписаниям Репнина, как превращался в марионетку. Теперь Станислав Август пытался сотрудничать с Костюшко, не искал антиреволюционных тайных связей с русскими и пруссаками. В Варшаве всё громче говорили о традициях Французской революции, действовали якобинские клубы, с кафедр возносилась хвала Робеспьеру. Король в такой ситуации не мог чувствовать себя комфортно. Но Костюшко не стал разжигать антимонархический костёр; борясь с иноземцами, он искал компромисса в отношениях с королём-поляком. Революционный Верховный совет, переборов презрение, оказывал Станиславу Августу знаки почёта. В то же время Костюшко заключил короля в своеобразную блокаду, контролируя его переписку и передвижения. Когда Станислав Август посетил строительство пражских укреплений на подступах к Варшаве, горожане оказали ему весьма холодный приём. Кто-то даже бросил дерзкую фразу: «Лучше уйдите отсюда, ваше величество, всё, за что вы берётесь, заканчивается неудачей».

Словом, Екатерина обратилась к Румянцеву в прологе, как представлялось, тяжёлого кризиса. Беда никогда не приходит одна — каждому политику это известно. Одновременно с польскими трагедиями в полосу напряжения вошли отношения со Швецией. Оставалось ждать неприятностей и от Турции.

Румянцев быстро сориентировался в запутанной ситуации. Дух победителя в нём не угас, и честолю-

бие не зачало окончательно. Правда, об изматывающих походах не могло быть и речи... Получив сведения о поражениях русских и европейских частей в Польше, Румянцев решил опереться на полководца, который неизменно побеждал, то есть на Суворова. Суворову уже приходилось сражаться в Польше — в те месяцы, когда Румянцева целиком поглощали дела турецкие. Сражался Суворов в Люблинском воеводстве победно — Румянцев знал, что поляки помнили твёрдую руку русского генерала и ошеломительную быстроту передвижения его войск. Разумеется, Румянцев не относился к Суворову как к гению — он был и оставался для него подчинённым. И некоторые качества генерал-аншефа вызывали беспокойство графа Задунайского. Суворов — истый приверженец наступательной войны, и подчас его движения авантюристичны. А в Польше его ждёт война полупартизанская — не попадёт ли он в ловушку? Но Суворов всегда побеждал, на его стороне военное счастье, да и Польшу знает хорошо. Во время похода Румянцев будет «придерживать» Суворова, но командовать по переписке невозможно, когда события меняются так быстро, как в 1794 году.

Назначение Румянцева Суворов приветствовал в коротком письме к нему: «Сиятельнейший граф милостивый государь! Вступя паки под высокое предводительство вашего сиятельства, поручаю себя продолжению вашей древней милости и пребуду до конца дней моих с глубочайшим почтением». Вроде бы — дежурный жест вежливости, но напоминание о «древней милости» переносило Румянцева в лучшие дни первой Русско-турецкой — во дни, предшествовавшие Кючук-Кайнарджийскому миру. И Осипу Де Рибасу (в те дни — адмиралу и устро-

ителю Хаджибея, будущей Одессы) Суворов писал: «Я очень доволен моим старым почтенным начальником», хотя ничего ещё не было сделано. Больше того — чтобы дорваться до настоящих сражений, Суворову предстояло несколько недель нервной переписки и раздумий.

Неизвестно, кто прозвал Румянцева «Российским Нестором» — но Суворов в те дни называл его именно так. Нестор — царь Пилоса; в «Илиаде» он почти не сражается, хотя в юности в одной из войн убил 101 врага. Нестор — самый рассудительный из героев Гомера, к нему прислушиваются даже самые яростные герои. Он старчески многоречив — и к этой его страсти Гомер относится не без иронии. При всей мудрости Нестора подчас он заблуждался, выдавал несправедливые оценки. Возможно, Суворов и эту особенность гомеровского героя имел в виду — хотя на первом плане здесь, конечно, уважение к опыту и мудрости. Карамзин откроет России и другого Нестора — нашего древнего летописца, но до этого времени имя Нестора прочно ассоциировалось с героем Гомера. В 1812 году В. А. Жуковский в своей «Песни во стане русских воинов» назвал Нестором Беннигсена. Графу Леонтию Беннигсену до Румянцева было далеко, но и он до призвания Кутузова считался старейшиной нашего воинства.

Петербург не торопился перебрасывать Суворова в Польшу — и Румянцеву приходилось маневрировать. А Суворов всячески добивался назначения в Польшу — и, конечно, не в подчинение к Репнину, которого презирал. Подчиняться он был готов одному Румянцеву. К Салтыкову оба полководца относились неприязненно — то есть кампания чревата была распрями.

13 июня Суворов пишет Задунайскому страстное и лаконичное послание: «С турками тогда война, как они армию по сю сторону Дуная, и близка, как они собиратца станут на черте Шумлы. Ныне обращаюсь я в ту ж томную праздность, в которой невинно после Измаила. Сиятельнейший граф! Изведите меня из оной. Мог бы я препособить окончанию дел в Польше и поспеть к строению крепостей». Суворов с энтузиазмом воспринял возвращение Румянцева к международным делам — и готов был быстро утихомирить Польшу, а затем — включить в войну с Турцией.

8 июля Суворов с небольшим отрядом прибывает в Немиров. Он помогает войсками русским частям в Польше, но сам никак не может дорваться до боевых действий. Война с Турцией никак не началась... В бурной послереволюционной обстановке бездействие казалось Суворову роковой потерей времени. От отчаяния он пишет прошение императрице (кроме того, аналогичное письмо посылает влиятельному П. Зубову): «Вашего императорского величества всеподданнейше прошу всемилостивейше уволить меня волонтером к союзным войскам, как я много лет без воинской практики по моему званию». Письмо это не встретило понимания — и Суворов так и не стал в 94-м году грозой революционных армий. Екатерина ответила воодушевляюще: «...ежечасно умножаются дела дома и вскоре можете иметь тут по желанию вашему практику военную... почитаю вас отечеству нужным, пребывая к вам весьма доброжелательна».

Суворов нервничал, подозревал, что героем приближающейся драмы назначат другого — да хоть Валериана Зубова. А его, Суворова, принудят только формировать войска, подносить оружие для других.

Он уже и Румянцева упрекал (разумеется, не в глаза и не напрямую) в нерешительности: время-то идёт, и Костюшко не складывает оружия, напротив, формирует войска.

Тем временем Петербург убедился в том, что на турецкой границе в ближайшее время сохранится мир, а польские дела требуют более серьёзного вмешательства. Широкий размах восстания непосредственно угрожал западным окраинам Российской империи. Наконец, в августе Суворов был назначен командующим армией, направляемой в Польшу. Кому он подчинялся? С одной стороны — Репнину, с другой — Румянцеву. Гордиев узел двойственности Суворов разрубил сам: он предпочёл действовать в связке с графом Задунайским. В письме Суворову Румянцев прямо определил суть новой миссии полководца: «Видя, что ваше имя одно, в предварительное обвещание о вашем походе, подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи». Румянцев, в отличие от Репнина, умел видеть кратчайший путь к победе.

Суворов в польском походе будет действовать самостоятельно, почтительно отписывая Румянцеву время от времени. Но дар дипломата и литератора в новой кампании граф Задунайский проявит с необыкновенной силой. Он снова почувствует себя правой рукой императрицы, приободрится — как сановник, от которого зависят судьбы многих стран.

К тому времени Румянцев успел несколько раз разочаровать Екатерину как полководец: императрица лучше других понимала, что он болен, что время его проходит. Но — во-первых, с возрастом ей всё чаще хотелось ощущать поддержку проверенных, старинных сотрудников. Вокруг императрицы вертелись совсем молодые люди — и в качестве дру-

зей и любовников они её привлекали. Но просыпалась и ностальгия по Вяземскому, по князю Таврическому... И по викториям Румянцева, которые восхищали весь мир. А главное — Румянцев десятилетиями управлял густонаселённой Малороссией, и в краю этом установилась благодатная тишина, сгладились противоречия. В случае раздела Польши кто, если не Румянцев, сумеет приструнить и приручить шляхту — новых подданных Российской империи? Такому мудрецу и ездить никуда не надо — достаточно, чтобы к нему стекались документы, чтобы ему исправно писали генералы, а уж Румянцев сумеет дать совет. Не ошибёмся, если предположим, что подтолкнул Екатерину Алексеевну к таким выводам хитроумный Безбородко. Потёмкин ушёл — и ничто не мешало повернуть монархиню лицом к «русскому Велизария». Стоит Румянцеву выйти на первый план — и в глазах многих немедленно поблекнут Зубовы. Ореол Кагула значит много! С византийским героем сравнивала своего фельдмаршала и Екатерина: «...все войско самое любит вас и сколь оно порадуется, услыша только, что обожаемый Велизарий опять их приемлет, как детей своих, в свое попечение». Сравнение двусмысленное: Велизарий сокрушал всех врагов Византии, а в особенности — опасных персов, но не избежал жестокой опалы. Императрица верно рассчитала психологический эффект от возвращения Румянцева к большим делам. Не появляясь в действующей армии, он удвоил её силы. А Пётр Александрович, в свою очередь, рассчитывал на пропагандистский эффект от назначения Суворова, храбрость которого Польша помнила твёрдо.

В начале августа императрица послала Румянцеву план грядущей Польской кампании — и в этом

документе (видимо, составленном при помощи Салтыкова) фамилия Суворова не упоминается ни разу. Румянцев самовольно выдвинул на первый план графа Рымникского — и нашёл для этого шага подходящее время. В результате Екатерина одобрит это решение Румянцева: «Назначение ваше генерала графа Суворова-Рымникского весьма для нас приятно и совершенно соответствует доказанным от вас и от него во многих случаях подвигам ревности ко благу и пользам отечества и удостоверяет нас в успехах и скорых и несомнительных до того, что твердую надежду полагаем, что руководством вашим деятельность и предприимчивость его прежде начатия зимы достигнут истребления возмутителей и тем конец сей войны положен будет в отвращение злых намерений естественных врагов России и в обеспечении польз наших повсюду».

14 августа Суворов выступает из Немирова с небольшим корпусом в четыре с половиной тысячи сабель в сопровождении лёгкого обоза — с этого-то дня и начинается знаменитая Польская кампания 1794 года. К сражениям Суворов готовился скрупулёзно, просчитывая варианты развития событий, составляя пространный приказ войскам, находящимся в Польше, о боевой подготовке. Весь опыт прежних кампаний — и Польской, и турецких, и Кубанской — отразился в этом блестящем руководстве. «При всяком случае сражаться холодным ружьём. Действительный выстрел ружья от 60-ти до 80-ти шагов; ежели линия или часть ее в подвиге на сей дистанции, то стрельба напрасна, а ударить быстро вперед штыками. Шармицыли не нужны, наша кавалерия атакует быстро и рубит неприятельскую саблями. Где при ней казаки, то они охватывают неприятеля с флангов и тылу».

Суворов движется к Бресту, соединяясь с новыми вверенными ему корпусами. В Ковеле 28 августа к армии присоединился корпус генерала Буксгевдена. На марше из Ковеля на Кобрин к Суворову должны были присоединиться войска генерал-майора Ираклия Моркова, который не раз надёжно выполнял боевые задания — в том числе и в критических ситуациях, на Кинбурнском мысе и под Измаилом. Суворов, как правило, сохранял уважительные отношения с генералами-соратниками, которых видел в деле, которыми был доволен. Увы, в случае с Морковым это правило не подтвердилось. 30 августа Суворов написал Моркову резкое письмо, отчитав его за трансляцию неверных сведений о противнике: «Доносили вы, будто неприятель из Люблина подсылал свои партии под самый Луцк, не именовав в сем доношении сих вестовщиков. Я вам замечаю сие как непростительное упущение, по чину и долгу вашему требую от вас разъяснения. А то сии курьеры, неизвестно от кого отправлены были и вами пересказываемое слышали, видя, что подобные тревожные известия от неприятеля нередко рассеиваются». Суворов с раздражением увидел в поступке боевого генерала бабью склонность к сплетне и не сдержал гнева. Возможно, у Суворова были и иные претензии к Моркову. После такой головомойки 44-летний генерал почёл за благо сказать больным и отпросился у Суворова долой с театра боевых действий.

В конце августа случились первые стычки казаков Суворова с передовыми польскими отрядами. 4 сентября авангард казачьего бригадира Исаева разбивает крупный отряд конницы Сераковского, а 6-го поляки дали русским первое серьёзное сражение кампании — при Крупчицах.

Войска Сераковского заняли удобную позицию с Крупчицким монастырём в тылу; пять хорошо укреплённых батарей прикрывали фронт. Бой с Бржеским корпусом генералов Мокроновского и Сераковского продолжался более пяти часов. Поляки потеряли убитыми до трёх тысяч из 17-тысячного корпуса и в беспорядке отступили, как писал Суворов, к Кременцу-Подольскому, а обосновались в Бресте. Потери русских убитыми и ранеными не превышали семисот человек. Румянцев поражался: как этот немолодой генерал сохранил прыть, как громит поляков... Уж Румянцев как никто понимал опасность положения Суворова и его армии.

Через два дня Суворов настигает шестнадцатитысячное войско Сераковского у Бреста. Цель Суворова была проста и ясна: уничтожить, рассеять, показать остальным противникам, что сопротивляться российской армии бесполезно. В час ночи 8 сентября суворовцы перешли вброд речку Мухавец, а в пятом часу утра — Буг — в обход польских позиций. Пехоту Суворов расположил в центре, по флангам — конницу: правое крыло — под командованием Шевича, левое — Исленьева. Центральной колонной командовал Буксгевден. Дежурным генералом при Суворове был координировавший общее командование генерал Павел Потёмкин, дальний родственник покойного князя Таврического, глаза, уши и правая рука Суворова в Брестском сражении.

Сераковский ждал нападения со стороны Тересполя. «Неприятель быстротою наших движений был удивлен», — пишет Суворов. Русские полки двигались через болота, выполняя приказ: «Патронов не мочить». Преодолев сумятицу, Сераковский меняет направление фронта; он выстроил свою пехоту в три колонны, артиллерию расположил между ними.

Русская атака, как обычно, не смутилась артиллерийским огнём и потеснила колонны Сераковского. Три польские колонны организованно отступили к более удобным позициям: и заняли высоты за дереушкой Коршином. Идти на приступ высот было затруднительно. С левого фланга ударила конница Исленьева. Две атаки полякам удалось отбить, с третьей Исленьев захватил несколько орудий и нанёс сильный урон польской пехоте. Подоспела и быстрая атака егерей. Сераковский отступил к лесу. С правого фланга, под артиллерийским и ружейным огнём, в атаку пошла кавалерия Шевича. Целая батарея неприятеля была изрублена. Сильно потрепал Шевич и соседнюю батарею. Исленьев, в свою очередь, успешно атаковал лесную батарею и завязал бой с третьей колонной Сераковского. Подоспевшие егерские батальоны довершили разгром. Поляки сражались стойко, к бегству прибегли слишком поздно — и потому на поле боя пали едва ли не все. Пали с честью.

Румянцев писал Зубову в Петербург: «Начало отвечает совершенно всеобщим мнениям о несравненном Суворове». Более всего его тревожило отсутствие согласия в действиях генералов... Салтыков не подчинялся Румянцеву напрямую.

Суворов остался доволен стараниями своих войск и генералов. Его восхитила кавалерия, уничтожившая плотные колонны Сераковского — лучших польских солдат. «В первый раз по всеподданнейшей моей... более 50-ти лет службе сподобился я видеть сокрушение знатного, у неприятеля лучшего, исправного, обученного и отчаянно бьющегося корпуса — в поле! На затруднительном местоположении», — живописно докладывал он Румянцеву. Особенно выделял он за Крупчицы и Брест гене-

рал-майора Исленьева и генерал-поручика Потёмкина: «Генерал-майор Исленьев, отправляя должность при мне главного дежурного, с отличными трудами и похвалою, особливо в обеих баталиях при Крупчиц и Бржесце, пособил весьма победам его благоразумными распоряжениями. Сей беспримерной храбрости генерал с левым крылом нашей кавалерии тотчас в карьере пустился в атаку, изрубил часть задней колонны и конницы, ея закрывающей, с содействием казаков под толь неустрашимым бригадиром Исаевым, бывши в двух огнях между колонн и пехотной засады с пушками, которая вся изрублена. Напоследок дорубили и докололи они ея, паки устроенную за деревнею Коршин» — это об Исленьеве. «Генерал-поручик Потемкин был всеместной директор атак! Сей муж великих талантов превзошел себя в сей знаменитый день» — это о Потёмкине.

Сражение продолжалось девять часов — до трёх часов дня. В тот день погиб практически весь корпус Йозефа Сераковского — спастись удалось сотне поляков, включая бежавших с поля боя генералов Сераковского и Понятовского. Третий генерал — Красинский — погиб. Следующие два дня казаки добивали в лесах неразоружившихся. Вся артиллерия Сераковского — 28 орудий с зарядными ящиками — оказалась в руках Суворова. Путь на Варшаву был открыт. А Румянцев не только хлопотал о наградах и отписывал в Петербург о победах, но и разрабатывал Варшавскую операцию.

Убитыми и ранеными русские потеряли под Брестом около тысячи человек. Суворов 10 сентября на панихиде по традиции произнёс слово о павших, затем в Бресте обошёл раненых. В переписке с Румянцевым Суворов откровенничал, не стесняясь

критиковать других генералов, задействованных в операции: «Дерфельдену околичности Гродни давно очистить надлежало, чая скорого сближения Ферзена; отсюда я его к тому побудил, уведомляя князь Николая Васильевича Репнина. Время потеряно на доклады. Услыша, что Ферзен в переправе через Вислу имеет препоны, в безнадежности на него, дал я знать князь Николаю Васильевичу Репнину, чтобы часть Дерфельдена команды обратить сюда, что могло быть исполнено по окончании его с Гроднею. Но по ответу надежда исчезла. Дивов — с Севским полком и тремя эскадронами Херсонскими, в них только около восьми сот под ружьем. Бригадир Владычин, бывший у препровождения польской артиллерии, исправля порученное, благополучно возвратится сюда дни через 3—4. У него только около 1500. Не будучи в довольных силах, не могу я с частию их отважиться на очищение правого берега Вислы для Ферзена, о котором верных слухов нет; даже что и конфиденты не возвращаются, разве только через отправленную к Висле партию, что в полном сомнении их получу. О Люблине же еще рано и мыслить. Хотя я в запас писал к Гарнонкурту, что ежели он его содержать не может, я то с моей стороны учиню». Они перебрасывались сюжетами из античной военной истории — и хорошо понимали друг друга: «Тако сиятельнейший граф! Близ трех недель я недвижим и можно сказать здесь, что Магарбал Ганнибалу: “Ты умеешь побеждать, но не пользоваться победою”. Канна и Бржесць подобие имеют. Время упущено. Приближаются винтер-квартиры. Сходно высокому намерению вашего сиятельства, я предполагал Ферзену и мне: одному в Люблине, другому здесь с приличным разделением обоюдных войск. Остерегаюсь малейшего раздробления, так что занимают от Несвижа, Вильну, Ковну, Грод-

ну, Бялосток с Слонимом. Варшава не получила бы прокормления с правого боку Вислы. А в Владимире или Луцке достаточно и отряда для закрытия границы от князя Николая Васильевича Репнина». И впрямь — Ганнибал проиграл войну после нескольких ярких побед. Нужен решающий удар!

Другой бы после Брестской победы мог и остановиться — но Суворов и Румянцев пытались перехватить власть у Салтыкова и Репнина и, собравшись с силами, атаковать Варшаву.

После Бреста, по замыслу Румянцева, Суворову непосредственно были подчинены три доселе самостоятельных русских корпуса, действовавших в Польше, — Ферзена, Дерфельдена, Репнина. Чтобы воплотить эту идею, Румянцеву пришлось поднажать на Салтыкова — в том числе через Завадовского, действовавшего в Петербурге. Теперь армия Суворова насчитывала до тридцати тысяч.

Тем временем корпус Ферзена, шедший на соединение с Суворовым, при Мацеевичах был встречен польскими войсками. Костюшко стремился не допустить соединение русских войск. Решающий удар полякам нанёс казачий отряд генерал-майора Ф. П. Денисова, о чём Суворов с удовольствием отписал Румянцеву и Рибасу: «томная» деятельность Ферзена и Дерфельдена в кампании вызвала нарекания Суворова, и Денисова он выделял с дальним прицелом. Девятитысячный польский корпус был наголову разбит войсками Ферзена у Мушковского замка. Пленниками Суворова стали и Сераковский, и Каминский, и — главное — тяжелораненый Тадеуш Костюшко. Знатных пленников Суворов приказал под конвоем отправить в Киев.

После недолгого отдыха, 7 октября, Суворов выступил из Бреста маршем на Варшаву, оставив в городе бригадира Дивова и около двух тысяч чело-

век под его командованием — для контроля над областью и прикрытия обозов. В тот же день Пётр Александрович Румянцев рапортовал императрице о Суворове и суворовских победах, несколько запаздывая со сведениями — впрочем, такие опоздания в век отсутствия современных информационных технологий неминуемы. Пётр Александрович писал:

«Всемиловейшая государыня! Войски вашего императорского величества под предводительством генерала графа Суворова-Рымникского продолжают бить неприятеля, где он только показывается, как то 26-го прошедшего месяца и под деревнею Селище случилось, и что все в при сем всеподданнейшем донесении, приложенном в копии рапорте помянутого генерала, наивнятенше явствует. Я прилагаю к оному и другие копии с писем австрийского генерала де-Гарнонкурта к вышепомянутому генералу и генералу графу Салтыкову и с письма вашего императорского величества посла графа Разумовского. Известия, коих содержание подтверждает больше, нежели когда мыслей образ и так часто оказываемое поведение сих союзных, а всевышше щастливое происшествие чрез низложение и пленение Костюшки то совершенно, что все их нечаянные отступления и неприятелю под рукой чиненная помощь не служили ни к чему вяшше к превознесению вам единым всемиловейшая государыня! довлеемой славы. И хотя я о сей победе только по словам к генералу князю Репнину посланного подполковника Тучкова чрез генерал-майора графа Разумовского из Острога уведомляю, то я не упустил однако же мое мнение генералу графу Суворову-Рымникскому сообщить и кое к сему моему всеподданнейшему донесению тоже в копии прилагается. Вашего императорского величества верноподданной граф *Петр Румянцов-Задунайский*».

Поход подготовили на редкость основательно, с учётом возможных неожиданных партизанских движений противника. Только с надёжным тылом можно было отправляться в наступление. Особыми распоряжениями Суворов предупреждал возможные конфликты с мирным населением. После пражских и виленских событий многие солдаты были настроены озлобленно, дух мести витал над армией. Но Суворов не допускал войн с безоружными. На местное население — в особенности на православных белорусов — Суворов в походе опирался. С католическим польским крестьянством было сложнее, но и с ними русская армия обходилась без мародёрства и карательных акций.

К Варшаве повёл свой корпус и Дерфельден. В Станиславове к армии Суворова присоединились войска генерала Ферзена. Тучи над польской революцией уже сгустились. У Кобылки авангард Суворова столкнулся с пятитысячным польским отрядом генерала Мокрановского. Суворов лично пошёл в атаку с кавалерией, как и под Брестом, отрядив на фланги Исленьева и Шевича. Бой продолжился в перелесках, затруднявших движение конницы. Суворов приказал кавалеристам спешиться, началась сеча. Сабельная атака спешенных кавалеристов (их поддерживал единственный батальон егерей!) была предприятием поразительным. Переяславский полк при поддержке казаков обошёл польские позиции, пробрался через болота и ударил неприятелю в тыл. В итоге Суворов получил возможность честно написать в рапорте: «Неприятель весь погиб и взят в полон».

У Кобылки Суворов остановился и разбил лагерь. Владелец деревушки — пожилой граф Унру — был настроен пророссийски и давно почитал Румянцева и Суворова. Казаки, приняв его за дей-

ствующего польского генерала, под конвоем привели к Суворову. Суворов обнял его как старого товарища. В усадьбе графа Унру состоялся совместный дружеский обед русских и пленных польских офицеров. О тех днях сохранился милый исторический анекдот, пересказанный Денисом Давыдовым: «Суворов спросил у графа Кенсона: “За какое сражение получили вы носимый вами орден и как зовут орден?” Кенсона отвечал, что орден называется Мальтийским и им награждаются лишь члены знатных фамилий. Суворов долго повторял: “Какой почтенный орден!” Потом обращался к другим офицерам: “За что вы получили этот орден?” Они отвечали: “За Измаил”, “за Очаков” и т. п. Суворов саркастически заметил: “Ваши ордена ниже этого. Они даны вам за храбрость, а этот почтенный орден дан за знатный род”».

В Кобылке 19 октября к Суворову присоединился корпус Дерфельдена. Вся тридцатитысячная армия теперь была собрана в кулак. Суворов уже решил судьбу Варшавы, из-под которой недавно ретировалась армия прусского короля Фридриха Вильгельма... Начались насыщенные учения, в приказе Суворова говорилось: «экзерцировать так, как под Измаилом». Для штурма заготавливались плетни, фашины, лестницы. Правой рукой Суворова при подготовке штурма становится верный боевой товарищ и ученик Илья Алексеевич Глухов (1762—1840), в то время — инженер-капитан. После победы, с подачи Суворова, о нём вовсю заговорят на высочайшем уровне. Илья Глухов был настоящим чудо-богатырём, таких Суворов привечал и расхваливал громко и цветисто, чтобы они стали высокими маяками для других. Под Измаилом он был поручиком — и Суворов настойчиво хлопотал перед импе-

ратрицей о награждении умелого и расторопного инженера, вникая в его судьбу даже из пасмурной Финляндии. Тогда, под стенами грандиозной турецкой крепости, Глухов был неустанным помощником главного квартирмейстера Петра Никифоровича Ивашева, произведённого в секунд-майоры за храбрость и расчётливость. Рядом с Суворовым и Ивашевым Глухов был и при подготовке штурма пражских укреплений (речь идёт о названии предместья Варшавы). В реляции Румянцеву «О штурме пражских ретранжаментов» Суворов укажет: «Пункты, на которые приступ вести надлежало, и пункты, где колонны для атаки начального сигнала ожидать должны были, поручено было указать правым четырем колоннам генерал-порутчику Потемкину, и левым трем колоннам генерал-порутчику Ферзену, по прожекту инженер-квартирмейстера Глухова». Ивашев под Прагой был уже подполковником, а в финале похода 1794 года он получит полковничий чин. После Пражской виктории Суворов так рьяно ходатайствовал за своего любимца Глухова, что Екатерина заметила в письме Гриму: «Граф двух империй расхваливает одного инженерного поручика, который, по его словам, составлял планы атак Измаила и Праги, а он, фельдмаршал, только выполнял их, вот и всё». Это о Глухове. Если Суворов так высоко ставил его искусство и не жалел красок для выражения восторгов — значит, он всерьёз считал Глухова незаменимым, доверял ему. А что может быть важнее при серьёзном штурме, чем доверие полководца инженеру. Во время Итальянского похода инженер И. А. Глухов носил уже чин полковника, он отличился при штурме Александрии. А закончит службу, как и Пётр Ивашев, в высоком для инженера чине генерал-майора. После штурма Праги Глу-

хов получит Георгия четвёртой степени с почётной формулировкой: «За особое искусство, доказанное снятием плана Прагского ретранжамента для устройства батарей, тако ж и за отличное мужество, оказанное при приступе». Глухов оставался одним из лучших русских военных инженеров и в годину Отечественной войны.

Румянцев не дремал, наблюдая за сражениями из тихого далёка. 29 октября он писал графу Рымникскому: «Я вижу впротчем теперь очень внятно, что ваше сиятельство все обстоятельства и происшествия, следственно и все то, что касается до вашего предприятия, с лучшей пользой службы соображаете, и что ваше сиятельство все то в себе самих и в современности ваших подчиненных находите, чего вы от помощи союзных ожидали. И то уверительно не без удивления, что все старания и предложения вашего сиятельства в сем виде были вовсе тщетны и без всякого уважения на поводы, чтобы тамо наводили и на саму видимую пользу общественных действий; и что сие единственно и едино виной было, что Варшава могла без помехи жизненными средствами запастись, и что все войски возмущенных способы нашли, так из Литвы как из Пруссии скрытым ходом к Варшаве пробраться и теперь оную и Прагу саму, коя тоже хорошо укреплена, соединенными силами и по всему видимому наивсекрайнейше и отчаянно оборонять. Я долженствовал полагать и то по рапортам самим вашего сиятельства, что прусские войски их пост при Закрочиме оставили и что Мокрановской недалеко от того Буг переходил, но теперь оказывается сие вовсе напротив, и что генерал Фаврат тамо неподвижно стоит, и что Мокрановской Буг при Броках перешел... Я рассматривал с многой прилеж-

ностию мне присланной план, по которому Прага, хотя бы и слабо, но двойным укреплением обведена, из которых, по мнению искусства знающих мужей, при взятии одного останавливаться не должно и удерживаться вовсе не можно; и я оканчиваю сие с тем удостоверением, что все уже учинено, что только в способах и в возможности находится и что ваше сиятельство еще один раз и то пред вашим приближением к Праге, испытали союзных по крайней мере так далеко подвигнуть, что каждой от своей стороны хотя бы доказательствами неприятеля пугал, коему никакой надежды ко спасению и действительно не остается, разве в своем ускорении той или другой державе».

Так беседовали два полководца, хорошо понимавшие друг друга, умевшие обращаться с противником как повар с картошкой, поворачивая его в нужном для России направлении.

Преемником Костюшко Верховный народный совет избрал Томаша Вавржецкого, который прибыл в Варшаву с курляндской границы. Вавржецкий был сторонником мирных переговоров: крепкой веры в успех революции у него не было. Но он был вынужден укреплять Прагу, стягивать в Варшаву силы и готовиться к отражению штурма. В спасительность пражских укреплений Вавржецкий, принявший новую должность «с отвращением», не верил, говорил, что «Прага погубит Варшаву». Но отказаться от тактики Костюшко он не мог.

На что могли рассчитывать поляки в столь отчаянном положении? Считалось, что русская армия упустила наиболее подходящее для быстрого штурма летнее время. На длительную блокаду Варшавы сил у Суворова не было, поляки это прекрасно знали. Осень

размыла подступы к городу. Осадной артиллерией Суворов не располагал, и это тоже было известно командирам варшавского гарнизона. Кроме того, в Варшаве с апреля томились 1400 русских пленных. Их судьба могла стать важным предметом переговоров.

Прага была еврейским предместьем Варшавы на правом берегу Вислы. Ныне это давно переваренный большим городом восточный район польской столицы. С Варшавой её соединял длинный мост, прикрытый укреплением. Вся Прага была обнесена старинным земляным валом, а перед ним располагался вырытый по приказу Костюшко длинный ретраншемент. На укреплениях находилось более ста крупнокалиберных орудий. Предполагалось, что при отражении штурма их поддержат батареи с другой стороны Вислы.

В приказе по Азовскому мушкетёрскому полку (аналогичные приказы Суворова получили и другие подразделения) попунктно значилось:

«1. Взять штурмом прагский ретраншемент. И для того: 2. На месте полк устроится в колонну поротно. Охотники со своими начальниками станут впереди колонны, а с ними рабочие. Они понесут плетни для закрытия волчьих ям пред пражским укреплением, фашинник для закидки рва и лестницы, чтобы лезть из рва через вал. Людям с шанцевым инструментом быть под началом особого офицера и стать на правом фланге. У рабочих ружья через плечо на погонном ремне. С нами егеря Белоруссцы и Лифляндцы; они у нас направо. 3. Когда пойдем, воинам идти в тишине, не говорить ни слова, не стрелять. 4. Подошел к укреплению, кинуться вперед быстро, по приказу кричать ура. 5. Подошли ко рву, — ни секунды не медля, бросай в него фашинник, опускайся в него, ставь к валу лестницы; охотники

стреляй врага по головам, — шибко, скоро пара за парой лезь. Коротка лестница? Штык в вал — лезь по нем другой, третий. Товарищ товарища обгоняй. Ставши на вал, опрокидывай штыком неприятеля и мгновенно стройся за валом. 6. Стрельбой не заниматься, без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, споро, храбро — по-русски. Держаться своих, в середину; от начальников не отставать. Везде фронт. 7. В дома не забегать. Неприятеля, просящего пощады, щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать; малолеток не трогать. 8 Кого из нас убьют — Царство Небесное; живым — Слава, Слава, Слава».

Суворов донёс до нас состояние тех дней: «20 и 21 заготовливали плетни, фашины и лестницы. 22 числа все войски трех корпусов тронулись тремя колоннами, вступили в назначенные лагерные места, от передовых окопов подале пушечного выстрела, при барабанном бое и музыке и тотчас разбили свой стан». Из соображений конспирации Суворов в первую же ночь пребывания перед Прагой приказал строить батареи. Со стороны центрального корпуса генерала Потёмкина — на 16 орудий, со стороны правого крыла, корпуса генерала Дерфельдена — на 22 орудия, с левого крыла, где располагался корпус генерала Ферзена, — на 48 орудий. Именно столько пушек и было в каждом из корпусов. Суворов писал: «Батареи были построены для того токмо, чтобы отвлечь неприятеля чаять приступа».

Нечасто бывает, чтобы столь детальный план был воплощён при штурме, в угаре жестокой битвы. Но в данном случае Суворову удалось продирижировать армией как слаженным оркестром. Суворов был убеждён, что дело решит расчётливо направленная штыковая атака. Физическая подготовка солдат

позволяла на это надеяться. Так и случилось. В очередной раз суворовская пехота атаковала батареи, не боясь картечи, и штыковым ударом опрокинула противника. А конница Шевича и Грекова с криками «ура!» и гиканьем вовремя изобразили отвлекающую атаку, прикрывая наступление пехоты на батареи.

В пять часов утра по знаку сигнальной ракеты войска двинулись на Прагу.

Центральный корпус, в котором пребывал сам Суворов, формально возглавлял Потёмкин, первый помощник командующего в сражении; правое крыло — Дерфельден; левое, наступавшее с восточной стороны, — Ферзен. На штурм шли семью колоннами: у Дерфельдена — колонны Лассия и Лобанова-Ростовского; у Потёмкина — колонны Исленьева и Буксгевдена; у Ферзена — колонны Торماسова, Рахманова, Денисова.

На штурм с севера первыми пошли колонны Лассия и Лобанова-Ростовского. Они преодолевали волчьи ямы, забрасывая их плетнями, прошли ров и бросились на вал, наткнувшись на войска сторонника отчаянной обороны генерала Ясинского. В бою польский генерал был смертельно ранен, перебили и большую часть его солдат. В колонне Лассия шли три батальона гренадер любимого Суворовым Фанагорийского полка, батальон егерей Лифляндского корпуса, а в резерве — Тульский пехотный полк и три эскадрона Киевского конно-егерского полка. В колонне полковника Дмитрия Лобанова-Ростовского шли два батальона Апшеронского и один батальон Низовского мушкетёрского полка, батальон егерей Белорусского корпуса, а в резерве колонны — другой батальон Низовского полка и три эскадрона спешенных кинбурнских драгун.

В составе пражского гарнизона воевал недавно сформированный полк еврейских гусар (легкоконный полк) под предводительством произведённого в полковники Берека Йоселевича. Пять сотен гусар-иудеев в польской армии ревностных католиков, не чуждых антисемитизма, — это, конечно, явление экстравагантное, достойное специального упоминания. Колонна Буксгевдена атаковала еврейских гусар в штыки, возле укрепленного пражского зверинца. Дрался полк Йоселевича храбро, но не был готов к серьёзному сопротивлению штыковым атакам суворовцев. Едва ли не все полегли в пражской крепости, бегством спасся только сам полковник, которому ещё было суждено биться в рядах победителей при Аустерлице и пасть при Коцке, в бою с венгерскими гусарами, дав жизнь поговорке: «Погиб, как Берек под Коцком». В отличие от Тадеуша Костюшко Берек Йоселевич встанет под знамёна Наполеона, борясь за права и свободы для своего рассеянного по миру народа.

Вавржецкий приказал разрушить мост, но исполнить приказ командующего под огнём русских егерей поляки не сумели. Зато аналогичный приказ Суворова будет выполнен. Польский генерал был удивлён, что русская армия не продвигалась по мосту, не стремилась к Варшаве. Напротив, был выставлен заслон, закрывший переход через Вислу. Разрушение Варшавы не входило в планы Суворова. Он рассчитывал штурмом взять Прагу и уничтожить войско противника. Беззащитная Варшава сама должна была сдаться на милость победителя. А разрушение столицы, неизбежные новые жертвы среди обывателей, новые взаимные счёты поляков и русских — всего этого Суворов намеревался избежать.

Хотя Суворову удалось избежать больших потерь, многое говорит о том, что сражение вышло ожесточённым. Смерть ходила рядом с генералами, мужественно шедшими в атаку. Под Исленьевым убило лошадь, сам он едва избежал тяжёлого ранения. Ранен в плечо был Исаев... Об этом писал Суворов Де Рибасу: «Храбрец Ласси ранен. Потеряли мы здесь вчетверо меньше, нежели под Измаилом. Все кипит, и я в центре. Теперь около полуночи. У нас тут тысяча и одна ночь».

Ворвавшись в Прагу, сломив первоначальное сопротивление поляков, русские войска принялись добивать противника — тех, кто не сдавался. В кровавой суматохе поляки перебирались через Вислу. До поры до времени — по мосту, потом — и вплавь. Солдаты преследовали их ожесточённо, многие защитники Праги погибали в водах. Висла в районе Праги кишела мёртвыми телами. Это избиение поляков в занятой Праге очень быстро стало легендарным, его пересказывали с впечатляющими добавлениями: у страха глаза велики, а у ужаса — ещё больше. Суворовский солдат, столетний старец Илья Осипович Попадичев вспоминал уже в середине XIX века о кровопролитных часах рокового дня Варшавы. Он ворвался в Варшаву в колонне Ферзена, в составе Смоленского драгунского полка, которым командовал полковник (в будущем — генерал-лейтенант) Василий Николаевич Чичерин. Полковник Чичерин при штурме Праги проявил чудеса храбрости. Драгуны шли на укрепления спешенными. Пять эскадронов повёл Чичерин на польскую батарею. Смелой атакой, грудью на орудия, они захватили батарею и взяли в плен несколько сотен поляков. О характере уличных боёв Попадичев вспоминает: «На переулке встретился с поляком. Крикнул:

“Ура” и ударил его штыком. Поляк отвёл удар, а штык мой вонзился в деревянную стену. Я тащить назад... нейдёт, я туда-сюда! Казалось, что бы стоило поляку заколоть меня? А он стоял как вкопанный и приклад опустил на землю; я успел вывернуть ружьё из штыка и тут же выстрелом повалил поляка. За что б мне было его убивать? Поверишь ли, как человек на штурме переменится? Тут себя не помнишь, только стараешься и бегаешь — так и ищешь, кого бы уходить. Летаешь как на крыльях, ног под собой не слышишь. Тут, бывало, из-под куртки и рубаха выскочит, да и то не смотришь. Ох, штурмы, беда! — и ни себя, ни других не узнаёшь!» Поляки потерпели одно из жесточайших поражений в своей истории: из тридцатитысячной армии спаслись не более восьмисот человек, из четырёхтысячного ополчения — восемьдесят.

Ужасы пражского боя разворачивались на виду у варшавской публики — и это повлияло на события ближайших дней, когда поляки предпочли капитуляцию новой бойне.

Для полной победы и занятия пражских укреплений русским войскам понадобилось три часа — действительно, летели как на крыльях в ярости атаки. И не преувеличивал Суворов, когда сообщал в реляции Румянцеву: «Дело сие подобно измаильскому». К спорам об ожесточении русских войск при штурме Праги (и о взаимном ожесточении вообще) можно добавить свидетельство самого генерал-аншефа Суворова, который к тому времени повидал немало и редко живописал кровавые картины в реляциях: «Все площади устланы были телами, последнее и самое страшное истребление было на берегу Вислы в виду варшавского народу. Сие пагубное для них зрелище привело в трепет, а подоспевшая

наша к берегу полевая артиллерия столь успешно действовала, что многие дома повалила, и одна бомба, пущенная, пала посреди заседания так называемой наивысшей их рады, от чего присутствующие в ней разбежались и черепом одним, когда она лопнула, убит секретарь сей рады. Итак, будто громовой удар, разразив, разрушил тут заседание сего незаконного судилища. От свиста ядер, от треска бомб стон и вопль раздался по всем местам в пространстве города. Ударили в набат повсеместно. Унылый звук сей, сливаясь с плачевным рыданием, наполнял воздух томным стоном. В Праге улицы и площади были устланы убитыми телами, кровь текла ручьями. Висла обагрённая несла стремлением своим тела тех, кои, имев убежище в ней, потопали. Страшное позорище видя, затрепетала вероломная сия столица».

Итоги пражского сражения впечатляли: 104 пушки, три пленных генерала (Мейн, Геслер, Крупинский), 500 пленных офицеров. Генералы Ясинский, Корсак, Квашневский и Грабовский погибли в бою. Добыча у солдат была не та, что в Измаиле: местные евреи оказались бедноваты. Правда, захватили немало лошадей, которых потом пришлось сбывать за бесценок тем же пражским жителям.

24 октября Суворов пишет Румянцеву одно из своих самых известных кратких и выразительных донесений: «Сиятельный граф, ура! Прага наша». Даже в письме императрице Румянцев одобрительно припомнил лаконический стиль будущего фельдмаршала. На следующий день Суворов составил «Условия капитуляции Варшавы» — ультиматум для потрясённых поляков, не все из которых были сломлены кровопролитной битвой:

«1-е. Оружие сложить за городом, где сами за благо изобретут, о чем дружественно условиться.

2-е. Всю артиллерию с ея снарядами вывести к тому же месту. 3-е. Наипоспешнейше исправя мост, войско российское вступит в город и примет оный и обывателей под свое защищение. 4-е. Ея императорского величества всевысочайшим именем всем полевым войскам торжественное обещание по сложении ими оружия, где с общего согласия благорассуждено будет, увольнение тотчас в их дома с полною беспечностию, не касаясь ни до чего каждому принадлежащего. 5-е. Его величеству королю всеподобающая честь. 6-е. Ея императорского величества всевысочайшим именем торжественное обещание: обыватели в их особах и имениях ничем повреждены и оскорблены не будут, останутся в полном обеспечении их домовства и все забвению предано будет. 7-е. Ея императорского величества войски вступят в город сего числа пополудни или по сделании моста рано завтра». На обед после боя по традиции Суворов пригласил пленных неприятельских офицеров, с которыми приветливо говорил по-польски.

Ночью 25-го на лодках из Варшавы к Суворову прибыли парламентёры — три депутата магистрата с посланием от короля Станислава Августа. Король надеялся на Суворова, чью доблесть высоко ценил ещё по давней войне с конфедератами. Поляки были растроганы столь мягкими условиями, которые сообщены были вождям революции и королю. Королю Суворов изложил их в почтительном личном письме, в котором гарантировал «жизнь и имущество жителей» Варшавы. Станислав Август сразу согласился на условия Суворова, но к Вавржецкому вернулся боевой дух: он желал сохранить армию и даже говорил о возможностях сопротивления. Переговоры затягивались. Суворов раз и навсегда на-

звал срок окончания перемирия и переговоров — 28 октября. Вавржецкий пытался тайно вывезти оружие, не сдав его русским. Горожане, не желавшие штурма, весьма агрессивно ратовали за условия Суворова, и Вавржецкий был вынужден передать диктаторские полномочия королю. Магистрат, боясь беспорядков, требовал скорейшего вступления русских войск в Варшаву. Суворов, стараясь держать руку на пульсе варшавских процессов, послал к королю князя и полковника Апшеронского полка Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского. Посылая к королю князя, представителя старой аристократии, Суворов тем самым ещё раз подчёркивал своё уважение к короне. Этот родовитый русский офицер передал королю новое письмо Суворова. 28 октября русские пленные были переданы Суворову, а польская армия начала разоружение. Горожане в порыве энтузиазма строили мост через Вислу.

В Варшаву по приказу Суворова армия входила с незаряженными ружьями — в восемь часов утра, 29 октября. Было приказано даже не отвечать на возможные провокационные выстрелы из домов. Русские колонны входили в польскую столицу под громкую музыку, с развёрнутыми знамёнами. В хвосте первой колонны ехал Суворов. Представители городского магистрата вручили ему ключи от города и хлеб-соль. Суворов поцеловал ключи, возблагодарил Бога, что в Варшаве не пришлось проливать кровь, и передал ключи Исленьеву, своему дежурному генералу. Он целовался с панами из магистрата, многим пожимал руки, был взволнован и радушен. Вот так и уничтожаются государства — после стремительных походов, кровопролитных сражений, после муторных переговоров и жарких рукопожатий с поцелуями.

Рассуждая о моральном состоянии суворовских войск (а эта проблема относительно Праги и Варшавы поднималась на щит оппонентами России аж с 1794 года!), Денис Давыдов писал: «Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших местью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов. Суворов, вступая в Варшаву, взял с собою лишь те полки, которые не занимали этой столицы с Игельстрёмом в эпоху вероломного побоища русских. Полки, наиболее тогда потерпевшие, были оставлены в Праге, дабы не дать им случая удовлетворить свое мщение. Этот поступок, о котором многие не знают, достаточно говорит в пользу человеколюбия Суворова».

Комендантом Варшавы был назначен отличившийся в бою быстротой напора генерал Фёдор Фёдорович Буксгевден — впрочем, с этой миссией Буксгевден справится не лучшим образом. В Петербурге столь скорая полная победа над Польским восстанием воспринималась как чудо. Ведь ещё несколько месяцев назад все предсказывали затяжную войну. Но призвали Румянцева — и всё пошло как по маслу. Имя Суворова означало военные победы, имя Румянцева — стратегический успех. Недаром писал Петру Александровичу всё знающий Безбородко: «Поражения, произведенные Суворовым, приемлются яко плод вашего военного искусства, что умеете предвидеть случаи и употреблять на оные способных людей».

Пражское кровопролитие предотвратило бойни в Варшаве, в том числе и погромы обывателей, что было очень даже возможно. Давайте уж учитывать патриотический экстаз поляков и мстительные чувства многих русских, помнивших судьбу корпуса Игельстрёма! Суворов опасался перерастания

войны в бойню — об этом свидетельствуют специальные пункты многих его приказов того времени. Да, после победного штурма Праги в силу вступило понятие «святая добычъ». В той или иной степени, по военным традициям того времени, взятый город всегда отдавался «на разграбление». Первая ночь после штурма принадлежала солдатам победившей армии. Можно осуждать этот обычай, но армия привыкла к нему за время Русско-турецких войн, и в революционных войнах Европы наблюдается то же самое. Но этот процесс имел свои временные и моральные рамки, и Суворов как предусмотрительный полководец, держащий свою армию на высоком уровне боеспособности, железной рукой на следующий день восстанавливал дисциплину.

Отношение Суворова к пленным после пражского штурма резко контрастирует с аналогичными прецедентами того времени. Известно, что после кровопролитного штурма Яффы в 1799 году генерал Бонапарт приказал расстрелять сдавшихся в плен янычар — их было около трёх тысяч. В те же годы англичане в Индии действовали ещё мстительнее. Герцог Веллингтон, покоря Майсурское княжество, после победы уничтожал всех, кто с оружием в руках противодействовал англичанам — таких оказалось не менее тридцати тысяч. Суворов, уничтожив армию противника, не поднимал руку на пленных. Пленных поляков освобождали, с ними намеревались сотрудничать.

29 октября Суворов снова доносит Румянцеву о победе — на этот раз о бескровном взятии Варшавы. «Ея императорского величества к освященнейшим стопам Варшава повергает свои ключи. Оные вашему сиятельству имею щастье поднести и вручителя их, генерал-майора Исленьева, в высокое покро-

вительство поручить». Исленьев справедливо слыл любимцем Суворова, и столь почётное выдвижение не было случайностью. В рескрипте Румянцеву Екатерина помянула и Исленьева: «Донесением вашим с генерал майором Исленьевым присланным о покорении войсками нашими под начальством генерала графа Суворова-Рымникского польского столичного города Варшавы мы были весьма обрадованы. И как ваши добрые распоряжения главнейшие способствовали сему знаменитому и важному событию, то мы сим свидетельствуем наше признание к усердию и радению вашим, предполагая по получении подробных о всем известий оное изъявить на деле, а равным образом создать заслугам и всех тех, кои тут ревностно и мужественно подвизались, соизволяя между тем, чтобы вы дали им знать о нашем особливом к ним благоволении. Генерала графа Суворова-Рымникского при самом получении известия пожаловали мы генералом-фельдмаршалом, а присланного генерала-майора Исленьева — генералом-порутчиком. Пребываем в протчем вам благосклонны Екатерина».

Разумеется, о взятии пражских укреплений, ещё до занятия Варшавы, доложил императрице и Румянцев, никогда не забывавший утвердить собственную роль в истории. 30 октября он отправил в Петербург такое письмо:

«Всемилодивейшая государыня!

Вчера сказал я генералу графу Суворову-Рымникскому в моем письме, что он уверительно все то в себе самом и в соревности своих подчиненных найдет, что ему на помощи союзных отходит, и сегодня увеществовалась сия мысль чрез от него присланного курьера совершенно. Прага победоносными войсками вашего императорского величества

штурмом с малой потерей наших и без всякой чуждой помощи взята.

Большое число пушек тамо добыто и многие тысячи от неприятеля пленными сделаны. И я спешу, всемилостивейшая государыня! сей рапорт, как по отношению к своему свойству редкой и по своему содержанию очень важной в подлиннике и с тем самым, чрез кого я его получил, к вашим ногам сложить, в твердом уповании, что Варшава теперь больше о своем спасении как о способах к своей обороне помышляет и великодушию вашего императорского величества предпочтительно пред другими державами подвергнется и тем сия в каждом разуме вредная война к вам, всемилостивейшая государыня! единственно и едино довлеемой славе кончится.

Вашего императорского величества верноподданной граф Петр Румянцов-Задунайский».

Теперь и Суворову приходилось вспоминать уроки дипломатии и политической мудрости, на которые щедр был мудрый полководец, переговорщик и администратор Пётр Румянцев.

Суворов, привыкший к быстроте армейских маршей и манёвров, без промедления начал вникать в социальную и экономическую реальность Польши. Уже 17 ноября, только обтерев пот битвы, Суворов пишет Румянцеву рапорт об отношении к русским в Варшаве: «Сиятельный граф! Сей Орловский, доброй и достойной человек, имел как бывший комендант большое попечение о наших пленных; они его благодарят. Тож Закржевский, которой единожды при народном волновании избавил благомысленных магнатов от смерти с опасностью своей жизни. Мокрановский по прибытии из Литвы в Варшаву сложил с себя начальство. Все предано забвению.

В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцов не любят. Нас обожают...»

Суворов умел восхищаться людьми: он нашёл, кем восхититься и среди поляков.

Знаменитый рескрипт Екатерины, в котором она сообщала Суворову о присвоении ему фельдмаршальского звания, овеян многими легендами. В реальности формула была такая: «Господин генерал-фельдмаршал граф Александр Васильевич. Поздравляю вас со всеми победами и со взятъем прагских укреплений и самой Варшавы. Пребывая к вам отлично доброжелательна, *Екатерина*».

Так они уравнились с Румянцевым по титулам и воинским званиям: оба графы, оба фельдмаршалы. Но в политике Румянцев был тоже фельдмаршалом, а Суворов — пожалуй, полковником.

1 декабря Суворов составляет новый знаменательный документ — гуманный приказ по войскам о взаимоотношениях с польским населением. Непростая миссия легла на Суворова. В очередном рескрипте императрицы значилось: «Справедливо в некоторое наказание городу Варшаве за злодеяния против российских войск и миссий, произведенные вопреки доброй веры и трактатов, с республикою польскою существовавших, и в удовлетворение убытков взять с жителей сильную контрибуцию, расположа оную по лучшему вашему на месте усмотрению и дозволяя собрать оную, елико возможно, деньгами, а отчасти вещами и товарами, наипаче для войск потребными. Для скорейшего и точного исполнения сего и военною рукою понуждать можете». Было в этом рескрипте и немало других строгих мер, принятие которых сделало бы миссию Суворова чрезвычайно непопулярной среди поляков. Непросто было полководцу читать эти строки. В письме

Хвостову Суворов заявил, что ему «совестно» быть проводником новых карательных мер против обезоруженной Польши. Фельдмаршал был уверен, что после кампании это государство уже не представляло опасности для России, и хотел отнестись к ослабленному врагу милосердно.

Комендант Варшавы Йозеф Орловский — польский просветитель, к которому Суворов питал уважение, — писал пленному Костюшко: «Вас могут утешить великодушие и умеренность победителей в отношении побеждённых. Если они будут всегда поступать таким образом, наш народ, судя по его характеру, крепко привяжется к победителям». В первую очередь великодушие проявлялось в заботе о раненых поляках и дисциплинированном поведении солдат с мирными варшавянами.

Казаки доставили Вавржецкого к Суворову в Варшаву. Суворов был готов с миром отпустить сложившего полномочия польского командующего, если тот даст реверс — то есть обещание не поднимать оружие против России. Гордец Вавржецкий, поборов колебания, сохранил лицо для будущей борьбы за Польшу, реверса не дал и был под конвоем отправлен в Киев, откуда Румянцев направил его на берега Невы. Заметим, что все польские пленники, подписавшие реверс, получили паспорта и были отпущены с правом свободного проживания где угодно. Но далеко не все исполнили данное ими обязательство. Генерал-лейтенант Ян Генрик Домбровский, прибывший вместе с Вавржецким, реверс выдал, но потом воевал против Суворова в Италии, во французской армии. Личность легендарная. Насколько эти личности и эпизоды важны для польского народа, для его патриотической версии исторических событий, можно понять, ос-

вежив в памяти историю гимна Польши «Jeszcze Polska nie zginęła» («Ещё Польша не погибла»). Ведь эта песня — марш Домбровского, написанный Юзефом Выбицким в 1797 году, когда генерал, с благословения генерала Бонапарта, формировал в Италии польские легионы.

Польский поход Суворова вернул Румянцева в большую политику. Да не на обочину, а на олимп. Торжествовали петербургские друзья Петра Александровича. Хитроумный Завадовский повсюду воспевал фельдмаршала. Потёмкина не стало, а Зубов не мог конкурировать с графом Задунайским ни по военной, ни по управленческой части. Но Румянцев в Петербург не переселился и даже не приехал на время. То ли амбиции в нём поутихли, то ли понимал, что физических сил уже не хватит для придворных триумфов...

Ему нравился лаконичный стиль Суворова. Пётр Александрович не отгеснял истинного победителя в переписке с императрицей. В те дни он писал и говорил о Суворове с искренним восхищением, без сарказма — разве что с лёгкой долей снисходительности. А Суворов после этой кампании навсегда сохранит почтение к Румянцеву, забыв о минувших недоразумениях.

Но в переписке Суворова и Румянцева образца 1794 года, при внешней уважительности обоих, всё-таки чувствуется скрытый нерв. Это проявилось после Пражской победы, после капитуляции Варшавы, когда Суворову пришлось заняться политикой — например, просить за пленных, выпрашивать привилегии для варшавской знати. Граф Рымникский следовал давно избранному амплу простака, а Румянцев не изменял рассудительной и церемонной манере. В политике Румянцев был

куда опытнее Суворова, лучше чувствовал настроения Петербурга, хотя не покидал пределов Малороссии. Генерал-аншеф Суворов тоже присматривался к европейским делам — в особенности после Французской революции. Вихрь политический тогда воздействовал на всех. У Суворова созрел план решительного наступления на республиканскую Францию, план сокрушения революционной «гиены». В военном отношении план был продуман по-суворовски метко, но политическую подоплёку Суворов исследовал не слишком внимательно.

А Румянцев понимал, что императрица относится к безбожным восставшим галлам не столь прямолинейно. Революция исключила из политической игры Бурбонов — опасных конкурентов России, активно действовавших против наших интересов и в Польше. Измождённая, обнищавшая Франция выгодна России. Это не означает, что следовало приветствовать революцию, но и рубить сплеча время не пришло. Зато впору было задавать риторический вопрос: решилась бы Екатерина на раздел Польши, если бы в Париже по-прежнему правили Бурбоны, поддерживавшие в Речи Посполитой кого угодно, лишь бы отыграть несколько вистов у Российской империи? А революционной Франции было по большому счёту не до Польши. Париж поддерживал Костюшко — но не в том масштабе, на который рассчитывали поляки.

Станислав Август удивлялся, с какой лёгкостью Суворов освобождает польских офицеров из плена, даже зачинщиков восстания — им стоило только подписать реверс. В Петербурге нашлись доброжелатели, считавшие, что Суворов заигрался в милосердного хозяина Польши. Румянцев должен был учитывать и эту точку зрения.

Разделов Польши в XVIII веке было несколько. Принято насчитывать три, и второй из них произошёл незадолго до суворовского похода, в 1793 году. В действительности процесс деградации системы власти и распада страны шёл беспрестанно в течение века. Но в 1794 году был нанесён наиболее чувствительный удар по многовековой польской государственности. Страна надолго потеряла способность бороться за независимость, и только в 1918 году, в условиях Первой мировой войны и постреволюционной сумятицы в России, поляки сумеют выстроить независимое государство.

Кто виноват в этой катастрофе? Поляки не любят признавать, что прежде всего виновата демократия — пьянящая, порабошающая. Полвека она ослабляла Польшу — и в 1794-м поляки уже не имели оснований для горделивого отношения к русским, пруссакам, австрийцам. Наказание — гибель королевства, а заодно — и республики. Они ведь в 1794-м переплелись в противоестественном союзе.

В октябре 1795 года раздел Польши состоялся юридически. В то же самое время Суворову было приказано оставить Варшаву и направиться в Петербург — там его встречали как триумфатора. Но Варшава по разделу досталась тогда Пруссии — это вызывало негодование Суворова, да и Румянцев вряд ли считал такой исход вполне выгодным для России. Варшаву империя получит только после Наполеоновских войн.

Оставались ли у России шансы получить на западной границе дружественную Польшу, не растаптывая её суверенитет? Екатерина взяла курс на поглощение Польского королевства — и даже некоторым современникам такая тактика не казалась бесспорной. А к середине XIX века, после несколь-

ких кровопролитных польских восстаний, среди государственников стало популярным отношение к Польше как к непосильной обузе. Но что предлагала нам история вместо поглощения? Не усиление ли Пруссии за счёт Польши — и это ещё не в худшем случае?

Сокрушив Османскую империю, прорвавшись к Чёрному морю, империя чувствовала силушку в плечах — и расширялась с молодецким гимном композитора Козловского на стихи Державина: «Гром победы, раздавайся!» В этих словах — смысл эпохи. И захват европейской столицы в этой системе ценностей — дело благородное. А уж тем более если речь идёт о славянском католическом государстве, которое во времена Московской Руси слыло соперником опасным и могущественным.

Слава той осенью досталась Суворову — и заслуженно. Ему посвящали стихи — Иван Дмитриев, Гаврила Державин... Прежде он не изведывал столь полного признания — и не скрывал торжества. Ликовал. Румянцев остался в тени — но кампания подчеркнула его влияние на политическую жизнь империи, и граф Задунайский увядал в душевном равновесии. У него уже и так имелись все награды, разве что княжеского титула не хватало. За польские дела императрица в конце концов пожаловала Петру Александровичу новые имения, и не только. «Повелеваем Сенату нашему подвиги его засвидетельствовать новою похвальною грамотою, к подписанию нашему заготовляемою; сверх того пожаловали мы ему в потомственное владение деревни; на вечную память заслуг его воздвигнуть ему на иждивении казны нашей дом, с принадлежащим к нему внутренним убором, и перед оным соорудить памятник, истребовав от него уведомление, в столице ли, или же в которой

из своих деревень он предпочтет те строения, и представя нам план и сметы, дабы мы об отпуске потребной суммы могли учинить распоряжение». Эти лестные слова Румянцев узнал и напрямую, и в пересказе Завадовского.

Ничто не нарушало ташаньского уединения, а Пётр Александрович доказал самому себе, что может управлять армиями и чиновниками по переписке.

Закат

Закат выдался долгий: состарился Румянцев раньше срока, а жил, по тем временам, до глубокой старости. Граф почти безвылазно пребывал в своём имении Ташань под Киевом. Там он построил дворец, но для своего личного проживания выбрал всего две комнаты. Из многих имений, принадлежавших ему в Малороссии, излюбленными считались Вишенки с Черешенками. Дворец в Вишенках тоже напоминал романтическую крепость — туда Пётр Александрович навещался куда чаще, чем в шумные города империи. В Вишенках он выстроил весьма вычурные резиденции, которые названиями да и архитектурными мотивами напоминали ему о миновавших походах: Молдавский дворец, Турецкий дворец, Готический дворец и Итальянский. Среди авторов этого великолепия называют архитекторов Василия Баженова и Максима Мосципанова — украинского зодчего, которого Румянцев привечал.

Во время своей знаменитой поездки в Новороссию в 1787 году Екатерина гостила у Румянцева в Вишенках — и Готический дворец построен был специально для императрицы. Румянцев тогда пустил в ход всё своё красноречие, чтобы заманить к

себе венценосную путешественницу. Он уже тогда не любил приезжать в Петербург — а в обжитой Малороссии рассчитывал на высочайшее внимание. Не стыдно было принимать Фелицу в этой усадьбе: Румянцев всё строил с царским размахом, хотя, как отмечали современники, без кричащей, вульгарной роскоши.

Уже не просто любимым, но почти единственным его занятием стало чтение книг — смолоду на это вечно не хватало времени. Ласково похлопывая по корешкам, граф приговаривал: «Вот мои учителя». Чему же учиться, когда все сражения уже выиграны?! Сказывали, что частенько он одевался в простую одежду и, сидя на пне, ловил рыбу — как обыкновенный крестьянин или отставной ветеран. И не променял бы тихую рыбалку на придворную шумиху. «Блажен, кто менее зависит от людей... И чужд сует разнообразных».

Однажды приехали к нему гости, они долго искали в саду знаменитого героя и, случайно встретив старика, обратились к нему с вопросом: «Где бы найти сиятельного графа?» Румянцев ответил задумчиво и доброжелательно: «Вот он. Наше дело города пленить да рыбу ловить».

Жилище Румянцева отличалось богатым убранством, но в тех комнатах, где фельдмаршал обитал, стояли простые дубовые столы и стулья. По этому поводу он говорил: «Если великолепные комнаты внушают мне мысль, что я выше кого-либо из людей, то пусть сии простые стулья напоминают, что я такой же простой человек, как и все».

Принято считать, что философское, даже сентиментальное отношение к войне Румянцев проявлял и до своего ухода с исторической сцены. В любимой многими книге «Анекдоты, объясняющие дух фельд-

маршала графа Румянцева-Задунайского» есть история под названием «Достопамятные слова человека колюбивога Румянцева»:

«...Всеобщая радость является во всем Российском войске, и веселые лица приветствуют победителя Румянцева. Но сей мудрый герой обнаруживает уныние и, по-видимому, совершенно чуждается радости, произведенной победою. Один из друзей, окружавших Задунайского, спрашивает его, почему не разделяет он всеобщего веселия при столь славном поражении неприятеля. В то время граф Румянцева говорит ему: “Посмотри на сии потоки струящейся крови, на сии тела, принесенные в жертву ужасной войне. Как гражданин сражался я за Отечество, как предводитель победил и как человек плачу”. Сии слова, сказанные в первую минуту восхищения, производимого победою, делают Румянцева мужем истинно великим».

Думается, что среди опытных полководцев нет ни одного, кто хотя бы раз не испытал подобных мыслей. Но подчёркивать именно этот настрой Румянцева стали во времена карамзинские, во времена сентиментализма.

В поведении старика видели хандру, но, быть может, он познал какие-то новые для себя, несчетные истины и обратился к Вечному как молчаливый собеседник. Всегда он был непрост, Пётр Александрович Румянцева. Когда его привлекали к делам государственным и армейским — он снова умело действовал, правда, отныне — исключительно в кабинетном стиле. Бегать ему давненько не по силам было. Болезни смолоду преследовали фельдмаршала, раньше ему удавалось их скрывать — и товарищи по оружию принимали Румянцева за богатыря. Обманчивое впечатление!

Человек создал одежду, чтобы прикрывать срамоту, и хороший тон — чтобы скрывать нутряную правду. Для Румянцева это правило не было секретом, но не вызывало энтузиазма. В армии — другое дело, там чаще всего ты действуешь в системе «личность — коллектив», там искренность не всегда вредна, а зачастую и полезна. Так же — в общении между друзьями, соратниками или в семье.

В политике другой уровень ответственности, личное следует отбросить — и общение происходит на уровне двух (или более) сложных систем, в каждой из которых хватает внутренних противоречий. Самое глупое и безответственное в таких условиях — шеголять искренностью. Погубишь корабль за милую душу!

Все завоеватели, начиная с древнейших времён, и даже самые бескомпромиссные и нелицемерные из крупных политиков выдвигали дружелюбные лозунги для народов, которые намеревались покорить. А как иначе? Уж если ты собрался кого-то ударить — не следует его ещё и громко проклинать, а тем более нельзя плевать в поверженного врага. Если ударил вежливо — когда-нибудь вы ещё сможете посотрудничать и — кто знает? — возможно, ещё будете полезны друг другу. Сжигать мосты — непрактично. Румянцев заметил, что некоторые из его молодых товарищей проявили тягу к этой политической грамоте. Для них эти осторожные шахматы — в удовольствие. Полководец тут же набрасывает план: с помощью Завадовского можно незримо присутствовать в Петербурге. Не утруждая себя придворной кутерьмой, Румянцев издалека сумеет следить за толкотнёй на российском олимпе.

Это не шпионаж. Возможно, у Румянцева имелись и настоящие шпионы, платные агенты, но у

них масштаб помельче. А такие, как Завадовский, — друзья, ученики, представители неформальной партии Румянцева. Не пешки, но фигуры. И они относились к Петру Александровичу с ученическим почтением, которое не иссякало ещё и потому, что граф Задунайский умел и материально заинтересовать друзей... Он знал цену рублю и умел инвестировать — в том числе и в союзников. Разумеется, косвенным порядком.

Думал он использовать и ретивого Григория Потёмкина, но быстро понял, что у этого генерала размах царский. Он быстро перетянет на себя одеяло, всех проглотит и костей не оставит. Таланты Потёмкина Румянцев разглядел, но разглядел и честолюбие, которое мешало двоим полководцам объединиться для прочного политического союза.

Самым крупным и надёжным политическим приобретением Румянцева стал Александр Андреевич Безбородко, в котором полководец сразу разглядел небывалого царедворца, дипломата, управленца. Ну кто ещё способен ужиться подряд — с Румянцевым, Екатериной и Павлом? Аттестуя Безбородко императрице, Румянцев сказал: «Представляю вашему величеству алмаз в коре. Ваш ум даст ему цену». Александр Андреевич поверхностно знал многие языки, но чисто говорить по-русски так и не выучился. Его малороссийский говор на все лады обыгрывали острословы, да и императрица посмеивалась, но Безбородко знал: пока он трудится энергично, пока не потерял нюх и хитроумие — он незаменим. Второго Безбородко под рукой у императрицы не имелось.

Из любого щекотливого положения он мог выйти с положительным сальдо — и для себя, и для патрона, и для государства. Прыткому малороссу

понадобилось немного времени, чтобы стать незаменимым сотрудником государыни. Он стал достаточно сильным, чтобы забыть первоначального благодетеля, но Румянцев всё ещё был притягателен для Безбородко. В этом одна из загадок фельдмаршала: он умел управлять людьми и на расстоянии — причём личностями выдающимися! Что это — уникальные лидерские качества, ореол победы, фамильное обаяние? Или своеобразное родство душ с братьями по оружию?

Вот, например, Гаврила Романович Державин никогда не был ни сотрудником, ни соратником Румянцева. Но и он подпал под обаяние графа Задунайского — ещё когда служил в лейб-гвардии Преображенском полку в чине подпоручика. Гвардейские легенды о Румянцеве создали в воображении поэта образ идеального воина, мудрого политика, бескорыстного дворянина, преданного престолу и Отечеству. В стихах Державина Румянцев предстаёт как идеал просвещённого полководца, как современный Велизарий. Позже, когда Державин войдёт в силу, они познакомятся, но не сблизятся. Восхищаться графом Задунайским Державин не перестанет — даже изведав сухость стареющего полководца.

Никогда не разочаровывался в Румянцеве и строптивый Сумароков, не раз упоминавший полководца в стихах. В просвещённой среде критиковать Румянцева считалось дурным тоном, а это пострашнее политической цензуры. Дело в том, что Пётр Александрович обладал кроме царских наград и неофициальной репутацией героя — его принято было считать недооценённым. Только некоторые вельможи и генералы знали, что как политик Румянцев далеко не безобиден, что он искушён и в политическом фехтовании, и в прямолинейных

интригах. Правда, с годами всё чаще к политике граф относился апатично, но и впрямь считал себя недооценённым. Каждый политик — тройной агент и игрок вслепую на нескольких досках. А уж потомственные вельможи на этой игре столько собак съели, что ни о каком простодушии в политике и речи идти не могло. Так уж заведено в «публичной власти, отделённой от массы народа», — и, надо думать, эта система, при всех её пороках, долгое время была оптимальной для государства.

Заслуживают внимания и другие легенды о Румянцеве. Например, такая: «Многие напрасно обвиняли его в любви к деньгам и в излишней расчетливости. Частые жалобы, которые он подавал на своих арендаторов, не плативших ему, могли служить поводом к такому мнению; но кто может сказать, что эти жалобы были неосновательны? После его смерти были найдены многочисленные доказательства его благотворительности и щедрости. Пансионы, которые он платил втайне неимущим семействам, доходили до 20 000 в год, и толпа бедных и несчастных, оросивших гроб его слезами, неопровержимо свидетельствует в его пользу и доказывает, что бедные лишились в нем благодетеля, покровителя и отца».

Когда силы возвращались — подолгу он сидел у реки, рыбачил, приговаривая: «Наше дело — города пленить да рыбку ловить... А раньше мы и воевать умели».

Взошедший на престол после смерти Екатерины император Павел Петрович с ненавистью выметал прочь всё, что связано было с давним заговором против его отца. Всё, что вызывало у него воспоминания о безбожном правлении матери. Лишь немногие екатерининские орлы сохранили влияние при Павле — и в число немногих счастливых попал

премудрый Безбородко, который, возможно, замолвил перед императором словцо за старого фельдмаршала. Павел и сам понимал, что к заслуженному полководцу, живущему вдали от столиц, нужно относиться милостиво. Помогло графу Задунайскому и давнее соперничество с князем Таврическим: в глазах Павла он оказался врагом Потёмкина. Знал Павел Петрович и о том, как приближал к себе Румянцева Пётр III, — и этот факт, возможно, оказался решающим.

Вряд ли Румянцев сочувствовал бы павловским военным преобразованиям, сведшим на нет военную реформу Потёмкина. Но в Ташань известия из Петербурга приходили не сразу, а Румянцев прожил при Павле считанные недели.

Фельдмаршал тяжело болел. Но и во дни недомогания он держал в руках нити управления армией на границе с Османской империей. Вот одно из первых писем фельдмаршала новому императору: «Я слагаю чрез сие к ногам вашего императорского величества мой всеподданнейший и обязанности-мерной рапорт о войсках вашего императорского величества, что моей команде вверены были с все-нижайшим донесением: что войски турецкие, по всем веры достойным уведомлениям, идут продолжительно чрез Молдавию и большей частию в Хотин и много артиллерии при себе везут. И недавно в Хотине бывшей полковник Бароций уверяет, что сия крепость сими толпами действительно наполнена». Очевидно, что автор этого письма — человек осведомлённый, активный, расторопный.

Император пожаловал Румянцеву чин полковника Конной гвардии. Но в это время Пётр Александрович уже с трудом передвигался. Император разделил войска на 12 дивизий (инспекций). Одну

из них — Украинскую — в начале декабря вверили Румянцеву. Привычная для того миссия, знакомый театр военных действий и учений. Но Пётр Александрович об этом уже не узнает: на последнем дыхании время побежало ускоренно.

Павел настойчиво зазывал фельдмаршала в Петербург — чтобы приблизить, наградить его. Но в тот же день Румянцев написал императору и более личное письмо — о невозможности исполнять обязанности в связи с болезнью. Горькие строки — хотя и безупречные в смысле риторического стиля: «...Я чувствую всю великость всевысочайшей милости и доверенности, коих вы меня, всемилостивейший государь, по сему случаю удостоиваете в всевысшей степени совершенства и сия чувствительность и моя всеподданнейшая благодарность суть уверительно над всякое ощущение и изречение. После сего убеждения, не уважая на мои малые и в возлагаемом деле точно потребные знания и способности, я бы не мог медлить ни одной минуты на увеществование той презелной ревности, с каковой я вашему императорскому величеству всегда служил и с моими крайнейшими силами служить желаю, и я смею уповать, что вы, всемилостивейший государь, отдадите справедливость сей истинной верности и ревности и припишете сию невозможность тому несчастному положению, в котором я чрез многие годы длившиеся тяжкие болезни действительно нахожусь и о коем вы, всемилостивейший государь, наимилосерднейше и наиснисходительнейше судить изволите».

В те дни в Ташани гостил младший Апраксин — к тому времени уже генерал-поручик. Румянцев говорил ему: «Все более боюсь пережить себя. На случай, если со мной будет удар, я приказываю, чтобы

меня оставили умереть спокойно и не подавали мне помощи. Продолжение дней моих только ухудшит мое положение, если останусь немощным и разбитым, в тягость себе и другим. Прошу вас в таком случае приказать, чтобы меня не мучили бесполезно».

Дивизионный штаб-лекарь Ениш докладывал, что П. А. Румянцев «4-го декабря 1796 г. по полуночи в 7 часов пил кофе с сухарями, отправлял свои письменные дела и был очень бодр и весел, а в 9 часов параличный удар отнял у него язык и всю правую сторону тела, сила воспоминания и память от сего пострадали». Доктора суетились вокруг него — но граф уже не пришёл в себя и 7 декабря, как говорится, переселился в лучший из миров.

О последних днях Румянцева складывают величавые легенды. Апраксин вспоминал, что, не желая оставаться бессильным, после апоплексического удара он жестами запрещал врачам приближаться к нему, запрещал оказывать помощь. Чтобы не смели мешать приближению смерти. Четырнадцать часов, лишившись языка, он лежал на одном месте. Зрение осталось при нём — и фельдмаршал поглядывал на докторов внушительно и сурово — как умел. Тут уж даже авторитетный штаб-доктор Иван Миндерер ничего не мог поделать.

Румянцев и в последние часы, покуда не лишился чувств, демонстрировал властный характер. Но поделать уже ничего не мог.

В заключении медицинской комиссии тоже говорилось о сопротивлении знатного пациента: «7 числа в 6 часов пополуночи больной находится в том же положении, как вчера от нас донесено, чрез ночь и еще теперь мало можно приметить признаков воспоминания и, как теперь мы не имели уже причин опасаться сопротивления больного, хотя же недей-

ствительность системы нервов, к сожалению, и мало надежды нам преподавала, чтоб все наши труды были полезны, то, однако ж, совместно согласились, взирая находящиеся еще малые жизненные силы, следующее испытание к избавлению сего знаменитого мужа предпринимать приступили: дать ему довольное количество раствора соли виносурменной и также промывальное с уксуса и нашатырного спирта. Но так сие раздражение в больном не произвело никакой перемены, то повторяли мы еще с большим количеством соли виносурменной и чрез раздражение пера в горле старались произвести возбуждение к рвоте; после сего, дабы дать помощь чревоподобной движению кишок, еще избрали клистер табачного дыма, и как напоследок мы оными не достигли своих предметов, то велели узвар табачной к тому намерению промывательное поставить и сие несколько раз повторять, но и оное не произвело желаемого действия, потом мы взяли прибежище к купоросному этеру с холодною водою, разженною в клистир поставить и пластырь из шпанских мух на живот положить; однако ж все сии наши старания не были в состоянии спасти сего высокого больного и исторгнуть его из челюстей смерти; ибо 8-го числа пополуночи в 9-ть часов и три четверти скончался он спокойно».

Не сумел Румянцев толком послужить ни отцу — императору Петру III, ни сыну — императору Павлу Петровичу. Как будто получил предназначение: служить победно только императрицам, прекрасным дамам. К их ногам бросал прусские и турецкие трофеи, их славу приумножал, проливая кровь.

О последних хлопотах по умершему мы узнаём из письма младшего Апраксина генералу Прозоровскому. Особенно впечатляет начало эпистолы — удиви-

тельно искреннее: «К сожалению целого отечества, генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский сего утра в 9 часов 45 минут в вечность преселился. Письмо на имя покойного, полученное чрез нарочного курьера, вчерашнюю ночь проехавшего из Петербурга через Ташан, кое принял генерал-майор князь Дашков с объявлением, что курьер при вручении оногo изъяснил, что он имеет приказание, отдавши здесь, не мешкать ни одного часа и ехать в Тульчин с другими письмами к графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому, вашему сиятельству подношу; в последних часах болезни фельдмаршала по моему извещению прибыли киевский губернатор Милашевич, генерал-майор князь Дашков и комендант переяславский Фок, а сию минуту нечаянно и генерал-майор Шошин приехал явиться, который через меня и просит дозволения у вашего сиятельства через несколько времени при теле остаться для отдания последнего долга».

Император Павел — при всей его непредсказуемости — к смерти фельдмаршала отнёсся почтительно: объявил трёхдневный траур «в память великих заслуг фельдмаршала Румянцева перед Отечеством». Сам был скорбен в эти дни. Соответствующим образом вели себя и сановники: многие — искренне, другие — с оглядкой на монарха. Суворова ожидала опала, а потом — два блистательных похода, смертельная болезнь и новая опала. Всё это — за три с половиной года, прошедшие от смерти Румянцева до смерти Суворова.

Так проходит мирская слава — умер полководец, и, кажется, ничто в мире не изменилось. Небо не упало на землю. Фельдмаршал завещал, чтобы его похоронили в Киеве, в Лавре — и сыновья исполни-

ли волю покойного. Есть исторический анекдот — не слишком достоверный, — в котором Екатерина при посещении Киева в 1787-м попеняла Румянцеву, что в городе маловато добротных построек. «Моё дело — брать города, а не строить их, а ещё менее — их украшать», — мрачно отшутился фельдмаршал.

Но киевляне долго помнили Румянцева как спасителя Подола — исторического района «матери городов русских». Подольские слободы расположены на берегу Днепра, у подножия холмов — и эти улочки по весне страдали от наводнений. Тогда и созрел план генерала Миллера — уничтожить Подол, а тамошние храмы отстроить заново на безопасном месте. Румянецев отверг эту идею, спас старинный район.

На несколько дней Киево-Печерская лавра превратилась в мемориал полководца: туда съезжались старые вояки, генералы, побывала на панихидах вся малороссийская аристократия. Хоронили победителя с подобающими воинскими почестями — стояли у могилы и седые ветераны Кагула.

Мы не можем увидеть своими глазами могилу Петра Александровича Румянцева — так обратимся к тем, кто бывал у надгробия фельдмаршала.

Откроем Бантыш-Каменского: «Прах Задунайского покоится в Киево-Печерской Лавре, у левого крылоса Соборной церкви Успения Св. Богородицы. Великолепный памятник, сооруженный старшим сыном его, не мог, по огромности, поставлен быть на том месте, но помещен при входе в церковь с южной стороны, где погребены два Архимандрита. Государственный Канцлер, с высочайшего утверждения, пожертвовал в 1805 году капитал, из процентов которого шесть особ военнотруживших получают каждый год по тысяче рублей, имея житель-

ство в построенном для них доме. Они обязаны во время панихид, отправляемых на память Фельдмаршала, и церковного Соборного служения, окружать его могилу. Их избирает ныне Дума Военного ордена Св. Георгия». Так было, пока не пришла в древний город большая война. В ноябре 1941 года Успенский собор взорвали, а вместе с ним — и могилу великого полководца.

Румянцев стал первым нецарственным героем России, удостоенным памятника. Император Павел I воздал полководцу высшие посмертные почести: в центре столицы, на Марсовом поле, был воздвигнут обелиск «Румянцова победам»: «На сооружение в память побед генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского обелиска, предполагаемого быть на площади между Летним садом и Ломбардом, повелеваем исчисленную сумму 82 441 рубль отпустить в распоряжение нашего гофмаршала графа Тизенгаузена, сколь он ее когда потребует». Обелиск получился вполне капитальный. Мраморный пьедестал обелиска украшен барельефами с изображениями воинских доспехов, бронзовыми венками и гирляндами. Общая высота гранитного обелиска, который увенчан бронзовым шаром и сидящим на нём орлом, составляет более 21 метра. На пьедестале памятника имеется надпись: «Румянцева победам». Над проектом работал Винченцо Бренна — художник и архитектор, немало творивший для Гатчины.

Много раз обелиск переносили — и первым, кто потревожил его, оказался Александр Васильевич Суворов. Когда на Марсовом поле ставили памятник графу Рымникскому — обелиск в честь графа Задунайского перенесли на другой конец площади, к Мраморному дворцу. В 1818 году обелиск вторично

перенесли, и его новое местоположение стало именоваться Румянцевской площадью. Что ж, место избрали со смыслом: здесь, на Васильевском острове, прежде располагался плац, а неподалёку — дворец Меншикова, в котором располагался Кадетский корпус, альма-матер фельдмаршала. Уже в 1860-е годы вокруг обелиска разбили Румянцевский сад — одно из незабываемых мест Петербурга.

В записках Льва Николаевича Энгельгардта (будущего генерал-майора, который переживёт многих современников) есть интересный эпизод — разговор со старым гренадером, ветераном разных кампаний — вскоре после смерти Потёмкина:

«Проезжая квартиры старого Екатеринославского полка, заехал на квартиру унтер-офицера, чтобы он нарядил мне две перемены лошадей; нашел у него несколько старых гренадер, которые хотели было выйти; я их остановил и начал с ними разговаривать. Между прочим спросил: “Скажите, ребята, вы были 3-го гренадерского полка, всегда были при главной квартире славного нашего фельдмаршала (Румянцева. — А. З.) и были его любимым полком; потом также был полк сей при покойном светлейшем князе и также его любимым полком, в котором он был и шеф; один из них уже умер, а другой так стар, что, конечно, никогда уже не будет командовать армиею; кого из них вы более любили?” Один гренадер отвечал: “Покойный его светлость (Потёмкин. — А. З.) был нам отец, облегчил нашу службу, довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети; не будем уже мы иметь подобного ему командира; дай Бог ему вечную память!” Тут он прослезился, отер свои глаза; но вдруг глаза его оживились, приосанился и сказал: “А при батюшке нашем, графе

Петре Александровиче, хотя и жутко нам было, но служба была веселая; молодец он был, и как он, бывало, взглянет, то как рублем подарит, и оживлял нас особым духом храбрости”». Слова седого солдата дороже многих высокопарных оценок.

Старый солдат не солжёт. Всё-таки Румянцева уважали сильнее прочих. Жутко, но весело — такая служба у фельдмаршала, не любившего простое и поблажек.

Таким он был, фельдмаршал Румянцев, хитрый политик, смелый стратег, проницательный тактик. Вертопрах и мудрец. Магнетический полководец. И — друг человеков, герой столетия, которое мы называем веком Просвещения. Александр Андреевич Безбородко — выученик Румянцева — говорил о тех золотых временах, обращаясь к молодым политикам: «Не знаю, как при вас будет, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». После Румянцева империя ещё полвека — хотя и не без шероховатостей — будет демонстрировать молодые силы, а потом что-то сломается. Самодержавие не выдержит реформ, не выдержит скепсиса молодёжи и неповоротливого консерватизма стариков. Как не похож закат Российской империи на прорывные времена Румянцева. У побед одни рецепты, у поражений — другие. Где бы нам занять мудрости, чтобы в истории нам открывались пути к развитию, а не к деградации; к победам, а не к распаду?

«Победа» — вот главное слово в русской судьбе, в нашей истории. Об этом помнит Румянцевский обелиск на Васильевском острове, об этом помнят леса Восточной Пруссии и воды Кагула.

Москва, 2014

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ П. А. РУМЯНЦЕВА

- 1725, 4 января — в семье дипломата и воина А. И. Румянцева родился сын Пётр.
- 1735 — Пётр Румянецв записан рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк.
- 1739 — назначен на дипломатическую службу и зачислен в состав русского посольства в Берлине.
- 1740 — отозван из Берлина и направлен в Сухопутный шляхетский корпус для обучения.
Октябрь — произведён в подпоручики и направлен в армию.
- 1741, июнь — произведён в поручики.
Сентябрь — произведён в капитаны.
- 1743, июль — Абоский мир со шведами. А. И. Румянецв посылает сына Петра в Петербург с известием о заключении мира. П. А. Румянецв пожалован в полковники.
- 1744 — А. И. Румянецв указом императрицы Елизаветы возведён в графское достоинство. Таким образом, графский титул получает и его сын, полковник Пётр Румянецв.
- 1748 — Пётр Румянецв женится на Екатерине Михайловне Голицыной, дочери генерал-фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына.
- 1751 — родился старший сын П. А. Румянцева Михаил.
- 1754, 3 апреля — родился сын П. А. Румянцева Николай, будущий канцлер и основатель Румянецвского музея.
- 1755, 15 марта — родился третий, младший сын П. А. Румянцева Сергей.
Декабрь — П. А. Румянецв произведён в генерал-майоры.
- 1757, 19 августа — участвует в сражении при Гросс-Егерсдорфе, первом крупном сражении русской армии в Семилетней войне. Умелые действия П. А. Румянцева решили исход сражения.
- 1758, январь — произведён в генерал-поручики.
- 1759, 1 августа — участвует в Кунерсдорфском сражении. Крупнейшая победа русской армии над прусской армией Фридриха Великого.
- 1761, 13 августа — 5 декабря — руководит проведением Кольбергской операции. После нескольких сражений крепость Кольберг взята русскими войсками.

- 1762, *февраль* — произведён в генерал-аншефы. Император Пётр III награждает П. А. Румянцева орденами Святого Андрея Первозванного и Святой Анны.
- 1764, *ноябрь* — назначен президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии.
- 1768, *ноябрь* — начало Русско-турецкой войны. П. А. Румянцеv — командующий Второй армией.
- 1769, *август* — назначен командующим Первой армией.
- 1770, *17 июня* — разбивает турецко-крымско-татарский корпус под командованием хана Каплан-Гирея.
7 июля — разбивает 80-тысячный татарско-турецкий корпус при Ларге.
21 июля — разбивает вдесятеро превосходящие силы противника, которыми командовал великий визирь Ивазаде.
Август — получает чин генерал-фельдмаршала.
Составляет «Обряд службы» — свой главный военно-теоретический труд.
- 1771 — предпринимает осаду Силистрии, но без штурма отводит армию за Дунай.
- 1774 — рейд армии Румянцева отрезает турецкой армии сообщение с Адрианополем.
- 1775, *10 июля* — заключён Кючук-Кайнарджийский мир. Высочайшим указом повелено генерал-фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву присоединить к фамилии наименование «Задунайский».
- 1776, *декабрь* — Румянцеv — почётный член Академии наук.
- 1787, *сентябрь* — начало второй екатерининской Русско-турецкой войны. Румянцеv — командующий Украинской армией, действующей против турок.
- 1789, *апрель* — после объединения двух армий с Румянцева слагают полномочия командующего армией.
- 1794, *апрель* — назначен главнокомандующим армией в Польше.
- 1796, *8 декабря* — граф Пётр Александрович Румянцеv-Задунайский скончался в селе Ташань Полтавской губернии.
- 1799 — в Петербурге, на Марсовом поле, установлен памятник П. А. Румянцеву.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов. М., 1947.

Румянцев П. А. Документы. Т. 1—3. М.: Воениздат, 1953—1959.

Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания. М., 2001.

Великая и Малая Россия. Труды и дни фельдмаршала. М., 2014.

Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского. СПб., 1811.

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 1999 (серия «ЖЗЛ»).

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Т. 1—2. М., 1991.

Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. М., 2007.

Богданович М. Н. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб., 1852.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для потомков. Т. 1—3. М.; Л., 1931.

Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. Т. 1—2. М., 1991.

Буганов В. И., Буганов А. В. Полководцы XVIII в. М., 1992.

Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский пред последнею Турецкою войною. Начертание благодарного очевидца Н. А. Лесницкого, бывшего его питомца и секретаря // Отечественные записки. Ч. 24. 1825. № 66.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.

Гурковский В. А. Кадетские корпуса Российской империи. Т. 1—2. М., 2005.

Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940.

Державин Г. Р. Сочинения: В 7 т. 2-е акад. изд. / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1868—1878.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955.

Елисеева О. И. Григорий Потёмкин. М.: Молодая гвардия, 2006 (серия «ЖЗЛ»).

Замостьянов А. А. Гаврила Державин: Падал я, вставал в мой век. М.: Молодая гвардия, 2013 (серия «ЖЗЛ»).

Замостьянов А. А. Гений войны Суворов. М., 2013.

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865.

Записки императрицы Екатерины II. М.: Наука, 1990.

Золотарёв В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского... М., 1984.

Зорин А. В. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Каманин И. К биографии Г. Н. Теплова // Киевская старина. Год седьмой. Т. 23. Киев, 1888.

Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1—4. М., 1992.

Клокман Ю. Р. Фельдмаршал Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Ковалевский П. И. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов: Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1905.

Кони Ф. А. История Фридриха Великого. М., 1997.

Коробков Н. М. Фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский. М., 1944.

Лещинский Л. М. Военные победы и полководцы русского народа второй половины XVIII века. М.: Воениздат, 1959.

Лиштенан Ф. Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012.

Лопатин В. С. Потёмкин и Суворов. М.: Наука, 1992.

Лопатин В. С. Суворов. М.: Молодая гвардия, 2012 (серия «ЖЗЛ»).

Лопатников В. А. Канцлер Румянцев. М.: Молодая гвардия, 2011 (серия «ЖЗЛ»).

Лубченков Ю. Н. Фельдмаршал службы российской: Историческое повествование. М., 1988.

Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Кн. 1—3. М., 1886—1891.

Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времён императора Петра. М., 2012.

Массон К. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. М., 1918.

- Меерович Г. И.* Румянцев в Петербурге. Л.: Лениздат, 1987.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1984.
- Петелин В. В.* Фельдмаршал Румянцев: Документальное повествование. М.: Воениздат, 1989.
- Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2014 (серия «ЖЗЛ»).
- Письма графини Е. М. Румянцевой к ее супругу. СПб., 1888.
- Полевой Н. А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса Российских войск. СПб., 1858.
- Полевой Н. А.* Русские полководцы, или жизнь и подвиги российских полководцев, от времен Императора Петра Великого до царствования Императора Николая I. Жизнеописание составлены Николаем Полевым. СПб.: Типография Константина Жернакова, 1845.
- Попов М. Г.* Боевые песни русского солдата. СПб., 1893.
- Прунцов В. В.* Полководец Румянцев. М., 1946.
- Пыляев М. И.* Старый Петербург. Л., 1990.
- Романовский А.* Армия Фридриха Великого. М., 2013.
- Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.
- Русская литература конца XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983.
- Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000.
- Старков Я. М.* Рассказы старого воина. М., 1847.
- Суворов А. В.* Документы / Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 1—4. М., 1949—1953.
- Теплов Б. М.* Ум полководца. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
- Фрейзер Д.* Фридрих Великий. М., 2003.
- Чичагов Н.* Жизнь генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. М., 1849.
- Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997.

Содержание

Спор в вечности	5
<i>Глава первая.</i> Шалопай	15
<i>Глава вторая.</i> Семилетняя война	35
<i>Глава третья.</i> Правитель Малороссии	158
<i>Глава четвёртая.</i> Русский Цезарь	191
<i>Глава пятая.</i> Стареющий лев	260
Хронология жизни П. А. Румянцева	333
Краткая библиография	335

- Замостьянов А. А.**
3-26 **Фельдмаршал Румянцев / Арсений За-
мостьянов. — М.: Молодая гвардия, 2015. —
338[14] с.: ил. — (Жизнь замечательных
людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 80).**

ISBN 978-5-235-03774-8

Фельдмаршал граф Пётр Александрович Румянцев-Задунайский — один из наиболее славных полководцев в истории России. Не раз ему удавалось одерживать верх над сильнейшей армией того времени — прусской; с его победами над турками связаны взлёт Российской империи накануне Наполеоновских войн и прорыв к Чёрному морю и Дунаю. Вместе с тем Румянцев проявил себя и как изворотливый политик: много лет он был правителем Малороссии, умело сглаживая противоречия и способствуя расцвету этого благословенного края.

Как ни странно, настоящая книга — одна из первых попыток научно-популярной биографии П. А. Румянцева. Автор сумел проследить непростой жизненный путь этого замечательного человека и произошедшую с ним удивительную метаморфозу: превращение необузданного молодого озорника и повесы в мудрого государственного мужа и выдающегося военачальника, одного из столпов блистательного Екатерининского века.

УДК 94(47)(092)“17”

ББК 63.3(2)512

знак информационной
продукции **16+**

Замостьянов Арсений Александрович
ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректор **Г. В. Платова**

Сдано в набор 06.11.2014. Подписано в печать 14.01.2015.
Формат 70х100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1500560.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>.
E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
BERTELSMANN предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03774-8

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. А. Макарычев

ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ

Книга о великом советском хоккеисте, чье мастерство в обращении с шайбой вызывало восхищение у миллионов болельщиков по всему миру. «Легендой» еще при жизни называли 17-го номера непобедимой советской сборной не только у нас в стране, но и на родине хоккея — в Канаде. Но вместе с тем это книга о невероятно светлом, честном и порядочном человеке, каким был Валерий Борисович Харламов, о его непростом пути в большой хоккей, об испытаниях, которые ему пришлось вынести, о его друзьях и товарищах по сборной СССР и родному ЦСКА. Увы, судьба оказалась жестока к нему, отмерив лишь тридцать три года его жизни и в очередной раз подтвердив горькую истину: гении не живут долго... Существенную часть книги составили воспоминания людей, близко знавших Валерия Харламова. О многих фактах его биографии здесь рассказывается впервые.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения

ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. Г. Шеваров

ДВЕНАДЦАТЬ ПОЭТОВ 1812 ГОДА

Имена большинства героев этой книги — Н. И. Гнедича, С. Н. Марина, князя П. И. Шаликова, С. Н. Глинки — практически неизвестны современному читателю, хотя когда-то они были весьма популярными стихотворцами. Мы очень мало знаем о военной службе таких знаменитых поэтов, как В. А. Жуковский, князь П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков... Между тем их творчество, а также участие как в литературной и общественной жизни, так и в боевых действиях — во многом способствовали превращению Отечественной войны 1812 года в одну из самых романтических эпох российской истории, оставшейся в памяти потомков «временем славы и восторга».

Книга Дмитрия Шеварова «Двенадцать поэтов 1812 года» возрождает забытые имена и раскрывает неизвестные страницы известных биографий.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**В. А. Лопатников
ГОРЧАКОВ**

Среди лицейских товарищей Пушкин недаром особенно ценил юного князя Александра Горчакова. Поэт сумел каким-то образом предугадать его блестящее будущее. Министр иностранных дел, а затем канцлер, Горчаков блестящим умом и поразительной работоспособностью выделялся как среди российских министров, так и среди европейских политиков.

Осуществление либеральной реформаторской политики Александра II стало для Горчакова смыслом жизни и целью государственного служения. Задуманное давалось в сложной борьбе: накал общественных страстей, противостояние политических группировок, провокационные выступления печати, нападки радикалов, сделавших ставку на терроризм... У читателя сами собой возникают сопоставления с современной Россией, неожиданные и весьма любопытные, что придает книге особую актуальность.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Л. М. Млечин
КРУПСКАЯ

Когда большевики взяли власть и В. И. Ленин возглавил Советскую Россию, Надежда Константиновна Крупская стала одним из руководителей мощной идеологической структуры государства. Но держалась всегда в тени своего великого мужа. Она в буквальном смысле посвятила ему свою жизнь. То, что Крупская сделала для Ленина, — подвиг. С этим согласятся те, кто сам испытал муки, страдания, видя, что делает неизлечимая болезнь с близким, дорогим человеком. Ленин ушел из жизни рано, оставил ее одну перед вихрями жестокого времени. На глазах Крупской были уничтожены почти все соратники вождя революции, которые были и ее друзьями. В своей новой книге писатель Л. М. Млечин рассказывает о том, что сблизило Крупскую и Ленина, на чем основывались их отношения, почему Крупская вызывала антипатию у И. В. Сталина, какова ее роль в строительстве нового, социалистического государства.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. Ю. Рыбас
СТАЛИН

Сталина называют диктатором, что совершенно точно отражает природу его тотальной власти, но не объясняет масштаба личности и закономерностей его появления в российской истории. В данной биографии создателя СССР писатель-историк Святослав Рыбас освещает эти проблемы, исходя из утверждаемого им принципа органической взаимосвязи разных периодов отечественного исторического процесса. Показаны повседневная практика государственного управления, борьба за лидерство в советской верхушке, природа побед и поражений СССР, влияние международного соперничества на внутреннюю политику, личная жизнь Сталина.

На фоне борьбы великих держав за мировые ресурсы и лидерство также даны историко-политические портреты Николая II, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Ф. Рузвельта, У. Черчилля, Мао Цзэдуна, И. Броз Тито, А. Гитлера, а также участников соперничавших групп из окружения Сталина.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Д. Миленко

САША ЧЕРНЫЙ

Саша Черный (1880—1932), знаменитый сатирический поэт, по одним оценкам — «безнадежный пессимист», по другим — «детская душа». Каким был этот человек, создавший язвительную картину своей эпохи и вдруг развернувшийся к противоположным жанрам? Что заставляло его бросаться от сатиры — к лирике, от революционных манифестов — к религиозному миссионерству, от ядовитых политических памфлетов — к стихам для детей? По каким причинам он ушел из процветающего журнала «Сатирикон»? Отчего сторонился людей, хотя в круг его общения входили Куприн, Аверченко, Горький, Чуковский, Маршак? Почему всю жизнь искал «вершину голую»? Как вышло, что он прошел всю Первую мировую войну, а в решающие дни 1917-го оказался в Пскове, эпицентре переломных для державы событий?.. Виктория Миленко, кандидат филологических наук, представляет на суд читателей первую попытку полного жизнеописания поэта, где обозначены и творческие, и географические вехи его пути: Одесса, Белая Церковь, Житомир, Петербург, Гейдельберг, Псков, Вильнюс, Берлин, Рим, Париж и наконец Прованс — желанная ему «вершина голая».



Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Ф. Михайлов
ЛЕРМОНТОВ

Александр Блок в рецензии на очередную книгу о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова, словно сочувствуя современным и будущим биографам, посетовал: «Почвы для исследования Лермонтова нет — биография нишенская. Остаётся “провидеть” Лермонтова». Тем не менее «почва» для понимания поэта всё-таки есть — это его стихи. Вряд ли в отечественной литературе найдётся ещё один такой писатель, чьё творчество — гениальные стихи, поэмы, драма и проза — так полно и глубоко отражало бы его судьбу, жизненные обстоятельства и становление личности. Творческое наследие Михаила Юрьевича Лермонтова свидетельствует о нём как о человеке полнее и проникновеннее воспоминаний современников и, несомненно, является лучшим исходным материалом для того «провидения», о котором мечтал А. Блок. Автор новой книги о Лермонтове, осмысливая судьбу поэта, подробнейшим образом анализирует прежде всего его произведения (в том числе и несовершенные, ранние работы), использует наиболее яркие и авторитетные труды исследователей прошлого, а также философов и писателей Серебряного века, чьи мнения о М. Ю. Лермонтове неизвестны широкому читателю, соглашается и полемизирует с ними. Лермонтов прочитан глубоко и по-новому, что и происходит в тех случаях, когда поэт (Валерий Михайлов — автор более двадцати книг стихов и прозы) пишет о поэте.



Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dssel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Бенсуссан
«ГАРСИА ЛОРКА»

О. Елисева
«ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА»

С. Экштут
«ЮРИЙ ТРИФОНОВ»

А. Бондаренко
«ВАДИМ НЕГАТУРОВ»

В. Козляков
«ЦАРИЦА ЕВДОКИЯ»



Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Карпов
«ВЛАДИМИР МОНОМАХ»

Н. Голикова
«ЛЮБОВЬ ОРЛОВА»

Б. Фоконье
«БЕТХОВЕН»

Б. Фоконье
«ФЛОБЕР»

Р. Мажор, Ш. Талагран
«ФРЕЙД»



Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

М. Макарычев
«ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ»

С. Куняев
«НИКОЛАЙ КЛЮЕВ»

И. Курукин
«АННА ИОАННОВНА»

А. Алексеев
«ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ»

В. Миленко
«САША ЧЕРНЫЙ»

М. Одинцов
«ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ»



Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Д. Шеваров
«ДВЕНАДЦАТЬ ПОЭТОВ 1812 ГОДА»

Л. Млечин
«КРУПСКАЯ»

М. Савельева
«ФЕДОР СОЛОГУБ»

С. Федякин
«РАХМАНИНОВ»

А. Махов
«МИКЕЛАНДЖЕЛО»

К. Сапожников
«СОЛОНЕВИЧ»



Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*



**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**



**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03774-8



9 785235 037748 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ